ПРАВДА О РОССІИ,

ВЫСКАЗАННАЯ

КНЯЗЕМЪ ПЕТРОМЪ ДОЛГОРУКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

PARIS,
LIBRAIRIE A. FRANCK,
Rue de Richelieu, 67.
1861.

Tous droits réservés.

„Пров 49“ 66

ПР 24

224921

Оглавленіе

второй части.

		Стр.
Глава VII.	(Окончаніе). О дворянствѣ, о крѣпостномъ состояніи и выборномъ началѣ	1
„ VIII.	О среднемъ сословіи	57
„ IX.	О военной администраціи . .	64
„ X.	О финансахъ и бюджетѣ . .	83
„ XI.	О винномъ откупѣ и обществахъ трезвости	111
„ XII.	О тайной полиціи и о государственной помойной ямѣ, именуемой III отдѣленіемъ собственной канцеляріи . . .	125
„ XIII.	О книгопечатаніи, журналистикѣ и цензурѣ	156
„ XIV.	О православномъ духовенствѣ	188
„ XV.	О вѣротерпимости	204
„ XVI.	Заключеніе	222
Приложеніе.	Статья изъ журнала Будущность	267
Примѣчанія къ XII главѣ		277

Глава VII.

О Дворянствѣ, о крѣпостномъ состоянiи и о выборномъ началѣ въ Россiи.

(Окончанiе.)

Императрица Елисавета Петровна, истомленная распутствомъ и пьянствомъ, скончалась 25 Декабря 1761 года, на 53мъ году отъ рожденiя, и домъ Голштейнъ-Готторпскiй вступилъ на престолъ всероссiйскiй, на коемъ возсѣдаетъ нынѣ. Новый Государь, со времени пріѣзда своего въ Россiю называвшiйся Великимъ Княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, принялъ имя Петра III. Полу-идiотъ, полу-сумасшедшiй, онъ былъ, въ одно и тоже время, и трусомъ и горькимъ пьяницею. Но Голштейнскiе дворяне, съ нимъ прибывшiе въ Россiю съ цѣлiю у насъ посе-

литься и искать счастія, родились въ Германіи, странѣ, гдѣ дворянство не сталобы, подобно дворянству русскому, терпѣливо сносить пытку и тѣлесныя наказанія по волѣ прихоти Царской. Намѣреваясь поселиться въ Россіи, Голштейнцы эти рѣшились извлечь изъ столь унизительнаго положенія сословіе русскихъ дворянъ, въ которое дѣти ихъ предназначены были поступить. Петръ III, навеселѣ и въ полъ-пьяна, ни въ чемъ не отказывалъ своимъ приближеннымъ. Они выпросили у него дворянскую грамоту, въ силу коей русское дворянство: 1. изъято было отъ наказаній тѣлесныхъ; 2. получало право выходить въ отставку, путешествовать, и, съ согласія царскаго, вступать въ иностранную службу, и 3. тайная канцелярія долженствовала быть уничтоженною.

Въ Европѣ, все это входитъ въ число гражданскихъ правъ каждаго человѣка: въ Россіи это называется привилегіями дворянства!

Князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ, въ своей любопытной книгѣ о русскихъ нравахъ въ осмнадцатомъ вѣкѣ, разсказываетъ, что Петръ III, бывшій въ связи съ графинею Елисаветою Романовною Воронцовою, захотѣлъ однажды провести вечеръ съ другою дамою, и ска-

залъ статсъ-секретарю Дмитрію Васильевичу Волкову: *я увѣрилъ Елисавету Романовну что буду весь вечеръ работать съ тобою; и такъ придумай какій-нибудь важный указъ, и поднеси мнѣ его завтра къ подписанію.* И Волковъ, на другій день, поднесъ ему дворянскую грамоту. Разсказъ Щербатова впрочемъ ни мало не опровергаетъ и преданія, нами разсказаннаго со словъ стариковъ, отцы коихъ были современниками Петру III*). Въ какой-бы милости ни находился Волковъ у Государя, онъ не имѣлъ довольномогущественнаго вліянія на дѣла государственныя, для произведенія такой исполинской перемѣны въ положеніи высшаго сословія въ Россіи, если-бы перемѣна эта не была подготовлена вліяніемъ Голштинскихъ генераловъ и придворныхъ, съ коими Волковъ находился въ большой пріязни и въ постоянномъ забутыльномъ собесѣдничествѣ.

Съ этой поры настаетъ новая эпоха для русскаго дворянства. Полное и безграничное рабство перемѣнилось на полурабство, на холопство; дворянство, избавленное

---

*) А именно мы слышали это преданіе отъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына, графа Петра Александровича Толстаго и Павла Ѳедоровича Карабанова.

отъ наказаній тѣлесныхъ, избавленное отъ прикрѣпленія къ службѣ съ юности до самой могилы, все таки осталось подвергнутое прихотямъ царскимъ и произволу временщиковъ; однимъ словомъ, *осталось въ холопствѣ, въ коемъ состоитъ и понынѣ.*

Чтоже касается до крестьянъ, то нетолько ни Петръ III, ни Волковъ, ни Голштейнцы, и рѣшительно никто не подумалъ объ облегченіи ихъ участи, но состояніе ихъ еще ухудшилось послѣ дворянской грамоты 1762 года. До тѣхъ поръ, хотя дворяне имѣли почти безграничную власть надъ своими крѣпостными людьми, но сами подвержены были, совершенно въ той же мѣрѣ, власти Царя и временщиковъ; терпѣли одинаковыя притѣсненія; подвержены были одинаковымъ наказаніямъ; равные передъ позоромъ, они соединены были чувствомъ братства въ несчастіи и въ рабствѣ, и дворянинъ могъ понимать всю тягость ига, обременявшаго крестьянъ, потой причинѣ, что самъ несъ иго, во всемъ подобное. Съ 1762 года, необразованная часть дворянства стала взирать на крѣпостныхъ людей какъ на существъ породы низшей, средней между дворянами и домашнею скотиною. Доселѣ еще найдутся, въ уѣздной глуши, личности, имѣющія подобное мнѣніе о

крестьянахъ*). До 1762 года, почти никто изъ дворянъ не могъ имѣть постояннаго пребыванія въ деревнѣ; только старость, отягченная недугами, и раны самыя тяжкія могли доставить дворянину отставку отъ службы, или, какъ тогда выражались: *абшидъ*. Въ отсутствіе помѣщиковъ, крестьяне пользовались, сравнительно, нѣкоторою свободою: имѣній на барщинѣ было весьма-мало; почти всѣ имѣнія состояли на оброкѣ, и во многихъ мѣстахъ оброкъ платился не деньгами, а натурою, хлѣбомъ и провизіей, что значительно облегчало повинности крестьянскія. Съ 1762 года, множество дворянъ, воспользовавшись правомъ выхода въ отставку, наѣхали жить въ свои имѣнія, и на крестьянъ, подверженныхъ ежедневному, личному надзору, возложено было много повинностей, тягость коихъ обыкновенно находилась въ обратномъ отношеніи къ богатству ихъ владѣльцевъ; обыкновенно, чѣмъ помѣщикъ бѣднѣе, тѣмъ тяжелѣе его крестьянамъ.

Глупость, сумасшествіе и пьянство

---

*) Напримѣръ, въ Тульской губерніи есть помѣщикъ, Николай Карловъ Войтъ, къ стыду дворянства пролѣзшій въ это сословіе, и который говоритъ: *крестьянъ слѣдуетъ раззорять; чѣмъ они бѣднѣе, тѣмъ легче съ ними справиться.*

Петра III подвергли его всеобщему презрѣнію. Послѣ шестимѣсячнаго царствованія, онъ былъ низверженъ своего женою 28 Іюня 1762 года, и Екатерина II вступила на престолъ. При своемъ восшествіи, она подписала бумагу, въ коей обѣщала возвратить престолъ сыну своему, Павлу Петровичу, по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Бумага эта отдана была на сохраненіе въ Сенатъ, откуда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, была украдена и возвращена Екатеринѣ канцлеромъ графомъ Михаиломъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ, однимъ изъ самыхъ низкопоклонныхъ и самыхъ подлыхъ сановниковъ того времени.

Въ первые годы своего царствованія, Екатерина вовсе не пользовалась любовію народною. Пріѣхавъ въ Москву для коронованія, она была встрѣчена съ ледяною холодностію: обычныхъ криковъ: „ура“ вовсе не раздавалось. Самымъ восшествіемъ своимъ на престолъ она обязана была гвардіи и братьямъ Орловымъ, имѣвшимъ большое вліяніе на гвардію. Ими она и держалась, но иго Орловыхъ, людей необразованныхъ и грубыхъ, было ей весьма тяжкимъ. Человѣколюбивая отъ природы, Екатерина, однако, никогда не останавливалась передъ совершеніемъ жестокости и преступленія, какъ-бы они

гнусны ни были, если это преступленіе, эта жестокость, могли быть полезными ея неограниченному властолюбію. Болѣе всего она алкала похвалъ общественнаго мнѣнія, похвалъ писателей, и потому, безъ огласки возстановляя уничтоженную Петромъ III тайную канцелярію, предписала ей дѣйствовать осторожно и сколь возможно болѣе въ тихомолку. Народа она вовсе не любила, и мы сами видѣли у Ивана Петровича Мятлева, письмо ея къ московскому генералъ-губернатору, фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову (прадѣду Мятлева), въ коемъ она, отвергая представленный ей проэктъ сельскихъ училищъ, писала Салтыкову: *Господинъ фельдмаршалъ, простаго народа учить не слѣдуетъ; если онъ будетъ имѣть столькоже познаній, какъ вы и я, то не станетъ уже намъ повиноваться, какъ повинуется теперь.*

Узкій взглядъ, жалкая политика, и доказательство самое явное, до какой степени, съ одной стороны, развитіе народа несовмѣстно съ существованіемъ крѣпостнаго состоянія, а съ другой, сколь невѣжество служитъ сильною опорою самодержавію!

Но Екатерина непремѣнно хотѣла привлечь на свою сторону дворянство и купечество, и потому, объявивъ о намѣреніи

издать новое уложеніе, предписала всѣмъ сословіямъ, кромѣ крѣпостнаго, избрать депутатовъ и прислать ихъ въ Москву. Эта Земская Дума, получившая отъ Екатерины наименованіе *коммиссіи депутатовъ для составленія новаго уложенія*, собралась въ Москвѣ, въ 1767 году, и президентомъ (маршаломъ) ея, назначенъ былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей той эпохи, Александръ Ильичь Бибиковъ. Для этой коммиссіи, Екатерина написала *наказъ*, наполненный мыслями, извлеченными изъ знаменитыхъ либеральныхъ писателей и законовѣдцевъ, въ особенности изъ Монтескье и изъ Беккаріи. Наказъ этотъ, предназначенный къ распространенію въ Европѣ, чтобы доставить Екатеринѣ, въ общественномъ мнѣніи Европы, славу законодательницы, переведенъ былъ, по ея приказанію, статсъ-секретаремъ Григоріемъ Васильевичемъ Козицкимъ, на языки латинскій, французскій и нѣмецкій.

Это засѣданіе Думы Земской, единственное, бывшее въ осмнадцатомъ вѣкѣ и съ тѣхъ поръ не возобновлявшееся, памятно было, и присутствіемъ въ немъ многихъ замѣчательныхъ личностей того времени, и важностію обсуждавшихся въ немъ вопросовъ. Со всѣхъ сторонъ возникали жалобы на сосредоточеніе всѣхъ вла-

стей, и судебной и исполнительной, въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ; злоупотребленія этихъ пашей, ихъ тиранство, ихъ грабежъ не знали предѣловъ, и депутаты составили планъ, въ послѣдствіи приведенный Екатериною въ исполненіе съ нѣкоторыми измѣненіями: раздѣленія Россіи на значительное число губерній, учрежденія дворянскихъ собраній по губерніямъ и уѣздамъ, и купеческихъ собраній по городамъ. Многіе изъ числа депутатовъ, съ истиннымъ благородствомъ, подняли вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, но Екатерина не согласилась на это. Наконецъ, самые разсудительные и самые прямодушные изъ депутатовъ, громогласно объясняли совершенную невозможность вывести Россію изъ той грязи самовластія, взяточничества и гражданскаго разврата, въ которую она погружена, доколѣ будетъ существовать власть самодержавная. Одинъ изъ депутатовъ, въ полномъ засѣданіи, спросилъ: *когда мы составимъ уложеніе и оно будетъ введено въ исполненіе, будутъ-ли еще, послѣ того, выходить указы? — Разумѣется, что будутъ!* отвѣчалъ ему одинъ изъ придворныхъ сановниковъ. *Въ такомъ случаѣ*, сказалъ депутатъ, *напрасно мы теряемъ время надъ составленіемъ уложенія!* Нѣсколько подобныхъ словъ,

дошедшихъ до Екатерины, испугали ее; Дума Земская, послѣ полуторагодоваго засѣданія, была распущена, и съ тѣхъ поръ болѣе не была сзываема.

Въ этомъ засѣданіи Думы Земской впервые проявилось направленіе, въ полномъ смыслѣ замѣчательное. Большинство членовъ этаго собранія стали на высоту воззрѣнія, вполнѣ достойную людей государственныхъ; они избѣгли той ошибки, въ которую впали, въ 1730 году, и верховники и дворянство, ошибки желать введенія конституціи, введенія политической свободы въ странѣ, гдѣ низшее сословіе связано узами рабства. Они избѣгли, вмѣстѣ съ тѣмъ, и простодушной, дѣтской ошибки Императора Александра Николаевича, который хочетъ освободить низшее сословіе не освобождая высшія сословія, и воображаетъ себѣ возможность перестроить фундаментъ зданія, безъ перестройки высшихъ этажей жилья!

Большинство членовъ Земской Думы 1767 года, люди истинно-разумные и одаренные умомъ здравымъ, хорошо поняли, что монархія, чтобы пребыть прочною, не можетъ состоять вполовину изъ людей свободныхъ, и въ половину изъ рабовъ; что необходимо, чтобы всѣ были свободными, или всѣ были рабами, хотя-бы рабство это и проявлялось въ различныхъ

видахъ, какъ нынѣ въ Россіи. Дѣло въ томъ, что государство, составленное изъ рабовъ, если не водворитъ у себя всеобщей свободы, современемъ неминуемо придетъ къ разрушенію.

Наблюдатель поверхностный, озирая Россію въ то время, могъ-бы вообразить себѣ, что крестьяне безропотно покорились своей несчастной участи, такъ все казалось спокойнымъ. Но онъ ошибся-бы; достаточно было одной искры для возбужденія страшнаго пожара. Искра эта вылетѣла съ береговъ Дона, и зажгла пожаръ, едва не разрушившій престола Екатерины. Раскольникъ, — старовѣръ, бѣглый казакъ, Емельянъ Пугачевъ, сталъ выдавать себя за Петра III, и взбунтовалъ все сельское народонаселеніе на обширномъ пространствѣ между берегами Дона, Волги, Камы и хребтомъ горъ Уральскихъ. Онъ провозгласилъ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, и рѣзню дворянъ.

Если-бы Пугачевъ былъ истинноумнымъ человѣкомъ, онъ, провозглашая свободу крѣпостнымъ людямъ, не только не сталъ-бы вѣшать дворянъ, но еще обѣщалъ-бы Россію конституцію, и тогда новѣрно могъ-бы достигнуть и Москвы и Петербурга, и низвергнуть Екатерину съ престола. Его тайныя сношенія были

гораздо-обширнѣе, чѣмъ вообще думаютъ: нашли-же въ лагерѣ его знамя однаго изъ голштинскихъ полковъ Петра III; будь онъ уменъ и ловокъ въ политикѣ, онъ привлекъ-бы на свою сторону и всѣхъ недовольныхъ, и весь этотъ разрядъ людей, во всѣхъ странахъ міра многочисленный, которые, въ политическихъ переворотахъ, всегда становятся на сторону побѣдителя, лишь-бы только дѣйствія этаго побѣдителя не нарушали ихъ личныхъ интересовъ. Но Пугачевъ, человѣкъ ума ограниченнаго, безъ всякаго образованія, грубый и свирѣпый, повелѣлъ рѣзать дворянъ. Испуганное дворянство стало защитою вокругъ престола Екатерины, и спасло оный. Мятежъ былъ подавленъ, но не прежде, чѣмъ огромное пространство восточной Россіи залито было кровію.

Въ 1774 году, Великій Князь Павелъ Петровичь достигнулъ двадцатилѣтняго возраста и женился на принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской, которая, при вступленіи въ православную вѣру, приняла имя Наталіи Алексѣевны. Эта Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, не взирая на юность лѣтъ своихъ, отличалась умомъ необыкновеннымъ и характеромъ энергическимъ. Она имѣла огромное вліяніе на своего мужа, человѣка оченъ-умнаго, ода-

решнаго умомъ блистательнымъ, но нервно-раздражительнаго, страннаго и причудливаго. Наталія Алексѣевна сторалась снискивать себѣ приверженцевъ, и составить себѣ партію. Какую цѣль она имѣла? Это осталось неизвѣстнымъ; тайну свою она унесла съ собою въ могилу, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что у ней были политическіе виды, и что это было извѣстно Екатеринѣ, потому-что Императрица возненавидѣла свою невѣстку.

Бывшій воспитатель Павла, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, первоприсутствующій членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и одинъ изъ первыхъ государственныхъ мужей своего вѣка, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Стокгольмѣ въ званіи русскаго посланника при шведскомъ дворѣ, и весьма полюбилъ тамъ представительный образъ правленія. Вмѣстѣ съ Великою Княгинею Наталіею Алексѣевною, онъ составилъ проэктъ конституціи, и введеніе къ этому проэкту написано было знаменитымъ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ, служившимъ подъ начальствомъ графа Панина въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Конституція эта предоставляла законодательную власть сенату, раздѣленному на двѣ палаты; въ первой должны были засѣдать члены пожизненные, по-назначенію Императорскому;

во второй члены выборные, по избранію дворянства. Въ каждой губерніи и въ каждомъ уѣздѣ назначалось дворянское собраніе, съ правомъ разсуждать обо всемъ относящемся до ихъ мѣстности, и съ правомъ представлять свои мнѣнія Сенату. Для уничтоженія крѣпостнаго состоянія должны были быть приняты постепенныя мѣры, на извѣстное число лѣтъ. Конституція эта, довольно похожая на ту, которую дворянство хотѣло ввести въ 1730 году, имѣла неискупаемое неудобство быть олигархическою, слѣдственно-несправедливою и обидною для купцевъ и для мѣщанъ, отлученныхъ отъ всякаго участія въ правленіи; несправедливою и обидною для крестьянъ, освобожденіе коимъ изъ крѣпостнаго состоянія обѣщано было лишь черезъ извѣстное число лѣтъ, и при олигархическомъ образѣ правленія обѣщаніе это могло еще попасть въ долгій ящикъ. Составъ формы правленія, предлагаемой Великою Княгинею и графомъ Панинымъ, былъ гораздо-болѣе-отсталымъ, чѣмъ составъ Думы Земской въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ, въ коей присутствовали представители не однаго дворянства, а всѣхъ сословій, кромѣ крестьянскаго. Въ дворянствѣ Панинскій проэктъ нашелъ много приверженцевъ, но былъ отвергнутъ Екатериною. Графъ Никита

Ивановичь часто повторялъ Павлу: *не вступайте ни въ какій заговоръ противъ вашей матушки; надобно искоренить изъ понятій русскаго народа мысль, что престолъ всероссійскій пріобрѣтается заговорами и мятежами; эта пагубная мысль вкоренилась по винѣ самихъ Государей нашихъ.*

Великая Княгиня Наталія Алексѣевна скончалась 15 апрѣля 1776 года, въ родахъ, и распространился слухъ, что ее уморила повивальная бабка, подкупленная Екатериною. Къ подкрѣпленію этаго факта не существуетъ никакихъ доказательствъ юридическихъ, но извѣстно лишь то, что эта повивальная бабка вдругъ разбогатѣла, и что князь Потемкинъ, столь высокомѣрный и дерзкій въ обращеніи своемъ съ самыми высшими сановниками, ѣзжалъ съ визитами къ этой повивальной бабкѣ. Въ иностранныхъ журналахъ напечатано было что Великая Княгиня, по неправильному своему сложенію, не могла вынести родовъ. Русскій посланникъ при Германскомъ сеймѣ, баронъ Ассебургъ, коему за три года передъ тѣмъ поручено было вести переговоры о свадьбѣ Великаго Князя, пришелъ въ негодованіе, и написалъ письмо, въ коемъ объявлялъ, что по всѣмъ, собраннымъ имъ заблаговременно, до помолвки, свѣдѣніямъ у врачей и у

приближенныхъ Дармштатскаго двора, оказалось, что невѣста была хорошаго сложенія и прекраснаго здоровья.

Смерть Великой Княгини повергла Павла въ отчаяніе: Екатерина, нетерпѣливо желавшая имѣть наслѣдниковъ престола, хотѣла поскорѣе женить сына вторично, и чтобы извлечь Павла изъ припадковъ отчаянія, коимъ онъ предавался, имѣла жестокость послать ему связку писемъ, найденную въ секретномъ ящикѣ письменнаго стола Великой Княгини. То были любовныя письма графа Андрея Кириловича Разумовскаго, товарища дѣтства и друга Павла. Изъ этихъ писемъ явно оказывалась любовная связь Великой Княгини съ Разумовскимъ. Чтеніе этихъ писемъ ввергло Павла въ лютый припадокъ сумасшедшаго бѣшенства, и съ этой поры пріяло начало то умственное разстройство, которое омрачило всю жизнь Павла, превратило его царствованіе въ разгулъ деспотизма самаго тиранскаго, и было причиною его преждевременной, трагической кончины.

Разумовскаго отправили посланникомъ къ одному изъ иностранныхъ дворовъ, и Павелъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вступилъ въ бракъ съ принцессою Доротеею Виртембергскою (Маріею Ѳеодоровною),

которая никогда не причиняла Екатеринѣ ни малѣйшаго безпокойства.

Желая что-нибудь сдѣлать для дворянства, но съ тѣмъ, чтобы не выпускать изъ рукъ власти самодержавной, Екатерина издала дворянскую грамоту и учредила губернскія и уѣздныя собранія дворянства, учредила предводителей губернскихъ и уѣздныхъ, капитанъ-исправниковъ, суды уѣздные и земскіе, палаты гражданскія и уголовныя, и даровала дворянству право выбора въ эти должности. Всѣ эти права, съ-виду, весьма велики, а на самомъ дѣлѣ — малозначащи; мы недавно еще видѣли тверскаго губернскаго предводителя отставленнымъ, и вскорѣ потомъ сосланнымъ, и за что? За буквальное исполненіе закона! И въ какое время еще послѣдовала эта вспышка деспотизма? въ царствованіе Императора Александра Николаевича, въ то время, когда уже три года все толкуютъ о реформахъ, (постоянно откладывая, правда, реформы самыя важныя, самыя необходимыя, и предоставляя устройство этихъ нововведеній старикамъ, заматерѣлымъ въ грязи старинныхъ злоупотребленій, и обязаннымъ этимъ злоупотребленіямъ своими чинами, своими мѣстами и своимъ состояніемъ, точно также, какъ бюрократамъ поручаютъ изобрѣтеніе средствъ къ уменьшенію власти бюро-

кратіи!) Члены уѣздныхъ и земскихъ судовъ находятся совершенно подъ-рукою губернатора, который, по-дикому смѣшенію власти полицейской съ властію судебною, можетъ ревизовать суды и отдавать подъ судъ самыхъ судей! Не-есть-ли нелѣпость, что при представленіи уголовною палатою уголовнаго дѣла въ Сенатъ, палата предстaвляетъ Сенату и мнѣніе губернатора о томъ дѣлѣ! Исправники принуждены платить ежегодную дань губернскому правленію, иначе непремѣнно-будутъ отданы подъ судъ. Наконецъ, мнѣнія дворянскихъ собраній о предметахъ, касающихся ихъ губерній, на-законномъ основаніи представляемыя министру внутреннихъ дѣлъ, сдаются въ архивъ министерства, и тамъ почіютъ сномъ непробуднымъ.

Въ Европѣ, отъ лицъ, мало-знакомыхъ съ образомъ дѣйствій и поступковъ русскаго правительства, намъ иногда доводилось слышать упрекъ русскому дворянству въ томъ, что будто-оно не умѣло воспользоваться дарованными ему правами. Упрекъ этотъ неосновательнъ и несправедливъ. Въ Россіи, въ этой классической странѣ лжи оффиціальной, лжи правительственной, лжи, возведенной на степень государственнаго учрежденія, законъ писаный остается мертвою бук-

вою, и правительство распоряжается по произволу своей прихоти. Подданнымъ этаго гнуснаго правительства остается одно, единственное средство избѣгнуть притѣсненій — откупаться отъ нихъ, давая взятки чиновникамъ, которые постоянно-обманываютъ правительство, и въ грошъ его не ставятъ. Притомъ, въ Россіи, еще до поры весьма недавней, а именно до смерти незабвеннаго, *неудобозабываемаго* Николая Павловича, дворянинъ не только не могъ имѣть никакого вліянія, но еще не могъ избѣгнуть притѣсненій, не откупаясь отъ нихъ, иначе, какъ двумя средствами: или состоять въ высокомъ чинѣ, или имѣть сильныя связи между приближенными Государя, въ превосходительной и сіятельной дворнѣ царской. Орда чиновная притѣсняла всѣхъ русскихъ, кромѣ тѣхъ, кого боялась, или по ихъ чину, или по связямъ ихъ. Но чтобы дойти, или правильнѣе сказать доползти до высокаго чина, невозможно было жить въ деревнѣ: необходимо было безпрестанно посѣщать пріемныя комнаты С. Петербургскихъ вельможей-холоповъ, льстить, интриговать и пресмыкаться. Тѣ изъ дворянъ, которые хотѣли буквально держаться словъ закона о правахъ дворянства, подвергали себя тысячѣ непріятностей, въ особенности при Николаѣ Павло-

вичѣ, этомъ яромъ и непримиримомъ врагѣ человѣческаго достоинства и независимости характера, который, въ свое тридцатилѣтнее сумасбродное царствованіе, значительно успѣлъ понизить, въ русской администраціи, уровень ума, честности и чувства личнаго достоинства. Сколько при немъ дворянъ было арестовано и безъ всякаго суда заключено въ крѣпость, или сослано, кто въ дальній городъ подъ надзоръ полиціи, кто въ деревню на безвыѣздное жительство!*)

---

*) Въ 1843 году, мы напечатали въ Парижѣ, подъ псевдонимомъ графа Альмагро, книжку о знатнѣйшихъ фамиліяхъ русскаго дворянства, и въ книжкѣ этой мы упоминали о Земской Думѣ 1613 года, и объ ограниченіи власти царской при вступленіи на престолъ Михаила Романова. Николай Павловичь взбѣсился, и приказалъ намъ возвратиться въ Россію. Мы прибыли въ Петербургъ. Одна русская знатная барыня, по личной враждѣ, и одинъ извѣстный русскій шпіонъ, сдѣлали на насъ, изъ-за границы, ложные доносы. Бумаги наши были разсмотрѣны и легко было убѣдиться, что мы не участвовали ни въ какомъ заговорѣ. Николай Павловичь приказалъ намъ отправиться въ Вятку и служить тамъ въ канцеляріи гражданскаго губернатора. Мы отказались, ссылаясь на грамоту дворянства и на право дворянское служить или нѣтъ, по желанію. Николай приказалъ отправить насъ въ Вятку нажительство, подъ надзоръ полиціи, и приказалъ, прежде нашего отъѣзда, прислать къ намъ доктора для

Даруя нѣкоторыя права дворянству, Екатерина издала и городовое положеніе для купечества и мѣщанства. Но и горо-

---

освидѣтельствованія, въ здравомъ-ли мы разсудкѣ находились? Николай не могъ понять, чтобы человѣкъ, отыскивающій въ Россіи свои законныя права, не былъ сумасшедшимъ! Докторъ къ намъ явился, и мы должны отдать ему справедливость, что онъ былъ весьма сконфуженъ. Мы ему сказали, что одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ сумасшествія проявляется въ томъ, чтобы принимать людей разсудительныхъ за сумасшедшихъ. Докторъ улыбнулся, но ничего не сказалъ, какъ будто не слыхалъ нашихъ словъ, и весьма вѣжливо поговоривъ, въ продолженіи минутъ пяти или шести, о погодѣ и о постороннихъ предметахъ, удалился. Въ то время, въ Петербургѣ, распустили слухъ, что насъ въ тайной полиціи высѣкли по повелѣнію Государя, какъ то бывало, при Николаѣ, со многими лицами, и съ мужчинами и съ женщинами. Въ отношеніи къ намъ, слухъ этотъ неосновательенъ; если-бы мы были высѣчены въ тайной полиціи, мы-бы ни на минуту не усомнились разсказать о томъ, какъ разсказываемъ о посѣщеніи доктора. Нѣтъ въ мірѣ ничего подлѣе гнусныхъ, жестокихъ и позорныхъ поступковъ тирановъ съ лицами, которыя совершенно-находятся въ ихъ власти, и никогда не могутъ требовать отъ нихъ удовлетворенія. Подобнаго рода поступки клеймять безчестіемъ и позоромъ — не бѣдныхъ жертвъ, которыя принуждены ихъ выносить — но тирановъ, по приказанію которыхъ эти мерзости совершаются: эти гнусные тираны подлежать вѣчному презрѣнію исторіи! Нашъ арестъ

довое положеніе во многихъ случаяхъ (и обыкновенно самыхъ важныхъ) оставалось мертвою буквою, не поставляя преградъ самовластію высшихъ властей. Для народа Екатерина не только ничего не сдѣлала, но еще имѣла гнусность раздавать казенныхъ крестьянъ въ частное крѣпостное владѣніе, для удовлетворенія корыстолюбія своихъ любовниковъ и приближенныхъ; такимъ образомъ, въ тридцати-четырехъ-лѣтнее царствованіе свое, она обратила въ рабство болѣе трехъ милліоновъ подданныхъ. Кромѣ того, она еще имѣла гнусность обратить въ рабство большую часть сельскаго населенія Малороссіи, дотолѣ совершенно-свободнаго. Малороссія, какъ извѣстно, присоединилась къ Россіи въ 1654 году, для спасенія себя отъ польскаго ига и для сохраненія православной вѣры, но присоединилась добровольно, на условіяхъ, добровольно принятыхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и Думою Земскою. Права, которыя Малороссіяне себѣ предоставили, заключались въ свободномъ выборѣ войсковыхъ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ; въ рукахъ коихъ, въ этой военной рес-

---

въ 1843 году и ссылка наша въ Вятку будутъ подробно разсказаны нами въ запискахъ нашихъ, рукопись коихъ находится нынѣ въ Англіи, въ храненіи въ вѣрныхъ рукахъ.

публикѣ, сосредоточены были и власть судебная и власть административная. Всѣмъ малороссійскимъ краемъ управлялъ Гетманъ, избираемый генеральною войсковою старшиною и полковниками, и утверждаемый въ должности Государемъ Всероссійскимъ. Въ Малороссіи не существовало никакаго различія сословій; всѣ были равными; всѣ должности достигались по-выбору: сынъ послѣдняго изъ казаковъ могъ достигнуть званія гетманскаго, а сынъ гетмана, если не былъ-избранъ въ какую-либо должность, становился рядовымъ казакомъ. Со введеніемъ въ Россіи, Петромъ I, въ 1722 году, табели о рангахъ, офицерскій чинъ давалъ потомственное дворянство. Малороссіяне, имѣвшіе чины въ русской службѣ, содѣлались потомственными дворянами; мѣста полковничьи и должности въ генеральной войсковой старшинѣ перестали даваться по выбору; на нихъ уже поступали по назначенію русскаго правительства, и лицамъ, занимающимъ эти должности, обыкновенно жаловалась грамота нароссійское дворянство. Петръ I сталъ уже назначать въ малороссійскія должности природныхъ русскихъ.*) Въ 1722 году скончался

*) Первый тому примѣръ послѣдовалъ въ 1719 году. Петръ I, желая наградить перваго

гетманъ Скоропадскій, и Петръ I, не назначая ему преемника, поручилъ управленіе Малороссіею коллегіи, составленной изъ великороссійскихъ офицеровъ. Званіе гетманское возстановлено было, при Петрѣ II, въ 1727 году, въ пользу Миргородскаго полковника Даніила Павловича Апостола, въ юности своей бывшаго храбрымъ и отважнымъ воиномъ, но въ это время уже семидесятилѣтняго старца, дряхлаго и недужнаго. По смерти Апостола, въ 1734 году, званіе гетманское снова оставалось упраздненнымъ въ теченіи 16ти лѣтъ. Въ 1750 году, Елисавета Петровна повелѣла избрать въ гетманы двадцати-двухъ-лѣтняго графа Кирилу Григорьевича Разумовскаго, своего шурина.*) Онъ былъ послѣднимъ гетма-

---

графа Толстаго (Петра Андреевича), за услуги, оказанныя ему въ дѣлѣ Царевича Алексѣя Петровича, женилъ втораго сына Толстаго, графа Петра Петровича, на Ульянѣ Ивановнѣ Скоропадской, дочери тогдашняго гетмана, и будто въ знакъ милости къ Скоропадскому, назначилъ зятя его полковникомъ Нѣжинскимъ.

*) Елисавета, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи своемъ на престолъ, обвѣнчалась съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, сыномъ малороссійскаго казака Григорія Разума. Онъ былъ пѣвчимъ въ домашней церкви Елисаветы; сдѣлался ея любовникомъ, а по восшествіи ея на престолъ пожалованъ оберъ-егермейстеромъ, графомъ и наконецъ фельдмарша-

номъ. По восшествіи Екатерины на престолъ, онъ началъ происки къ тому, чтобы званіе гетманское сдѣлать наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Екатерина, узнавъ это, уничтожила, въ 1764 году, званіе гетманское. Въ это время, въ Малороссіи, составилось уже сословіе дворянское довольно многочисленное, но поселяне были вольными, имѣя право свободнаго перехода отъ однаго помѣщика къ другому. Екатерина, 3 Мая 1783 года, совершила дѣло по-истинѣ гнусное: указомъ напоминавшимъ годуновскій, воспретила переходы малороссійскихъ крестьянъ, и объявила ихъ крѣпостными тѣхъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ застанетъ ихъ указъ. Многіе изъ придворныхъ сановниковъ и изъ лицъ, занимавшихъ важныя должности, узнавъ заблаговременно о намѣреніи Екатерины издать этотъ роковый указъ, имѣли гнусность приманить на земли свои, лживымъ обѣщаніемъ разныхъ льготъ, большое число крестьянъ, которые, такимъ образомъ, содѣлались рабами дворянъ, ихъ обманувшихъ. Въ этой гнусной продѣлкѣ въ особенности обвиняется

ломъ. Дѣти, отъ ихъ брака рожденные, всѣ умерли въ малолѣтствѣ. Знаменитая проидоха, именовавшая себя Таракановою, вовсе не была дочерію Елисаветы.

князь Александръ Андреевичь Безбородко, алчный корыстолюбецъ.

Это дѣло обращенія малороссійскаго сельскаго населенія въ крѣпостное состояніе было однимъ изъ самыхъ черныхъ дѣлъ Екатерининскаго царствованія, царствованія, которое для дворянства русскаго было, сравнительно съ предъидущими временами, золотымъ вѣкомъ, а для Россіи эпохою славы на полѣ ратномъ, и успѣховъ блистательныхъ на поприщѣ политическомъ. Мы нарочно говоримъ „успѣховъ блистательныхъ“ потому-что не можемъ сказать „успѣховъ полезныхъ.“ Екатерина, вмѣсто того, чтобы ограничиться возвращеніемъ отъ Польши старинныхъ русскихъ областей: Волыни, Подоліи и Бѣлоруссіи, совершила большую ошибку: раздѣлъ Польши. Ошибка эта была еще увеличена внукомъ ея Александромъ I, который, присоединеніемъ къ Россіи Царства Польскаго, приковалъ Россію къ цѣпи, мѣшающей ея свободному ходу, и отвлекающей вниманіе наше отъ Азіи, гдѣ истинная будущность Россіи, куда намъ суждено Правидѣніемъ внести благодѣянія просвѣщенія. Содѣлавшись тюремщиками, а подъ часъ и палачами поляковъ, мы по-неволѣ должны были остаться рабами принцевъ Голштейнскихъ.

За два года до гнуснаго указа объ

обращеніи въ крѣпостное состояніе сельскаго населенія Малороссіи, Екатерина издала, въ 1781 году, указъ, что каждый рабъ мусульманскаго или языческаго вѣроисповѣданія, принимающій св. Православную вѣру, становится свободнымъ лишь только нога его коснется земли русской. И такъ, монополія рабскаго ига осталась удѣломъ народа русскаго, народа православнаго. Странная и горестная привиллегія!

7 Ноября 1796 года Екатерина скончалась, и Павелъ вступилъ на престолъ. Одаренный умомъ блистательнымъ, но безразсуднымъ, Павелъ являлъ въ себѣ самое странное сліяніе качествъ и пороковъ, чувствъ благородныхъ и порывовъ дикихъ, увлеченій рыцарскихъ и припадковъ деспотизма самаго сумасброднаго; онъ боготворилъ самодержавіе; впрочемъ, мы объяснили выше первоначальную причину постояннаго колебанія его разсудка, колебанія тѣмъ сильнѣйшаго, что Павелъ былъ отъ природы сложенія самаго нервнаго и самаго раздражительнаго. Весь взглядъ его на управленіе Россіею выраженъ имъ былъ въ словахъ, сказанныхъ одному изъ французскихъ эмигрантовъ, который, отзываясь объ какомъ-то петербургскомъ сановникѣ, называлъ его вельможею. Павелъ сказалъ эмигранту: *ми-*

лостивый государь, здѣсь вельможа только тотъ, съ кѣмъ я разговариваю, и только въ то время, покамѣстъ я съ нимъ разговариваю! Екатерина, сохраняя за собою всѣ права самодержавныя, и никогда не останавливаясь совершить преступленіе которое могло-бы ей быть полезнымъ, обходилась съ подданными своими, какъ съ людьми, и оказывала имъ нѣкоторую степень наружнаго уваженія. Павелъ сталъ обходиться съ русскими, какъ съ рабами, и конечно, со временъ Іоанна Грознаго, ни одинъ русскій государь не обнаруживалъ такаго глубокаго презрѣнія къ человѣческому достоинству. Слишкомъ два милліона людей розданы имъ были въ крѣпостное владѣніе дворянамъ, что, съ крестьянами розданными Екатериною, и съ обращеніемъ въ крѣпостное состояніе сельскаго населенія Малороссіи, составляетъ около трети всего нынѣшняго крѣпостнаго населенія, простирающагося до двадцати-двухъ милліоновъ лицъ обоего пола.

Павелъ издалъ однако законъ, благопріятный для крѣпостныхъ земледѣльцевъ; законъ, ограничивающій барщину тремя днями въ недѣлю. Но этотъ законъ, какъ и всѣ прочіе въ Россіи, остается мертвою буквою; иначе и быть не можетъ, доколѣ Россія будетъ страною

самовластія и взяточничества, самовластія которое порождаетъ взяточничество, и взяточничества, которое служитъ самою твердою опорою самовластію.

Изъ числа начальниковъ заговора, лишившаго Павла и престола и жизни, нѣкоторые, напримѣръ петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ, и вице-канцлеръ графъ Никита Петровичъ Панинъ (племянникъ знаменитаго Екатерининскаго министра), хотѣли ограничить власть Императорскую. Александръ Павловичъ согласился, чтобы отца его заставили отречься отъ престола, и обѣщалъ конституцію, но *обѣщалъ насловахъ*. Лишь только Павла умертвили, Паленъ и трое Зубовыхъ, (князь Платонъ, графы Николай и Валеріанъ), вошли къ Александру, объявили ему о восшествіи его на престолъ и напомнили о конституціи, но тутъ трое изъ числа убійцъ Павла: генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, командиръ Преображенскаго полка генералъ-маіоръ Талызинъ и адъютантъ Александра полковникъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, настояли на провозглашеніи Александра самодержцемъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, обратиться къ помощи Преображенскаго полка, который въ эту ночь выведенъ былъ подъ ружье и стоялъ на

Царицыномъ лугу. Талызинъ вскорѣ умеръ, но Уваровъ и Волконскій, хотя убійцы Павла, осыпаны были милостями императорской фамиліи.*)

Александръ I одаренъ былъ добрымъ сердцемъ, хотя впрочемъ былъ весьма злопамятнымъ; онъ былъ образованъ, привлекателенъ въ своемъ обхожденіи ласковомъ и величавомъ вмѣстѣ. Умъ онъ имѣлъ недальній, и невысокій, но хитрый до крайности; лукавый и скрытный, онъ вполнѣ заслужилъ сказанное объ немъ Наполеономъ I: „Александръ лукавъ, какъ грекъ византійскій.“ Слабый характеромъ, онъ скрывалъ эту слабость подъ величавостію своей осанки. Его постоянною, его главною заботою было привлечь и удержать на своей сторонѣ общественное мнѣніе Европы, и въ этомъ, равно какъ въ хитрости и въ лукавствѣ своего характера, онъ былъ достойнымъ

*) Волконскій умеръ въ 1852 году, находясь фельдмаршаломъ, министромъ двора и удѣловъ и канцлеромъ Россійскихъ орденовъ. Уваровъ умеръ въ 1824 году, находясь генераломъ отъ кавалеріи, командиромъ гвардейскаго корпуса и членомъ государственнаго совѣта. Объ участіи Волконскаго и Уварова въ убійствѣ Павла удостовѣряютъ всѣ современники; въ томъ числѣ и Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ, въ своихъ Запискахъ, въ коихъ помѣщенъ списокъ всѣмъ заговорщикамъ 1801 года.

внукомъ Екатерины, хотя весьма далекъ былъ отъ нея умомъ.*) Во все продолженіе своего царствованія, онъ постоянно гонялся за европейскою популярностію, и этому стремленію Царство Польское обязано было своимъ существованіемъ и своею конституціею.

Въ Россіи, Александръ все обѣщалъ дать конституцію; безпрестанно говорилъ о ней, но никогда, по-настоящему, не имѣлъ намѣренія совершить это важное и полезное преобразованіе. Въ теченіи первыхъ осмнадцати лѣтъ своего царствованія, онъ разыгрывалъ въ Европѣ — роль либерала и носилъ, даже въ Россіи, маску либерализма, но въ послѣдніе семь лѣтъ, подпавъ, въ своей политики внѣшней, подъ безграничное вліяніе князя Меттерниха, а въ политики внутренней, подъ сильное вліяніе жестокаго и неумолимаго графа Аракчѣева, онъ совершенно отрекся

*) Когда Паленъ и Зубовы вошли къ нему и объявили о погибели отца его, Александръ воскликнулъ: *„Что за страница въ исторіи!“* Паленъ возразилъ: *„прочія страницы заставятъ позабыть эту!“* Статсъ-секретарь Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій призванъ былъ во дворецъ для составленія манифеста о восшествіи на престолъ. Когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ находился новый Императоръ, первое слово, услышанное имъ отъ Александра, было: *„что скажетъ Европа?“*

отъ либеральнаго направленія, коему слѣдовалъ въ юныхъ лѣтахъ и устремился по-пути ретроградному, по пути стародурному, впрочемъ, не доводя стародурства своего до грубости и до свирѣпости, въ какія впалъ его братъ и преемникъ, Николай I.

Черезъ два года по-восшествіи своемъ на престолъ, Александръ I издалъ законъ, учреждающій сословіе *свободныхъ хлѣбопашцевъ*, и дозволяющій помѣщикамъ отпускать крѣпостныхъ людей своихъ въ это сословіе. При изданіи этого закона, бюрократія нашла средство ввести въ оный такія странныя условія, и опутать такою сѣтію формальностей отпускъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, (напримѣръ обязанность предоставлять по осьми десятинъ земли на ревижскую душу), что число свободныхъ хлѣбопашцевъ осталось весьма незначительнымъ.

Въ первые годы своего царствованія, Александръ возъимѣлъ прекрасную мысль употреблять ежегодно милліонъ рублей на выкупъ крестьянъ, но мѣра эта не получила исполненія. Если бы каждый годъ, подобная сумма была употребляема по этому назначенію, то нынѣ многіе изъ числа крѣпостныхъ людей были-бы уже давно свободными.

Но что болѣе всего приноситъ чести

Александру, это мудрое и благородное правило, которое онъ себѣ положилъ и выдержалъ: не раздавать болѣе крестьянъ въ крѣпостное владѣніе, не внимая никакимъ просьбамъ своихъ министровъ, приближенныхъ и любимцевъ. Съ восшествіемъ Александра на престолъ, прекратилась наконецъ система раздавать людей, какъ скотовъ, другимъ людямъ, система гнусная, опозорившая царствованіе династіи Романовыхъ, осрамившая царствованіе Екатерины и до крайности развитая самодержавнымъ безумцемъ — Павломъ.

Одинъ изъ любимцевъ Александра въ то время, Сперанскій, человѣкъ умный и ученый, стольже большій либералъ въ юности и въ лѣтахъ зрѣлыхъ, сколь въ старости являлся угодникомъ Николая Павловича, составилъ, съ согласія Александра, проэктъ конституціи, извлеченіе изъ коего напечатано Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ въ книгѣ *Россія и Русскіе* (изданной въ Порижѣ, на французскомъ языкѣ, въ 1847 году). Въ этомъ проэктѣ предполагались двѣ Палаты, изъ коихъ высшая была-бы потомственною, на подобіе англійской палаты перовъ. Министръ полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, тайный врагъ Сперанскаго, хотя наружно льстилъ ему

на каждомъ шагу, выпросилъ у него проэктъ этотъ для прочтенія, и спросилъ: *но если Государь, даровавъ конституцію, не захочетъ исполнять оную, что вы сдѣлаете?* Сперанскій имѣлъ неосторожность отвѣчать: *я знаю, что на Государя полагаться нельзя и вѣрить ему невозможно; но когда онъ даруетъ однажды конституцію, ему уже нельзя будетъ отказаться исполнять ее!* Эти неосторожныя слова, переданныя Александру, были причиною ссылки Сперанскаго. *)

---

*) Сперанскій былъ также обвиненъ, и совершенно ложно, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціею. Сперанскій, въ качествѣ статсъ-секретаря, сопровождалъ Александра на Эрфуртскій конгрессъ, гдѣ Наполеонъ, любившій умныхъ людей, оказывалъ Сперанскому большее вниманіе и неоднократно съ нимъ разговаривалъ. Сперанскій, бывшій государственнымъ секретаремъ въ русскомъ государственномъ совѣтѣ, находился, правда, въ постоянной перепискѣ съ бароном Локре, государственнымъ секретаремъ французскаго государственнаго совѣта (Secrétaire-général du conseil d'état de l'empire français), но переписка эта, касавшаяся впрочемъ лишь вопросовъ юридическихъ и административныхъ, происходила, не только съ вѣдома Александра, но и по его приказанію. Балашовъ, тайный врагъ, и графъ Армфельтъ, явный врагъ Сперанскаго, устроили противъ него слѣдующій ковъ. Армфельтъ неоднократно доносилъ Государю, что у Сперанскаго, въ такій-то день и часъ, въ такомъ-то мѣстѣ, условлено тайное

Глубокое отвращеніе, внушаемое воспоминаніемъ объ отвратительномъ самовластіи Павла, либеральныя идеи, распространившіеся въ Европѣ, и внесенныя въ Россію молодыми офицерами, возвратившимися изъ походовъ 1813, 1814 и 1815 годовъ, внушили русской молодежи мысль, весьма понятную, вырваться изъ рабскаго состоянія и достигнуть свободы гражданской и свободы политической. Это направленіе умовъ было извѣстно Александру I, который не только не ставилъ преградъ оному, но на первыхъ порахъ еще и покровительствовалъ. Открывая,

---

свиданіе съ французскимъ посломъ графомъ Лористономъ. Государь, не зная вовсе о стачкѣ Балашова съ Армфельтомъ и отъ природы подозрительный, поручалъ Балашову, какъ министру полиціи, удостовѣриться въ справедливости доноса, и Балашовъ докладывалъ Государю, что свиданіе происходило въ самомъ дѣлѣ. Александръ сталъ почитать Сперанскаго измѣнникомъ, и въ этомъ мнѣніи сильно поддерживаемъ былъ министромъ финансовъ Гурьевымъ, возненавидѣвшимъ Сперанскаго за его контроль надъ финансами и за его финансовые проэкты. Сперанскій былъ арестованъ въ Мартѣ 1812 года; сосланъ, сперва въ Нижній, потомъ въ Пермь: бумаги его были осмотрѣны, и въ нихъ не нашли ни малѣйшаго повода къ его обвиненію. Годъ спустя, въ Январѣ 1813 года, Сперанскій писалъ къ Александру, изъ Перма, знаменитое письмо, въ коемъ совершенно оправдался.

въ Варшавѣ, въ 1818 году, сеймъ царства Польскаго, онъ произнесъ слѣдующія, достопамятныя слова: *пустивъ нынѣ въ ходъ эти либеральныя учрежденія, о коихъ я всегда думалъ и заботился, и благодѣтельное вліяніе коихъ я надѣюсь, съ Божіею помощію, распространитъ на всѣ страны, Провидѣніемъ вверенныя моему попеченію, вы мнѣ доставите, господа, возможность показать отечеству моему то, что я ему приготовляю, и что оно получитъ, лишь только элементы столь важнаго дѣла достигнутъ необходимаго развитія.*

Слова эти нашли громкій отголосокъ въ Россіи, и значительно содѣйствовали развитію либеральныхъ мыслей. При самомъ возвращеніи русскихъ войскъ изъ европейскихъ походовъ, въ 1815 году, составилось политическое общество, первоначальными учредителями коего были: Александръ Николаевичь Муравьевъ (нынѣ губернаторъ Нижегородскій), Никита Михайловичь Муравьевъ (умершій въ Сибири въ 1843 году) и князь Сергій Петровичь Трубецкій. Въ это общество поспѣшили вступить многіе молодые люди изъ лучшихъ фамилій, ознаменованные благородствомъ характера и великодушнымъ направленіемъ своего образа мыслей. Имена ихъ были извѣстны Государю, и Никита Михайловичь Муравьевъ,

одинъ изъ самихъ замѣчательныхъ юношей того времени по высокому уму своему и по благороднѣйшему характеру, представлялъ даже Александру, какъ говорятъ, проэктъ конституціи. Вскорѣ, около 1820 года, Александръ совершенно перемѣнилъ свое политическое направленіе; надъ нимъ пріобрѣлъ неограниченное вліяніе князь Меттернихъ, и политика русскаго двора стала гнать въ Европѣ либеральныя идеи, гдѣ-бы и подъ-какимъ видомъ они ни проявлялись. При зрѣлищѣ этой коренной перемѣны, политическое общество объявило свое закрытіе, съ цѣлію удалить изъ среды своей членовъ боязливыхъ и нерѣшительныхъ, преобразовалось на новыхъ основаніяхъ, и составило тайное общество. Въ 1815 году, русскіе либералы полагали, что могутъ сойтиться съ Государемъ и дѣйствовать съ нимъ за одно, но около 1820 года увидѣли, что образъ мыслей Александра совершенно-измѣнился, и принуждены были рѣшиться уже дѣйствовать противъ Государя. Впрочемъ, положительнаго плана у нихъ еще не было; они непремѣнно хотѣли замѣнить правленіе самодержавное, самовластное и своевольное, правленіемъ образованнымъ, представительнымъ, основаннымъ на законахъ, но еще не условились между собою ни о времени, ни о

способѣ дѣйствій, ни о формѣ самаго правленія. Тайныхъ обществъ, состоявшихъ между собою во взаимныхъ сношеніяхъ, было три: *Сѣверное Общество*, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, хотѣло монархіи конституціонной. *Южное Общество*, на югѣ Россіи, хотѣло федеративную республику, составленную изъ различныхъ областей Россіи, съ тѣмъ, чтобы каждую область составить изъ нѣсколькихъ губерній; это южное общество имѣло предсѣдателемъ и главнымъ, почти полновластнымъ руководителемъ своимъ Павла Ивановича Пестеля, человѣка одареннаго умомъ высокимъ, предпріимчивостію неустрашимою, энергіею непоколебимою и честолюбіемъ безграничнымъ. Его высокій умъ понялъ ту истину, что правленіе представительное не можетъ упрочиться иначе, какъ постояннымъ стремленіемъ къ развитію благосостоянія массъ народныхъ. Между тѣмъ, какъ члены Сѣвернаго Общества, единогласно отвергая постыдный принципъ крѣпостнаго состоянія, не составили еще никакаго предположенія о способѣ освобожденія крѣпостныхъ людей, Пестель убѣдилъ членовъ южнаго общества, положить за непремѣнное правило освобожденіе крестьянъ съ землею. Въ наше время, мысль эта общая у всѣхъ, кто только желаетъ освобож-

денія настоящаго, освобожденія на дѣлѣ, а не на словахъ; но сорокъ лѣтъ тому назадъ, мысль Пестеля была еще новою и являлась въ высшей степени смѣлою и отважною.

Третіе общество было такъ называемое *Общество Соединенныхъ Славянъ*, имѣвшее цѣлію учрежденіе обширной федеративной республики изъ всѣхъ племенъ славянскихъ, и потому состоявшее въ прямыхъ сношеніяхъ съ польскимъ тайнымъ обществомъ. Предсѣдателемъ русскаго отдѣла этаго общества, въ мѣстечкѣ Васильковѣ, (близъ Кіева), походился Сергій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, молодый человѣкъ замѣчательнаго ума и благороднѣйшаго характера.

Исходъ всего этаго дѣла извѣстенъ. Александръ I, въ послѣдніе годы жизни своей содѣлавшійся совершеннымъ реакціонеромъ, распорядился всероссійскимъ царскимъ вѣнцомъ столь же безцеремонно, какъ распоряжаются какимъ-нибудь тарантасомъ. Онъ измѣнилъ порядокъ наслѣдія престола, правда, съ согласія самаго наслѣдника, Константина Павловича, но не объявляя, при жизни своей, шестидесяти милліонамъ рабовъ своихъ, въ чьи руки они попадутся послѣ его смерти. Въ это время не существовало еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни электрическихъ теле-

графовъ, и въ продолженіи двухъ недѣлей, между наслѣдникомъ законнымъ и наслѣдникомъ назначеннымъ происходили переговоры; между Варшавою, гдѣ находился Константинъ, и Петербургомъ, гдѣ находился Николай, въ теченіи двухъ недѣль, всероссійскимъ царскимъ вѣнцемъ играли какъ мячикомъ, перебрасывая его другъ другу. Наконецъ, Константинъ рѣшительно отказался отъ престола; извѣстіе о томъ получено было въ Петербургѣ вечеромъ 12 Декабря, и присяга Императору Николаю I назначена на утро понедѣльника 14 Декабря. Въ это утро, заговорщики, призвавъ къ оружію одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, одинъ баталіонъ лейбъ-гренадерскаго полка, и баталіонъ гвардейскаго экипажа, привели эти войска на сенатскую площадь. Въ своей неопытности, они воображали, что овладѣвъ зданіемъ сенатскимъ, придадутъ своему возстанію видъ законности. Они не хотѣли слѣдовать примѣру русскихъ заговорщиковъ осмнадцатаго вѣка, и дѣйствовать подъ покровомъ ночи. Движимые чувствомъ искренняго и пламеннаго отчизнолюбія, они хотѣли дѣйствовать открыто, среди бѣлаго дня. Николай собралъ часть гвардіи, но русскія войска не привыкли къ междоусобной войнѣ, и дѣло принимало

оборотъ неудобный для Николая, когда двоюродный братъ Государя, принцъ Евгеній Виртембергскій, присовѣтывалъ ему послать за артиллеріею, говоря: *у картечи нѣтъ соотечественниковъ!* Заговорщики неумѣли воспользоваться временемъ, и черезъ то дали артиллеріи время прибыть на сенатскую площадь. Николай побѣдилъ.

Планъ петербургскихъ заговорщиковъ состоялъ въ томъ, чтобы учредить временное правительство изъ трехъ лицъ: московскаго архіепископа (нынѣ митрополита) Филарета, адмирала Николая Семеновича Мордвинова, и полковника князя Сергія Петровича Трубецкаго. Правителемъ дѣлъ временнаго правительства назначался полковникъ Гаврило Степановичь Батенковъ. Государственный совѣтъ долженствовалъ быть распущенъ и замѣненъ новымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ тридцати-шести членовъ, и въ тотъ же день, манифестъ временнаго правительства долженъ былъ призвать народъ русскій къ избранію Земской Думы, которой предоставлялось составленіе конституціи и избраніе образа правленія. Манифестъ и прочіе акты будущаго временнаго правительства были напечатаны, въ эту ночь, въ типографіи Греча, который былъ дотолѣ весьма друженъ съ заговорщиками, а

съ того дня сталъ однимъ изъ самихъ извѣстныхъ шпіоновъ русской тайной полиціи. Когда заговорщики потерпѣли пораженіе, то бумаги, напечатанныя въ Гречевой типографіи были поспѣшно сожжены, и наборщикъ, ихъ печатавшій, *скоропостижно умеръ*.... Николай Ивановичь Гречь могъ-бы, конечно, если-бы захотѣлъ, разсказать многое объ этой страницѣ своей жизни...

Если-бы заговорщики, вмѣсто того, чтобы призвать войско къ оружію часовъ въ восемь утра, и потомъ терять въ бездѣйствіи нѣсколько часовъ въ своей безплодной стоянкѣ на Сенатской площади, призвали-бы войско къ оружію часу во второмъ по-полуночи, и пользуясь длиною декабрскихъ ночей въ Петербургѣ, устремились-бы на Зимній Дворецъ, на Петропавловскую крѣпость и на артиллерійскія казармы, овладѣли-бы крѣпостію и артиллеріею, захватили-бы въ плѣнъ Императорскую фамилію, и, совсевозможною вѣжливостію, посадивъ ее въ дорожныя кареты, отправили-бы, подъ крѣпкимъ карауломъ, прямо за границу, утренній разсвѣтъ 14 Декабря засталъ-бы Россію подъ новымъ правительствомъ. Елисаветѣ Петровнѣ, съ меньшимъ числомъ солдатъ, удалось-же въ одну ночь низвергнуть домъ Брауншвейгскій, и этому ночному мятежу 24 Ноября 1741 года,

принцы Голштейнъ-Готторпскіе обязаны счастіемъ возсѣдать на престолѣ всероссійскомъ.

Безпристрастная исторія, обсуживая людей и событія съ точки зрѣнія возвышенной, безъ всякаго предубѣжденія и безъ всякой лести, высоко поставитъ *декабристовъ* 1825 года, и не будетъ произносить именъ ихъ иначе, какъ съ невольнымъ чувствомъ удивленія и почтенія, преклоняясь передъ ихъ возвышенною любовію къ отечеству, передъ мученическими бѣдствіями жестокой судьбы, ихъ постигшей, и передъ высокимъ мужествомъ, съ коимъ они переносили свои ужасныя страданія. Рожденные въ сословіи дворянскомъ, они всѣ имѣли передъ собою возможность блистательной будущности: весьма многіе изъ нихъ принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Россійской Имперіи; обладали значительнымъ состояніемъ и могли пользоваться всѣми матеріальными наслажденіями жизни. Если-бы они не были одарены чувствами возвышенными, то послѣдовали-бы примѣру многихъ изъ своихъ сверстниковъ; пустились-бы льстить временщикамъ, интриговали-бы, ползали, и нынѣ, на старости лѣтъ, покрытые звѣздами и лентами, но всѣми презираемые, они-бы дремали на креслахъ государственнаго совѣта или сената, или

расхаживали-бы по Зимнему Дворцу въ генералъ-адъютанскихъ мундирахъ; былибы богаты, въ большихъ чинахъ и заклеймены всеобщимъ презрѣніемъ. Весь этотъ цвѣтъ блистательнѣйшей молодежи, подъ наитіемъ благороднѣйшаго чувства отчизнолюбія, отвергнулъ всѣ искушенія пустаго тщеславія и лѣнивой нѣги, посвятилъ себя дѣйствію на пользу родины, и ни минуту не усомнился принести себя на жертву для блага отечества. Благородные юноши, въ странѣ холопства всеобщаго рожденные въ сословіи привилегированныхъ холоповъ, захотѣли возвыситься на степень людей свободныхъ, и даровать свободу родинѣ своей; вступили въ борьбу съ самовластіемъ, угнетающимъ Россію; были побѣждены, и за великодушную отвагу свою заплатили висѣлицею и ссылкою. И въ казематахъ крѣпостныхъ, и на снѣжныхъ равнинахъ Сибири, и подъ палящимъ солнцемъ Кавказа, они сохранили и благородство души своей, и чувство личнаго достоинства, и твердость характера; не проявили ни малѣйшей злобы противъ своего счастливаго побѣдителя, ни малѣйшей желчи противъ палачей своихъ, и нынѣ, преклоненные подъ бременемъ лѣтъ, они оканчиваютъ благородную старость свою, среди всеобщаго уваженія и почтенія всѣхъ тѣхъ

изъ русскихъ (а число ихъ, къ счастію, весьма значительно), которые одушевлены высокими чувствами любви къ отечеству и любви къ свободѣ. А что сказать объ этихъ женщинахъ, которыя послѣдовали за супругами своими въ ссылку, добровольно раздѣляли ихъ бѣдственную участь и утѣшали ихъ въ страданіяхъ? Никогда исторіи русской не обрѣсти словъ, достойнымъ образомъ могущихъ выразить все благоговѣніе ея къ этимъ великодушнымъ героинямъ, бывшимъ честію и украшеніемъ своего пола и своей страны родной!*)

Хотя Николай Павловичь былъ отъявленнымъ врагомъ свободы политической, но онъ хотѣлъ отмѣнить крѣпостное состояніе низшаго сословія съ тою цѣлію, что-

*) Не упоминая о живыхъ, и говоря только о тѣхъ изъ декабристовъ, которые уже переселились въ лучшій міръ, какую-бы огромную пользу принесли Россіи, если-бы они имѣли власть въ рукахъ, люди съ такими способностями, съ такимъ благороднымъ характеромъ, и съ такимъ великодушнымъ направленіемъ, какъ напримѣръ: Сергій Ивановичь Муравьевъ-Апостолъ, Никита Михайловичь Муравьевъ, Кондратій Ѳедоровичь Рылѣевъ, Иванъ Ивановичь Пущинъ, Николай Александровичь Бестужевъ, Михаилъ Ѳедоровичь Орловъ, Иванъ Дмитріевичь Якушкинъ, Алексѣй Петровичь Юшневскій, князь Александръ Ивановичь Одоевскій, Александръ Викторовичь Поджіо, Петръ Ивановичь Борисовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичь Вад-

бы всѣ сословія, въ Россіи, были въ одинаковой степени рабами Государя. Въ 1838 году, онъ учредилъ министерство государственныхъ имуществъ, и ввѣрилъ оное графу Киселеву въ желаніи приготовить образцовое устройство для сельскаго населенія. Мы уже разсказали выше, въ началѣ четвертой главы нашей книги, какимъ образомъ бюрократія успѣла помѣшать ходу дѣла. Въ 1842 году, графъ Киселевъ дѣлалъ сѣрьозную попытку уничтоженія крѣпостнаго состоянія. Онъ предложилъ уничтоженіе барщины и замѣненіе ея правильнымъ оброкомъ, на взаимномъ условіи опредѣленномъ. Проэктъ этотъ былъ разрушенъ государственнымъ совѣтомъ. Послѣ сильныхъ споровъ и бурныхъ засѣданій, государственный совѣтъ составилъ проэктъ извращенный, исковерканный, *дозволяющій* помѣщикамъ заключать, *если пожелаютъ*, условія съ своими крестьянами, которые въ такомъ случаѣ принимали наименованіе *обязанныхъ крестьянъ*.

ковскій, Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бригенъ, Михайло Александровичъ фонъ-Визинъ, и другіе.

Мы современемъ издадимъ Исторію 14 Декабря, и убѣдительнѣйше просимъ родственниковъ и друзей *декабристовъ* сообщать намъ всевозможныя о нихъ свѣдѣнія.

Многіе изъявятъ удивленіе, какимъ образомъ Николай Павловичь могъ быть остановленъ оппозиціею государственнаго совѣта, онъ, который не допускалъ оппозиціи никогда, нигдѣ, ни въ чемъ и ни отъ кого; круто разрушалъ всякое сопротивленіе, и обходился съ своимъ государственнымъ совѣтомъ и своими министрами, какъ эскадронный командиръ съ своимъ эскадрономъ? Это происходило отъ того, что Николай Павловичь, желая уничтоженія крѣпостнаго состоянія, желая всеобщаго равенства въ рабствѣ передъ Царемъ, желая даже реформы административной, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ однако допустить ни дѣльнаго, сѣрьознаго контроля, ни гласности, тогда какъ гласность и контроль неизбѣжныя послѣдствія реформъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыя и единственныя ручательства въ прочности реформъ, въ ихъ развитіи спокойномъ и мирномъ. При отсутствіи контроля и гласности, порядокъ и честность никакъ невозможны въ администраціи; при существованіи произвола безграничнаго, правосудіе никакъ не возможно въ присутственныхъ мѣстахъ. Николай Павловичь, сочетавшій умъ ограниченный съ тщеславіемъ безмѣрнымъ и съ самонадѣянностію непостижимою, весьма-бы хотѣлъ пользоваться всѣми плодами европейскаго

просвѣщенія, не выпуская ни мало изъ рукъ своей азіатской власти и продолжая управлять Россіею какъ пашалыкомъ; отъ дерева азіатскаго, съ азіатскою прививкою, онъ мнилъ получить европейскіе плоды. Это было сущею невозможностію: невозможность эта бѣсила раздражительнаго Николая Павловича, и однажды, въ одномъ изъ припадковъ откровенности, съ нимъ иногда случавшихся, онъ сказалъ одному изъ иностранныхъ пословъ (отъ коего мы слышали этотъ анекдотъ): *я знало, что меня обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ: что-же мнѣ дѣлать? Это выше моихъ силъ! Сколько я ни старалось очищать этотъ мусоръ, но никакъ не могу въ томъ успѣть!* Николай ошибался, полагая, что онъ очищаетъ мусоръ: онъ только бѣсился при зрѣлищѣ накопленія мусора, и ни при одномъ русскомъ Государѣ не накопилось столько мусора, сколько въ его тридцатилѣтнее царствованіе.

Мы разсказали, какимъ образомъ дворянство русское пріяло свое начало; какъ оно выпросило у своихъ Государей порабощеніе, въ свою пользу, значительной части низшаго сословія, и потому, въ силу того справедливаго закона возмездія, коимъ Провидѣніе всегда караетъ великія политическія преступленія, дворянство рус-

ское понесло заслуженное наказаніе. Поработивъ своихъ соотечественниковъ, оно было само порабощено, и еще въ какое гнусное рабство, продлившееся, въ самомъ отвратительномъ видѣ своемъ, до 1762 года. Съ этой поры, дворянство русское, избавленное лишь отъ гнуснѣйшей принадлежности рабства, тоесть отъ тѣлесныхъ наказаній, получило нѣкоторыя, такъ называемыя въ Россіи привиллегіи, которыя, во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы, составляютъ неотъемлемое право каждаго гражданина безъ исключенія.

Разсмотримъ теперь, въ чемъ состоятъ эти привиллегіи русскаго дворянства, высшаго сословія въ Россіи, столь великолѣпно именуемаго, въ высочайшихъ рескриптахъ: „опорою престола и отечества!“

1. Дворянинъ не подверженъ тѣлесному наказанію, привиллегія, распространенная также на почетныхъ гражданъ и на купцовъ первыхъ двухъ гильдій. Мы надѣемся, что привиллегія эта будетъ обращена въ право, дарованное каждому русскому; надѣемся, что тѣлесныя наказанія будутъ совершенно-уничтожены; желаемъ, чтобы это случилось какъ можно скорѣе; желаемъ также, чтобы законъ, о томъ постановленный, былъ соблюдаемъ

лучше, чѣмъ законъ о дворянскихъ привиллегіяхъ; всѣмъ извѣстно, что не смотря на привиллегіи, дворянъ, *опору престола и отечества*, все-таки продолжаютъ сѣчь въ тайной полиціи.

2. Дворянинъ имѣетъ исключительное преимущество владѣть крѣпостными людьми. Отъ всей души желаемъ, чтобы преимущество это было уничтожено, и какъ можно скорѣе.

3. Дворянинъ имѣетъ право вступить въ государственную службу — если его примутъ.

4. Онъ имѣетъ право оставить службу — если его выпустятъ въ отставку.

5. Онъ имѣетъ право путешествовать — если ему не откажутъ въ заграничномъ пашпортѣ.

6. Онъ имѣетъ право, на губернскихъ и уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ, выразить свое мнѣніе обо всемъ, касающемся до интересовъ его губерніи, но, если мнѣніе его не понравится Правительству, онъ подвергается тюрьмѣ или ссылкѣ безъ всякаго суда.

7. Если дворянинъ обиженъ администраціею въ своихъ интересахъ, или оскорбленъ ею въ своей чести, онъ имѣетъ право (какъ и всякій русскій), подать Государю жалобу черезъ коммиссію прошеній. Коммиссія отсылаетъ жалобу къ

тому министру, подвѣдомственные коему чиновники обидѣли или оскорбили дворянина, и министръ рѣшаетъ дѣло по своему произволу.

8. Если дворянинъ хочетъ печатать свое мнѣніе, то, какъ и всякій русскій, кромѣ крѣпостныхъ людей, онъ можетъ печатать оное съ предварительнаго разрѣшенія цензуры, но, если мнѣніе его непонравится правительству, то онъ, не взирая на предварительное разрѣшеніе цензуры, можетъ быть посаженъ въ крѣпость, какъ это случилось, въ Февралѣ 1859 года, съ издателемъ польскаго журнала *Слово*, который сверхъ того былъ раззоренъ, потому что Правительство, своевольно, и не взирая на предварительное разрѣшеніе цензуры, запретило его журналъ.

9. Дворянинъ можетъ жить, гдѣ ему угодно, если его не сошлютъ, безъ всякаго суда, подъ надзоръ полиціи, въ дальній городъ (какъ это случилось съ нами въ 1843 году), или въ деревню, или если ему не воспретятъ въѣздъ въ Петербургъ (какъ онъ былъ воспрещенъ намъ съ 1844 по 1852 годъ), или въѣздъ въ обѣ столицы, какъ онъ бывалъ и еще теперь запрещенъ весьма многимъ. Длинный можно было-бы составить списокъ лицамъ, коимъ воспрещенъ бывалъ въѣздъ

въ Петербургъ при сумасбродномъ Николаѣ Павловичѣ.

10. Наконецъ, дворянинъ имѣетъ право разъѣзжать, гдѣ пожелаетъ — если впрочемъ не будетъ посаженъ въ крѣпость безъ всякаго суда.

Конечный выводъ изъ всего этаго есть тотъ, что въ Россіи не существуетъ, ни для дворянъ, ни-для кого-бы то ни было, ни свободы мнѣній, ни свободы совѣсти, ни малѣйшей тѣни малѣйшаго обезпеченія свободы личной. Гражданскія права послѣдняго изъ поденщиковъ, въ странахъ конституціонныхъ, безспорно и далеко превышаютъ *привиллегіи* русскихъ дворянъ!

Теперь, мы спросимъ у каждаго человѣка честнаго и благороднаго, подобный порядокъ вещей стоитъ-ли того, чтобы можно было желать его сохраненія? Не лучше-ли было-бы въ тысячу разъ русскому дворянству, для своего личнаго достоинства и для своей чести, отказаться отъ мнимыхъ привиллегій, которыя, въ сущности, ничто иное, какъ звенья тяжкой цѣпи, приковывающей это дворянство къ столбу рабства? Не лучше-ли было-бы имѣть въ Россіи законы справедливые, мудрые, передъ коими всѣ были-бы равными; законы, которые издаваемы были-бы не по-прихоти однаго человѣка и не по проискамъ царской дворни, но въ слѣд-

ствіе внимательнаго и торжественнаго обсужденія ихъ выборными лицами всего земства. Тогда возможно было-бы ввести широкую гласность, единственное вѣрное ручательство за контроль сёрьезный, безъ коего никогда не достигнутъ ни порядка въ администраціи, ни честности въ судахъ. Безъ гласности контроль невозможенъ, а гласность невозможна безъ конституціи; если Александръ Николаевичь не даруетъ конституціи добровольно, русскіе возмутъ и должны взять ее насильно, и тогда, вмѣсто мирныхъ реформъ, произойдетъ революція.

Намъ кажется, что и здравый разсудокъ, и самое чувство чести предписываютъ русскому дворянству свергнуть съ себя иго рабства, и что гораздо почетнѣе быть гражданами въ странѣ свободной, чѣмъ привиллегированными рабами, какъ русскіе дворяне въ настоящее время.

Однимъ изъ самыхъ благихъ для Россіи послѣдствій уничтоженія крѣпостнаго состоянія, будетъ переходъ значительнаго числа земельныхъ участковъ въ руки средняго сословія. Черезъ это значительно возвысится цѣна земли, возрастетъ число продуктовъ, земледѣліе получитъ сильное развитіе, и несмѣтныя богатства, заключаемыя Россіею въ нѣдрахъ своихъ, будутъ успѣшно разработываемы, между

тѣмъ какъ въ настоящее время они остаются безплодными подъ пагубнымъ вліяніемъ полу-азіатской формы правленія, тяготѣющей надъ Россіею. Тогда появятся, рядомъ другъ съ другомъ, два разряда землевладѣльцевъ: дворяне и недворяне. Здраво разсуждая, возможно-ли не произвести сліянія этихъ двухъ разрядовъ во-едино? Явно, что отдѣльное существованіе этихъ двухъ разрядовъ землевладѣльцевъ, что различіе въ гражданскихъ правахъ между ними, неминуемо породятъ зависть. Эта зависть породитъ злобу; злоба всегда становится взаимною, а отъ взаимной злобы до кроваваго столкновенія одинъ шагъ. Притомъ мы видѣмъ, до какой степени суетны, несостоятельны и такъ сказать лживы привиллегіи дворянства, привиллегіи въ сущности мнимыя, потому-что Правительство ихъ нарушаетъ безнаказанно по произволу прихоти своей! Необходимо преобразовать собранія дворянскія, какъ губернскія, такъ и уѣздныя, въ собранія землевладѣльцевъ, и наименовать ихъ *земскими собраніями*.

Уѣздныя земскія собранія могли-бы быть составлены, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, изъ всѣхъ лицъ, владѣющихъ, въ томъ уѣздѣ, опредѣленнымъ количествомъ десятинъ земли, или

заведеніемъ, промышленнымъ или торговымъ, извѣстной цѣнности, внѣ городской черты находящимся. Каждый изъ нихъ имѣлъ-бы голосъ прямый, личный. Сверхъ того, полезно было-бы предоставить право голоса косвеннаго, сложнаго, всѣмъ сельскимъ общинамъ уѣзда, и всѣмъ лицамъ, владѣющимъ небольшимъ числомъ десятинъ земли и небольшимъ заведеніемъ промышленнымъ или торговымъ. Такимъ образомъ, уѣздное собраніе состояло-бы изъ двухъ элементовъ: тѣ, которые, владѣя нѣкоторымъ состояніемъ, имѣя возможность получить лучшее воспитаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе заинтересованные въ сохраненіи общественнаго порядка, имѣли-бы, каждый, голосъ прямый, личный: прочіе-бы имѣли голоса косвенные, сложные. Уѣздное собраніе избирало-бы земскаго предводителя, земскаго исправника, и прочихъ чиновниковъ; сверхъ того, избирало-бы *уѣздный совѣтъ* изъ десяти или двѣнадцати членовъ, коимъ порученъ былъ-бы постоянный надзоръ за дѣйствіями предводителя, исправника и прочихъ чиновниковъ, и которые имѣли-бы право представлять губернскому правленію о нуждахъ уѣзда. *Губернское земское собраніе* можно было-бы составить изъ: 1. всѣхъ лицъ, облеченныхъ правомъ личнаго голоса на собраніяхъ уѣздныхъ,

и 2. изъ трети депутатовъ, засѣдающихъ въ уѣздныхъ собраніяхъ по выбору тѣхъ общинъ и лицъ, которые имѣли-бы право голосовъ сложныхъ. Эта треть могла-бы быть избранною самими депутатами изъ среды своей. Губернское собраніе избирало-бы двадцать-пять или тридцать членовъ въ *губернское правленіе*, коему порученъ былъ-бы постоянный надзоръ за дѣйствіями губернатора и земскихъ властей, и которое облечено было-бы правомъ представлять высшему правительству о нуждахъ губерніи.

Глава VIII.

О среднемъ сословіи.

Екатерина II даровала, въ 1785 году, первымъ двумъ гильдіямъ право быть изъятыми отъ наказаній тѣлесныхъ, (исключая тѣхъ случаевъ, когда правительству угодно высѣчь купца въ тайной полиціи, что бываетъ и съ дворянами). Въ тоже время, Екатерина даровала городскому сословію право выбирать своихъ начальниковъ, но изъятіе отъ наказаній тѣлесныхъ все-таки оставалось еще только за первыми двумя гильдіями. Такимъ образомъ, богатый купецъ подвергался-ли неудачамъ, несчастіямъ, столь обыкновеннымъ на торговомъ поприщѣ, онъ изъ первой или второй гильдіи упадалъ въ третію или въ мѣщанство, и подвергался опасности быть наказываемымъ тѣлесно. Весьма понятнымъ послѣдствіемъ подобнаго порядка вещей, было непреоборимое

желаніе всѣхъ купцовъ достигнуть дворянства, или по-крайней мѣрѣ ввести въ дворянское сословіе дѣтей своихъ. Занятіе торговлею и промышленностію, занятіе столь-достойное уваженія и столь-уважаемое во всѣхъ странахъ образованныхъ, содѣлалось въ Россіи предметомъ презрѣнія; стало тяготить самихъ купцевъ. Много было брошено купечеству русскому упрековъ за его неуваженіе къ своимъ занятіямъ, къ своему сословію, за страсть выводить сыновей своихъ въ дворяне. Упреки эти совершенно-несправедливы; купцевъ русскихъ вовсе неслѣдуетъ укорять: они достойны сожалѣнія, потому-что принуждены были спасать дѣтей своихъ отъ тѣхъ притѣсненій и того позора, коимъ подвергалось купечество въ Россіи. Виновно лишь правительство русское: оно заслуживаетъ упреки въ томъ, что управляя Россіею по-азіатски, хотѣло, между тѣмъ, пожинать плоды европейскаго просвѣщенія.

Въ 1832 году учреждено было сословіе почетныхъ гражданъ, потомственныхъ и личныхъ; и тѣ и другіе изъяты были отъ тѣлеснаго наказанія. Но при изданіи этаго закона сдѣлана была большая ошибка: почетнымъ гражданамъ воспрещено было содержать ремесленныя заведенія и мелочныя лавочки; они могутъ только со-

держать фабрики, заводы и торговать оптомъ.

Въ сороковыхъ годахъ, Николай Павловичъ сталъ обращать нѣкоторое вниманіе на умные совѣты тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, графа Киселева, и рѣшался освободить крестьянъ (мысль эта была имъ отложена въ слѣдствіе европейскихъ событій 1848 года: событія эти испугали Николая Павловича, всегда боязливаго передъ мыслію о революціи, и тогда подлецы, окружавшіе Государя, раздували этотъ страхъ его для извлеченія изъ онаго личныхъ для себя выгодъ). Въ 1846 году, Николай Павловичъ, находясь подъ временнымъ, непродолжительнымъ вліяніемъ графа Киселева, началъ по-немногу свыкаться съ нѣкоторыми мыслями о реформахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій предложилъ Государю преобразованіе Петербургской городской думы, и Николай на это согласился. Главнымъ составителемъ новаго проэкта былъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, который, въ то время, не имѣя еще тридцати лѣтъ отъ роду, оказывалъ хорошія способности; не успѣлъ еще отупѣть въ бюрократическомъ многодѣльѣ всякихъ пустяковъ и подавалъ хорошія надежды, увы! не осуществившіеся! (Въ

то время Н. А. Милютинъ усердно гонялся за репутаціей либерала, какъ нынѣ, усердно гоняясь за чинами, мѣстами и орденами, старается угождать царской дворнѣ и вліятельнымъ лицамъ).

Проэктъ устройства петербургской городской думы составленъ былъ весьма хорошо; введенъ въ ходъ, и уже полагали распространить его на прочія города Имперіи, когда вспыхнули въ Европѣ событія 1848 года, и Николай Павловичъ, испуганный, отложилъ мысль о реформахъ. Впрочемъ, при существованіи такаго образа правленія, какъ въ Россіи, при существованіи самодержавія, никакія устройства, никакіе законы не поведутъ ни къ чему. Мы видѣли недавно, и еще въ такое время, когда правительство имѣетъ претензію на славу преобразователя, и платитъ разнымъ европейскимъ журналамъ и корреспондентамъ ихъ за то, чтобы его хвалили и прославляли его либерализмъ, мы видѣли какимъ образомъ Г. Малковъ, петербургскій купецъ и членъ городской думы, за мнѣніе, выраженное имъ на основаніи законовъ, былъ, вопреки всѣмъ законамъ государственнымъ и вопреки всѣмъ законамъ приличія, обруганъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Г. Игнатьевымъ, и отосланъ имъ подъ-арестъ на нѣсколько дней, и какимъ образомъ Г.

Игнатьевъ, дѣйствія коего были осуждены *даже русскимъ сенатомъ*, нашелъ себѣ дѣятельныхъ защитниковъ въ министрѣ юстиціи, полоумномъ графѣ Панинѣ, и въ главномъ начальникѣ государственной помойной ямы (т. е. тайной полиціи), тупоумнѣйшемъ князѣ Василіѣ Андреевичѣ Долгоруковѣ.

Въ Европѣ, въ странахъ образованныхъ, никто не въ состояніи вообразить себѣ съ какимъ неуваженіемъ, съ какою дерзостію чиновная орда, а еще тѣмъ болѣе царская дворня, обходятся съ членами магистратовъ и присутственныхъ мѣстъ, служащихъ по выбору купечества и мѣщанства. Графъ Закревскій, этотъ злой и глупый баскакъ, по ограниченности своего ума и по деспотизму своего управленія получившій въ Москвѣ прозваніе *Чурбанъ-Паши*, при первомъ своемъ въѣздѣ въ Московскую губернію въ званіи генералъ-губернатора, прибывъ въ городъ Клинъ, встрѣченъ былъ съ большимъ почетомъ городскимъ обществомъ, которое поднесло ему хлѣбъ-соль. Закревскій привѣтствовалъ клинскихъ купцевъ слѣдующимъ образомъ. *Всѣ вы мошенники! Будьте осторожны! Знайте, что я шутить не люблю, и буду весьма строгимъ!* Лѣтъ десять тому назадъ, Харьковскій градскій глава сосланъ былъ въ Вологду

за то, что не хотѣлъ допустить генералъ-губернатора малороссійскаго, Сергія Александровича Кокошкина, самовольно и противозаконно распоряжаться городскимъ бюджетомъ. Кокошкинъ не только не былъ выгнанъ изъ службы, какъ слѣдовало-бы, но еще былъ посаженъ во вторую государственную богадѣльню, то есть въ Сенатъ, и сверхъ того весьма обижается, что не былъ посаженъ въ высшую государственную богадѣльню, то есть въ государственный совѣтъ, гдѣ нашелъ-бы, конечно, многихъ товарищей вполнѣ его достойныхъ.

Всѣ городскія думы, во всѣхъ городахъ Россіи, слѣдуетъ преобразовать на подобіе думы Петербургской, съ тѣмъ только улучшеніемъ, что не слѣдуетъ раздѣлять депутатовъ по сословіямъ, а надобно призвать ихъ къ общему совѣщанію, всѣхъ вмѣстѣ. Раздѣленіе по сословіямъ неминуемо порождаетъ зависть; зависть порождаетъ злобу; злоба порождаетъ вражду, а вражда ведетъ къ политическимъ столкновеніямъ.

Само-собою разумѣется, что слѣдуетъ уничтожить гильдіи, и предоставить всѣмъ и каждому свободное право торговли, съ платежемъ узаконенной платы за свидѣтельство на торговлю и на ремесло, какъ-

то дѣлается во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ.

Полезно было-бы дозволить городскимъ обществамъ, къ каждой губерніи, избирать десять или двѣнадцать членовъ въ губернское правленіе, (устроенное на тѣхъ основаніяхъ, о коихъ мы говорили въ главахъ IV и VII).

Наконецъ, необходимо изъять города отъ грабежа чиновной орды, предоставивъ городскимъ обществамъ выборъ городничихъ, полиціймейстеровъ и частныхъ приставовъ.

Глава IX.

О военной администраціи.

Не будучи военнымъ, мы не будемъ говорить ни о воинскомъ искусствѣ, ни о военномъ устройствѣ войска. Мы будемъ говорить о содержаніи солдатъ и объ обхожденіи съ ними начальниковъ ихъ. Послѣдняя крымская война обнаружила, наявь всему свѣту, злоупотребленія самыя отвратительныя, грабежъ самый гнусный. Слѣдствіе по этимъ грабежамъ поручено было князю Виктору Илларіоновичу Васильчикову, столь извѣстному и отмѣнною храбростію, оказанною имъ на войнѣ, и высокимъ благородствомъ характера, любимому и уважаемому въ войскѣ. Слѣдствіе произведено было, разумѣется, согласно всѣмъ правиламъ чести и гражданскаго долга. Но чиновники русскіе столь искусно поддерживаютъ другъ друга, что никакія усилія честныхъ слѣдо-

вателей и ихъ благороднаго начальника не могли никакъ притянуть къ суду всѣхъ тѣхъ, кого-бы слѣдовало. Изъ числа немногихъ подсудимыхъ, не всѣ подверглись наказанію, и главный виновный, атаманъ провіантскихъ разбойниковъ, генералъ-маіоръ Затлеръ, былъ только исключенъ изъ службы. И еще приговоръ этотъ произнесенъ только черезъ три съ половиною года по окончаніи войны, неудачи и позоръ коей какъ-будто все болѣе и болѣе позабываются правительствомъ. Всемогущая чиновная орда, послѣ сильнаго потрясенія, снова вступила въ свои права самовластія и грабежа, и уроки прошлаго, урокъ послѣдней войны, никъчему не послужили. Неизмѣнная система русской чиновной орды заключается въ томъ, чтобы пользоваться отсутствіемъ гласности, этого единственнаго ручательства за вѣрный контроль; пользуясь отсутствіемъ гласности, красть и грабить немилосердо: если же нѣкоторые изъ сотоварищей попадутся, то, надѣлавъ много шума, произнеся много имъ угрозъ, спасти отъ наказанія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ, большую часть попавшихся, и, *главное*, недопускать никакой реформы серьозной, настоящей. Русская чиновная орда не имѣетъ ни чести, ни совѣсти, не боится Бога; она

боится только однаго въ мірѣ — гласности. И потому, надобно ее карать гласностію, и выставить къ позорному столбу передъ общественнымъ мнѣніемъ, доколѣ мы въ Россіи не достигнемъ всѣхъ тѣхъ реформъ, улучшеній и преобразованій, какія мы отъ правительства требуемъ; какія имѣемъ полное право требовать, и если Правительство, въ своемъ ослѣпленіи, будетъ намъ отказывать въ нихъ, мы имѣемъ полное право себѣ взять, потому-что не мы существуемъ для удовольствія Правительства, а Правительство должно существовать для нашего блага, для блага всѣхъ Русскихъ.

Для объясненія ужаснаго состоянія военной администраціи въ Россіи, необходимо дойти до источника этого состоянія. Источникъ этотъ заключается въ двухъ лицахъ: Николаѣ Павловичѣ, который царствовалъ тридцать лѣтъ, и князѣ Чернышевѣ, который двадцать-пять лѣтъ управлялъ военнымъ министерствомъ. Человѣкъ ума недальняго, безъ всякихъ способностей, не только государственныхъ, но даже и административныхъ, Чернышевъ былъ ловкимъ и пронырливымъ придворнымъ интригантомъ, и это свойство, въ Россіи несравненно-болѣе полезное чѣмъ умъ и способности, возвышая его постепенно при петербургскомъ

дворѣ, возвело его наконецъ на высшую степень петербургскаго сановничества, въ званіе предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ. Передъ Государемъ онъ былъ гибкимъ придворнымъ, искусмымъ и неутомимымъ льстецомъ, трепеталъ передъ малѣйшимъ проявленіемъ гнѣва Николаевскаго, но подчиненнымъ своимъ онъ являлъ надменность временщика и дерзость холопа, осыпаннаго милостями своего барина; былъ съ подчиненными золъ и жестокъ. Онъ искалъ въ этомъ мірѣ только двухъ вещей: силы при Дворѣ и денегъ, и для достиженія того и другаго являлся способнымъ на-все. Подчиненные его трепетали передъ нимъ, и, (обыкновенное послѣдствіе страха), обманывали его, точно такъ, какъ онъ, трепеща передъ Николаемъ, обманывалъ Государя. Военное министерство пришло въ упадокъ; людямъ честнымъ и благороднымъ не давали хода; людей съ характеромъ прямымъ, независимымъ, твердымъ стали гнать и притѣснять; подлость, низость, искательность стали предпочитаемы уму и способностямъ; зрѣлище сихъ послѣднихъ было невыносимо министру малоспособному; казнокрадство и солдатокрадство явились средствами къ карьерѣ; безкорыстіе было оскорбленіемъ для ми-

нистра корыстнаго. Это продолжалось такимъ образомъ цѣлую четверть столѣтія, и въ армію русскую посѣяны были сѣмена разврата и нравственнаго растлѣнія. Николай Павловичь портилъ все, чѣмъ ни занимался; военное министерство было испорчено хуже всѣхъ, потому-что Николай Павловичь занимался имъ ежедневно: военный министръ являлся къ нему съ докладомъ каждое утро . . . . .

Въ 1852 году, за годъ до нелѣпаго начатія войны съ Франціею, нашею природною союзницею, между тѣмъ, какъ онъ упорствовалъ въ безумномъ, мнимомъ союзѣ съ Австріею, нашимъ природнымъ врагомъ, отъ коего, во всей нашей исторіи, мы только и видѣли что обманъ и предательство, въ 1852 году Николай Павловичь назначилъ военнымъ министромъ князя Василія Андреевича Долгорукова. Однимъ изъ самыхъ отличительныхъ свойствъ Николая Павловича было самое полное, всесовершенное неумѣнье распознавать и оцѣнять людей; онъ принялъ князя Василія Андреевича за государственнаго мужа. Князь Василій Андреевичь человѣкъ безкорыстный на деньгу, но до чего же однако мы упали въ Россіи, что дошли до того, что вмѣняемъ министру, и министру принадлежащему къ фамиліи извѣстной, въ высокое достоинство то — что

онъ не воруетъ? Кажется, можно было-бы удивляться, если-бы противоположное этому случилось, а между тѣмъ всѣ въ восторгѣ, что русскій министръ, русскій князь — не воруетъ! Вотъ до чего мы упали! Вотъ къ чему привели насъ самодержавіе и неразлучное съ нимъ нравственное растлѣніе!

Князь Василій Андреевичъ, при нѣкоторой хитрости и довольно большомъ лукавствѣ, отличается совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ способностей, но рѣшительно всякихъ. Взгляните на него: онъ постоянно-улыбается, и эта улыбка вѣчная, стереотинная, пошлая, ко всѣмъ одинаково-обращенная, служитъ ему, въ глазахъ людей его незнающихъ, ширмами, за коими скрываются полное отсутствіе мысли и совершенное отсутствіе всякихъ умственныхъ понятій. Дѣлъ государственныхъ для него не существуетъ; онъ и понять ихъ не можетъ; отечество для него слово безъ всякаго значенія, пустый звукъ; всѣ заботы его сосредоточены исключительно на двухъ предметахъ: быть, какъ можно чаще, приглашаему ко Двору и всегда знать въ точности степень придворной силы и вліянія каждаго царедворца. Князь Василій Андреевичъ счастливъ, когда можетъ не заниматься сѣрьезными дѣлами; дѣлъ этихъ онъ вовсе не понимаетъ; теряется въ мело-

чахъ, въ пустякахъ; высшія соображенія для него недоступны, а слова реформа и прогрессъ бросаютъ его въ лихорадку. Во время послѣдней войны, онъ заботился только объ одномъ, а именно чтобы скрывать, отъ Николая Павловича и отъ Александра Николаевича, всѣ печальныя и непріятныя для Россіи извѣстія, коими послѣдняя война была, къ несчастію, столь обильною. Онъ это дѣлалъ, какъ увѣрялъ, *чтобы не огорчать Государя*, но въ сущности для избѣжанія Царскихъ упрековъ за свою неспособность и за свое совершенное неумѣнье управлять министерствомъ. Тѣ изъ курьеровъ, изъ арміи пріѣзжающихъ, которые осмѣливались говорить истину Государю, выслушивали потомъ сильнѣе упреки отъ князя Василія Андреевича.

Послѣдняя война (1853 — 1856), обнаружила, во всемъ его ужасѣ, состояніе комиссаріатскаго и провіантскаго управленій, совершенно-преданныхъ въ руки этой чиновной ордѣ, которая считаетъ казнокрадство и солдатокрадство своею собственностію, неотъемлемымъ своимъ крѣпостнымъ правомъ. Благо отечества требуетъ, чтобы подобныя мерзости были предаваемы всевозможно-громкой гласности, тѣмъ болѣе, что реформы въ Россіи совершаются правительствомъ не на-дѣлѣ, а большею частію на словахъ.

Генералъ-интендантъ дѣйствующей арміи, генералъ-маіоръ Затлеръ, избралъ главными помощниками своими тестя своего Шахова и свояка своего Воронича. Войскамъ отпускались гнилые сухари, тухлое мясо, разбавленная водою водка. Многіе изъ полковыхъ командировъ были на жалованьѣ у Затлера, а полковые командиры честные и благонамѣренные сколь ни приносили жалобъ начальству на провіантское управленіе, но жалобы ихъ оставились втунѣ: всесильная чиновная орда поддерживала Затлера.

Начальники *воловыхъ ротъ*, принимая отъ Затлера, на примѣръ, пятьсотъ воловъ, давали ему расписку на шестьсотъ. Для пополненія этаго числа, они, въ дорогѣ, захватывали сколько могли воловъ у обывателей. Мѣстныя земскія начальства, за нѣсколько рублей, охотно выдавали свидѣтельства о смерти вола никогда не существовавшаго. Бывали и другія продѣлки. Одинъ изъ начальниковъ воловьихъ ротъ, на всемъ пути отступленія нашихъ войскъ съ береговъ Дуная за Днѣстръ, то есть на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, везъ на подводѣ издохлаго вола, и на каждомъ ночлегѣ бралъ у земской полиціи свидѣтельство о смерти этого вола. Вообще, во время послѣдней войны, волы были одною изъ самыхъ

прибыльныхъ статей казнокрадства. Однажды полученъ былъ рапортъ объ учрежденіи, въ сѣверной части таврической губерніи, депо воловъ въ числѣ тысячи осьмисотъ штукъ (которыхъ никогда и не существовало). Изъ суммъ провіантскаго вѣдомства отпущены были деньги на покупку этихъ мнимыхъ воловъ; потомъ на ихъ кормъ: потомъ полученъ рапортъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ оказалась чума; велѣно было незараженныхъ еще воловъ поспѣшнѣе зарѣзать и солить; отпущены деньги на покупку соли, на соленье, и каждый изъ этихъ баснословныхъ воловъ принесъ изобрѣтателямъ этого дѣла дохода, а казнѣ убытка, по триста рублей серебромъ со штуки!

При занятіи Молдавіи и Валахіи въ 1853 году, изъ Петербурга предписано было сдѣлать большіе запасы муки, крупы, овса и сѣна; на этотъ предметъ отпущены огромныя суммы, большую часть коихъ Затлеръ и его подчиненные присвоили себѣ. Когда лукавая политика Австріи принудила Николая Павловича, въ 1854 году, поспѣшно вывести русскія войска изъ Молдавіи и Валахіи, то Затлеръ представилъ главнокомандующему рапортъ, о невозможности перевоза въ Россію всѣхъ заготовленныхъ запасовъ, и получилъ повелѣніе истребить ихъ; и такъ какъ истреб-

лять было почти нѣчего, потому-что въ сущности запасовъ было весьма мало, то для прикрытія плутни сожгли амбары у нѣсколькихъ помѣщиковъ молдавскихъ и валахскихъ. Дѣло въ шляпѣ, а деньги въ карманѣ.

Изъ обѣихъ столицъ и изъ всѣхъ концевъ Россіи, лица всѣхъ сословій посылали нашимъ войскамъ разные предметы на одежду, на обувь, и проч. Изъ присланныхъ предметовъ, почти ничего не доходило до солдатъ, которые нуждались иногда въ первыхъ потребностяхъ жизни. Все, что присылалось въ Крымъ отъ частныхъ пожертвованій, было частію задерживаемо генералами и полковыми командирами для собственнаго своего употребленія, частію ими же продаваемо купцамъ и разнощикамъ, а деньги, за продажу вырученныя, были удерживаемы генералами и полковыми командирами.

Судьба моряковъ была иная: имъ было хорошо, подъ бдительнымъ надзоромъ администраціи умной и честной. Вещи, имъ присылаемыя отъ частныхъ пожертвованій, къ нимъ доходили исправно, благодаря честности и благородству морскихъ офицеровъ, корпусъ коихъ, въ Россіи, замѣчателенъ во всѣхъ отношеніяхъ, и способностями, и честностію, и просвѣщеннымъ направленіемъ. Правиль-

ности дѣйствій морской провіантской и коммиссаріатской частей въ Крыму много способствовалъ присланный отъ генералъ-адмирала Борисъ Павловичъ Мансуровъ, (нынѣ статсъ-секретарь), молодый человѣкъ отличныхъ способностей и благороднѣйшаго характера.

Для наблюденія за правильнымъ распредѣленіемъ вещей, присылаемыхъ сухопутнымъ солдатамъ отъ частныхъ жертвователей, посланы были въ Крымъ, по выбору добродѣтельной и почтенной Императрицы Маріи Александровны, сперва графъ Михайло Михайловичъ Віельгорскій, потомъ, послѣ кончины его, князь Григорій Григорьевичъ Долгоруковъ. Оба они были людьмиблагороднѣйшаго характера, и съ самоотверженіемъ истинно-геройскимъ, пожертвовали жизнію на поприщѣ своей почтенной дѣятельности; оба умерли отъ тифуса, коимъ заразились при посѣщеніи военныхъ больницъ. Но что могли сдѣлать эти двѣ благородныя личности противъ непреоборимаго грабежа чиновной орды, имѣвшей непоколебимую поддержку въ Петербургѣ, въ военномъ министерствѣ, гдѣ военный министръ, какъ мы уже сказали выше, лично безкорыстный на деньгу, былъ человѣкъ совершенно-неспособный ни къ чему, кромѣ интригъ придворныхъ, и сверхъ того, озабоченъ лишь приглаше-

ніями ко Двору, придворными обыденными мелкими событіями, и безпрестанно твердилъ, что *не слѣдуетъ огорчать Государя непріятными извѣстіями изъ арміи.*—

Если коммиссаріатская и провіантская части морскаго министерства были въ порядкѣ, не взирая на то, что генералъ-адмиралъ вступилъ въ управленіе этимъ министерствомъ лишь за полгода до начала войны, то почемуже въ военномъ министерствѣ происходили всякія пакости? По той причинѣ, какъ мы видѣли, что князь Василій Андреевичь Долгоруковъ былъ министромъ по выбору Николая Павловича; былъ самымъ явнымъ доказательствомъ неумѣнья Николая Павловича выбирать людей, и одаренъ самою высшею степенью неспособности къ чему-бы то-ни было, кромѣ происковъ придворныхъ. Тѣмъ изъ несчастныхъ солдатъ нашихъ, столь блистательно ознаменовавшихъ себя мужествомъ, самоотверженіемъ и покорностію своей горестной судьбинѣ, которые были ранены не столь тяжело, чтобы не перенести перевозки въ дальнія больницы, предстояла цѣлая вереница лишеній и страданій. Ихъ сажали на телѣги, зимою, не давая имъ теплой одежды, уставомъ опредѣленной; прикрывали ихъ слегка старыми, изодранными военными шинелями, и такимъ образомъ везли ихъ сотни

верстъ, иногда по жестокому морозу, подвергая этихъ раненыхъ защитниковъ отечества и холоду и голоду. Въ городахъ и главнѣйшихъ мѣстечкахъ, устроены были временныя военныя больницы, начальники коихъ, нимало не заботясь о привозимыхъ къ нимъ раненыхъ и больныхъ, оставляли ихъ по цѣлымъ часамъ на телѣгахъ, на морозѣ, голодными, а сами отправлялись въ теплыя комнаты свои, сытно ѣсть, пить шампанское, и играть въ карты. Тѣхъ изъ несчастныхъ раненыхъ, которые умирали, записывали въ гошпитали больными; въ счеты госпиталей вносили порціи и медикаменты, будто-бы отпускаемые этимъ больнымъ, а трупы ихъ складывали въ холодные подвалы, въ ледники. Когда въ подвалахъ накоплялось нѣкоторое количество труповъ, то ихъ клали въ гробы на скоро полу-сколоченные, и отвозили на кладбище. Иногда, при провозѣ, гробы, плохо сколоченные, разваливались, и тѣла падали на землю совершенно-нагіе . . . . . Чиновники не только грабили казну и живыхъ солдатъ, но еще обкрадывали и умершихъ, не облекая труповъ ихъ въ саваны, деньги на поставку коихъ были воруемы чиновною ордою . . . . . .

И за подобное управленіе военнымъ министерствомъ, князь Василій Андрее-

вичь, вмѣсто того, чтобы быть выгнаннымъ изъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь ни къ какимъ дѣламъ его не опредѣлять, получилъ ленты Владимірскую и Андреевскую, чинъ генерала отъ кавалеріи, и назначенъ былъ главнымъ начальникомъ государственной помойной ямы, то есть III отдѣленія собственной канцеляріи.*)

Каково же было всеобщее негодованіе, когда, при судѣ надъ разбойниками военнаго министерства, главный изъ этихъ

---

*) Генералъ-провіантмейстеромъ военнаго министерства былъ въ то время князь Владиміръ Андреевичь Долгоруковъ, младшій братъ князя Василія Андреевича. Сей послѣдній, при всей своей совершенной неспособности, по-крайней мѣрѣ безкорыстенъ; князь Владиміръ Андреевичь стольже неспособенъ, какъ и братъ его; такій же придворный пройдоха, но безкорыстіемъ не отличается. Вмѣсто того, чтобы быть выгнаннымъ изъ службы, онъ, во время самой войны, пожалованъ былъ генералъ-адъютантомъ; черезъ годъ по заключеніи мира произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и недавно, черезъ три года по окончаніи войны, получилъ ленту Бѣлаго Орла съ рескриптомъ, въ коемъ Государь имѣлъ *наивность* упомянуть объ его управленіи провіантскою частію! Если князю Владиміру Андреевичу пожалованы такія награды, то мы не можемъ не удивляться, почему не пожаловано еще большихъ и важнѣйшихъ наградъ генералу Затлеру, который еще болѣе князя Владиміра Андреевича погубилъ русскихъ солдатъ и еще болѣе причинилъ вреда Россіи?

разбойниковъ, Затлеръ, былъ приговоренъ только къ исключенію изъ службы, и когда покровителемъ, заступникомъ Затлера передъ судомъ и передъ Государемъ явился главнокомандующій первою арміею, князь Михаилъ Дмитріевичь Горчаковъ, человѣкъ извѣстный своимъ безкорыстіемъ? Князь Михаилъ Дмитріевичъ громогласно провозглашалъ, что безъ Затлера войско русское погибло-бы съ голоду! .... Но какъ же можетъ Государь поддерживать существованіе подобнаго, гнуснаго порядка вещей? .... До чего упала Россія при этомъ образѣ правленія, при этомъ самодержавіи?... А какъ подумаешь что Россія столь обширна, столь обильна непочатыми богатствами, и что народъ русскій одинъ изъ самыхъ умнѣйшихъ на земномъ шарѣ! ... Какъ вспомнишь, что тридцать лѣтъ тому назадъ Россія была державою первостепенною, а нынѣ, благодаря самодержавію, чиновной ордѣ и царской дворнѣ, упала въ разрядъ державъ второстепенныхъ; не можетъ вести заграничной войны по недостатку денегъ, и не въ состояніи даже, иначе какъ на нѣсколько мѣсяцевъ, отражать вторженія враговъ во внутрь Имперіи, потому-что безъ коммиссаріата и безъ провіантскихъ чиновниковъ воевать нельзя, а военное министерство наполнено самыми отчаян-

ными разбойниками, о коихъ только можно читать въ лѣтописяхъ міра. *Вотъ каковы плоды отсутствія контроля, отсутствія гласности, отсутствія свободы; вотъ каковы горькіе, но неизбѣжные плоды самодержавія!*

Конечно, есть въ Россіи нѣсколько полковыхъ командировъ честныхъ и благонамѣренныхъ, и они тѣмъ болѣе достойны уваженія, что находятся въ меньшинствѣ. Но большая часть полковыхъ командировъ, какъ армейскихъ, такъ и гвардейскихъ, самымъ гнуснымъ образомъ обогащаются на счетъ ввѣренныхъ имъ солдатъ, коихъ они дурно содержатъ и дурно кормятъ. Правительство отпускаетъ на солдатъ ржаной муки въ изобиліи, даже въ излишкѣ. Часть этой муки продается начальниками въ свою пользу. Также обращаютъ они въ свою пользу часть сукна отпускаемаго на солдатскую одежду, и часть кожъ, отпускаемыхъ на солдатскую обувь. Въ полкахъ кавалерійскихъ доходъ начальниковъ еще гораздо значительнѣе, чѣмъ въ полкахъ пѣхотныхъ; они берутъ значительный себѣ доходъ съ овса и съ сѣна. Наконецъ, одна изъ самыхъ прибыльныхъ вѣтвей казнокрадства заключается въ *справочныхъ цѣнахъ*, установляемыхъ, съ общаго согласія, мѣстными гражданскими властями и воинскимъ начальствомъ.

У насъ въ Россіи, по обычаямъ нашего полу-азіатскаго правительства, начальникъ, и не въ одномъ войскѣ, но по всѣмъ вѣдомствамъ, никогда не можетъ остаться виноватымъ передъ подчиненнымъ, и подчиненный никогда не можетъ быть правымъ противъ воли своего начальника. Въ военномъ вѣдомствѣ существуютъ, конечно, такъ называемые *инспекторскіе смотры*, на коихъ является пріѣзжій генералъ, нетолько осматриваетъ одежду и пищу солдатъ, но еще спрашиваетъ у нихъ, довольны-ли они своимъ начальствомъ. Горе несчастному, который-бы вздумалъ заикнуться малѣйшею жалобою! Генералъ, для инспекціи пріѣхавшій, возметъ взятку съ полковаго командира, и дѣло будетъ замято, но за то, лишь только инспекторъ уѣдетъ, полковый командиръ, подъ первымъ попавшимся предлогомъ, велитъ отсчитать пятьсотъ палокъ дерзновенному солдату, принесшему жалобу, и, когда спина несчастнаго выздоровѣетъ, велитъ ему еще, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, отсчитать пять-сотъ палокъ. Что же дѣлать несчастнымъ русскимъ солдатамъ?... Страдать и молчать, удѣлъ ихъ!... Во всемъ мірѣ трудно встрѣтить существо столь преисполненное самоотверженія, какъ солдатъ русскій! Отъ природы добрый, человѣколюбивый, мачкосердый къ несча-

стнымъ, готовый раздѣлить съ нищимъ послѣдній бѣдный кусокъ своего скуднаго хлѣба; въ битвѣ преисполненный львинаго мужества, но по окончаніи сраженія ласковый ко врагу обезоруженному, и попечительный о врагѣ раненомъ; преисполненный самоотверженія, основаннаго на глубокомъ чувствѣ горячей вѣры въ Бога; являющій въ характерѣ своемъ великолѣпное сочетаніе энергіи и стоицизма съ добродушіемъ и кротостію, русскій солдатъ, если только видитъ въ начальникѣ своемъ любовь къ нему и заботливость о немъ, готовъ за этимъ начальникомъ итти въ огонь и воду, готовъ жизнь свою положить за него!.... Умѣй только взяться съ русскимъ солдатомъ, и онъ богатырь непобѣдимый!.....

Сами офицеры состоятъ въ полной зависимости отъ корыстолюбія полковыхъ командировъ, большая часть коихъ исправляетъ ремесло лошадиныхъ барышниковъ, и принуждаетъ богатыхъ офицеровъ покупать у себя лошадей въ три-дорога. Въ каждомъ полку, полковый казначей и полковый квартирмейстеръ должны, по настоящему, быть выбранными обществомъ офицеровъ, но въ сущности, они назначаются полковымъ командиромъ. Если-бы нашлись офицеры, которые-бы приняли эти должности въ неудовольствіе полко-

вому командиру, то сей послѣдній нашелъ-бы тысячу средствъ учинить имъ непріятности. И потому, въ большей части полковъ, казначей и квартирмейстеръ — правая и лѣвая руки полковаго командира въ казнокрадствѣ.

Въ 1858 году, перемѣняя лошадей на одной почтовой станціи, мы увидѣли безсрочно-отпускнаго солдата, бывшаго на крымской войнѣ, и вступили съ нимъ въ разговоръ. Онъ сказалъ намъ: *„Да, батюшка, посмотрѣлъ я въ Крыму на солдатъ французскихъ и на солдатъ сардинскихъ. То-то счастливые люди: содержатъ ихъ хорошо; обходятся съ ними по человѣчески; живутъ они себѣ, какъ у Христа за пазухой. А нашъ братъ, русскій солдатъ, подъ-часъ съ-голоду умираетъ; начальство насъ обкрадываетъ, да потомъ еще насъ же бьетъ по зубамъ и съчетъ! Горе намъ, да и только!*

Въ Россіи, въ военномъ вѣдомствѣ какъ и во всѣхъ прочихъ, недостаточно смѣнять людей, и на мѣсто ихъ сажать другихъ: необходимы коренныя измѣненія. Зло усиливается съ каждымъ годомъ, и безъ коренныхъ измѣненій правительство русское идетъ къ перевороту, къ перевороту бурному, и менѣе отдаленному, чѣмъ полагаютъ вообще.

Глава X.

О Финансахъ.

Россія — классическая страна лжи оффиціальной, лжи, возведенной на степень правительственнаго учрежденія. Фасадъ правительственнаго зданія, обращенный къ Европѣ, возведенъ по правиламъ европейской архитектуры, но войдите вовнутрь зданія, оглянитесь, осмотритесь, и вы увидите себя въ настоящей Азіи. Такъ напримѣръ принципъ необходимости гласности бюджета, принципъ, составляющій нынѣ въ Европѣ одно изъ самыхъ основныхъ началъ науки государственнаго правленія, оспаривается и недопускается въ Россіи чиновною ордою и царскою дворнею, этими двумя сословіями

всемогущими и всеворующими. Чиновная русская орда, незаконнорожденное исчадіе глупости и воровства, повелѣваетъ министрами, которые служатъ орудіями ея власти, повелѣваетъ самою дворнею царскою, этою дворнею неспособною, презрѣнною и всѣми презираемою, недопускаетъ гласности бюджета, и (что въ Европѣ возбуждаетъ исполинскій смѣхъ), чиновники, служащіе при тѣхъ вѣдомствахъ, гдѣ бюджетъ изготовляется, *присягою обязываются хранить оный въ тайнѣ!!!*.....

По закону, бюджетъ долженъ быть ежегодно, прежде наступленія новаго года, представленъ на разсмотрѣніе и обсужденіе государственнаго совѣта. Чтобы дать понятіе, какимъ образомъ онъ разсматривается, мы разскажемъ здѣсь исторію бюджета 1858 года.

Извѣстно всѣмъ, что общія собранія государственнаго совѣта бываютъ по понедѣльникамъ; засѣданія комитета министровъ по вторникамъ, а засѣданія учрежденнаго въ Декабрѣ 1857 года Совѣта Министровъ по четвергамъ. 30 Декабря 1857 года приходилось въ понедѣльникъ. Тогдашній министръ финансовъ Брокъ, неспособнѣйшій изъ людей, получившій министерство изъ рукъ сумасброднаго Николая Павловича, и вовремя послѣдней

войны удвоившій число кредитныхъ билетовъ въ Россіи, потому-что въ своемъ совершенномъ непониманіи дѣлъ онъ воображалъ, что печатать кредитные билеты и пускать ихъ въ обращеніе значитъ вести войну *даромъ*, славился впрочемъ всегда своею неспособностію, даже среди этой русской чиновной орды, въ сферѣ коей умъ считается общественнымъ врагомъ, а глупость ведетъ къ чинамъ, лентамъ и министерскимъ портфелямъ. Само собою разумѣется, что Брокъ былъ ярымъ врагомъ гласности и всякаго контроля. Онъ не представилъ бюджета государственному совѣту въ засѣданіи 30 Декабря, когда поздно-было-бы разсматривать и обсуждать серьозно, но по-крайней мѣрѣ члены государственнаго совѣта могли-бы взглянуть на бюджетъ. Согласясь съ княземъ Орловымъ, этимъ упорнымъ врагомъ всякой мысли просвѣщенной, всякаго благонамѣреннаго направленія, онъ уговорилъ Орлова испросить у Государя позволенія, назначить экстраординарное собраніе государственнаго совѣта утромъ во вторникъ, 31 Декабря. Члены совѣта были увѣдомлены, что они должны собраться въ десять часовъ утра, разсмотрѣть бюджетъ, вмѣстѣ съ министрами, которые члены совѣта по своему званію; что бюджетъ долженъ быть под-

несенъ Государю, на Высочайшее утвержденіе, въ полдень, для того, чтобы комитетъ министровъ могъ имѣть свое засѣданіе въ тотъ же день! *Такимъ образомъ, государственному совѣту предоставляли полтора часа для разсмотрѣнія бюджета!*

Глупые и подлые старики, наполняющіе государственную богадѣльню, въ насмѣшку *совѣтомъ* именуемую, безропотно вынесли это оскорбительное и унизительное обхожденіе съ ними Государя, Орлова и Брока. Многіе вѣроятно даже и не поняли, до какой степени Правительство ихъ въ грязь топчетъ; не поняли этого и по-ограниченности ума, и по вкоренившимся въ нихъ монголо-холопскимъ привычкамъ, слѣдствіе частыхъ посѣщеній Зимняго Дворца. Экстраординарное засѣданіе государственнаго совѣта открыто было во вторникъ, 31 Декабря, въ половину одиннадцатаго часа утра; а въ три четверти двѣнадцатаго часа, *послѣ семидесяти-пяти минутъ засѣданія*, бюджетъ, будто-бы разсмотрѣнный государственнымъ совѣтомъ, отнесенъ былъ Орловымъ и Брокомъ къ Государю, высочайше утвержденъ, и въ половину перваго часа по-полудни комитетъ министровъ открывалъ свое засѣданіе. Право не знаешь, чему болѣе удивляться: наглой-ли дерзости Брока и Орлова, или глупости и

подлости членовъ государственнаго совѣта, и ихъ преступному равнодушію ко благу отечества, равнодушію, которое исторія заклеймитъ заслуженнымъ позоромъ.

Въ этотъ самый день, Государь возвелъ Брока въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, на эту высшую гражданскую степень парника дураковъ, именуемаго табелью о рангахъ. Брокъ былъ вполнѣ того достоинъ!

Въ этотъ же самый день, узнавъ обо всей этой продѣлкѣ, мы, въ разговорѣ съ однимъ сенаторомъ (принадлежащемъ къ небольшому числу умныхъ людей въ Сенатѣ), сказали ему: *каковъ-то ералашъ идетъ у насъ въ Россіи?..* Сенаторъ намъ отвѣчалъ: *чему же вы тутъ удивляетесь? Игра находится въ рукахъ людей, которые не умѣютъ отличать ни двоекъ отъ тузовъ, ни валетовъ отъ королей! Мудрено-ли, что идетъ ералашъ? Черезъ нѣсколько лѣтъ, того и гляди, начнется безкозырная!...*

Изъ числа русскихъ министровъ финансовъ, однимъ изъ самыхъ способныхъ (а можетъ быть и самымъ способнымъ), былъ (1823—1844) графъ Канкринъ, умершій въ 1845 году. Онъ былъ умнымъ человѣкомъ, ученымъ знатокомъ финансовой части, администраторомъ опытнымъ и искуснымъ; сверхъ того, онъ былъ

хитеръ и проницателенъ, и умѣлъ отстаивать русскіе финансы отъ тлетворнаго, разрушительнаго вліянія неспособности Николая Павловича. Послѣ Канкрина, Николай Павловичъ невстрѣчалъ уже у преемниковъ его ни мудрыхъ совѣтовъ, основанныхъ на сочетаніи науки съ умомъ и долголѣтнею практикою, какіе подавалъ ему Канкринъ; ни того почтительнаго сопротивленія, какое министры, маломальски себя уважающіе, обязаны противопоставлять такому сумасбродному Государю, какимъ былъ Николай Павловичъ, постоянно считавшій свои прихоти, свои капризы, проблесками генія! Но Канкринъ, не взирая на свой высокій умъ не умѣлъ избѣгнуть ошибки, въ которую впадаютъ почти всѣ русскіе министры, а именно, выбрать себѣ въ товарищи (что при Николаѣ Павловичѣ значило выбрать себѣ въ преемники) человѣка неспособнаго, такого человѣка, который-бы не могъ затмить своего министра-начальника. Онъ избралъ Вронченку, стараго и неспособнаго чиновника. Достигнувъ семидесяти лѣтъ, удрученный недугами, Канкринъ оставилъ министерство, поступокъ умный и благородный вмѣстѣ, примѣръ весьма рѣдкій въ нашемъ отечествѣ, гдѣ и министры и всѣ чиновники вовсе не считаютъ себя призванными служить

Россіи, а находятся въ полномъ убѣжденіи, что Россія создана Господомъ Богомъ для ихъ личныхъ выгодъ....

Вронченко, заступивъ мѣсто Канкрина, сталъ искать себѣ въ товарищи человѣка, еще менѣе способнаго, чѣмъ онъ самъ. Найти было вовсе не легко. Сперва онъ взялъ сенатора Ореуса, который, черезъ нѣсколько времени, сознавъ себя не вполнѣ способнымъ къ этой должности, благородно отказался отъ нея, и возвратился въ сенатъ. Тогда Вронченко обрѣлъ наконецъ желанную находку, и взялъ себѣ въ товарищи Брока, настоящій тройный экстрактъ русской чиновничьей неспособности. По смерти Вронченки, въ 1852 году, Николай Павловичъ назначилъ Брока министромъ финансовъ. Г. Брокъ, во всѣ шесть лѣтъ своего министерства, находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ барономъ Александромъ Логиновичемъ Штиглицомъ, который, наслѣдовавъ коммерческій домъ и милліоны отца своего, не наслѣдовалъ отеческихъ способностей и знанія дѣлъ. Барономъ Штиглицомъ управлялъ его товарищъ, Константинъ Карловичъ Фелейзенъ, и всегомущее на Г. Брока вліяніе Г. Фелейзена было весьма выгодно для коммерческаго дома Штиглица, но крайне-невыгодно для Россіи. Такимъ образомъ объясняется неприличное

въ высшей степени, и можно сказать преступное распоряженіе Г. Брока, во время всеобщаго закрытія, во всей Россіи, размѣнныхъ кассъ, въ продолженіи послѣдней войны, распоряженіе выдавать золото, и выдавать его милліонами, одному только дому Г. Штиглица, а прочимъ всѣмъ негоціантамъ въ размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на золото отказывать. Всѣ жалобы купцевъ русскихъ остались втунѣ, и это преступное дѣйствіе совершалось открыто во все продолженіе войны!

О нынѣшнемъ министрѣ финансовъ Александрѣ Максимовичѣ Княжевичѣ мы еще не можемъ составить себѣ яснаго понятія. Лично мы съ нимъ не знакомы, и въ управленіе министерствомъ онъ вступилъ лишь за годъ до нашего выѣзда изъ Россіи. Мнѣнія о немъ ходятъ совершенно-противоположныя. Къ чести его можно отнести слѣдующія дѣянія. Онъ призвалъ къ важнымъ должностямъ въ министерствѣ финансовъ нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своими способностями, честностію и познаніями по финансовой части. Онъ учредилъ комитеты для разсмотрѣнія многихъ вопросовъ, и составилъ эти комитеты не изъ старыхъ чиновниковъ, не изъ бюрократовъ, какъ дѣлалось прежде, а изъ спеціалистовъ, изъ людей хорошо знакомыхъ съ предметами, коихъ обсуж-

деніе имъ ввѣрялось: нѣкоторые изъ этихъ людей, вовсе не состоя на службѣ, столь же независимы и по своему положенію сколь и по своему личному характеру; наконецъ онъ рѣшительно приступилъ къ совершенному преобразованію кредитныхъ установленій, однаго изъ доходнѣйшихъ гнѣздъ чиновной орды. Всѣ эти истинныя заслуги отечеству пріобрѣтаютъ еще большее значеніе, когда вспомнишь, что они оказаны старикомъ, проведшимъ всю жизнь свою въ туманной сферѣ прежняго, стараго порядка вещей, и на шестидесятипяти лѣтнемъ возрастѣ вышедшимъ на путь новыхъ идей и полезныхъ реформъ. Это заслуживаетъ уваженія и высокихъ похвалъ. Но съ другой стороны, неловкость, съ коею ведено было дѣло объ обоихъ займахъ, внутреннемъ и внѣшнемъ, вредитъ министру, а еще болѣе и гораздо значительнѣе вредитъ ему его участіе въ позорныхъ дѣйствіяхъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго и министра государственныхъ имуществъ Муравьева, на защиту откуповъ и откупщиковъ отъ обществъ трезвости и отъ справедливаго, вполнѣ заслуженнаго негодованія народнаго.

Нынѣ Россія постигнута страшнымъ финансовымъ кризисомъ. Если вспомнить положеніе дѣлъ въ 1858 году, лишь два

года тому назадъ; если вспомнить, съ какою быстротою возникали акціонерныя общества;*) какъ легко они находили капиталы; до какой степени денежные люди были падки на акціонерныя общества; если которое изъ сихъ послѣднихъ искало милліона рублей, то находило восемь или десять милліоновъ, и акціи, съ огромными преміями, переходили на петербургской биржѣ изъ рукъ въ руки; если вспомнить это столь-недавнее минувшее, и посмотрѣть что происходитъ нынѣ, то можно-бы спросить, какое общественное бѣдствіе, война-ли, чума-ли, общій-ли голодъ, произвели столь разительную перемѣну въ положеніи дѣлъ? Торговля страдаетъ и въ упадкѣ; произошли многія и сильныя банкрутства; многіе торговые дома закрыли свои дѣйствія; акціи почти всѣхъ обществъ значительно упали, не исключая даже и акцій обществъ, имѣющихъ за себя ручательство правительства; золото и серебро исчезли изъ обращенія; самая мѣдь, скромнѣйшій изъ металловъ, становится до-

---

*) Въ Россіи учреждено было акціонерныхъ обществъ:

Съ 1799 по 1856 годъ, въ теченіи 57 лѣтъ:	37	обществъ.
Въ 1857 году	14	„
Въ 1858 году	40	„
Въ 1859 году	24	„

вольно рѣдкою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удостоивается уже печальной чести лажа; капиталы бѣгутъ за границу; кредитъ русскаго правительства сильно поколебленъ, и рубль значительно упалъ. Откуда этотъ страшный кризисъ? Какія пагубныя причины произвели его? Онъ проистекаетъ вовсе не изъ случайностей необыкновенныхъ, но изъ бѣдствій, постоянныхъ въ Россіи, а именно: отъ неспособности правительственныхъ людей; отъ отсутствія всякой здравой системы въ правленіи; отъ недопусканія къ высшимъ должностямъ людей способныхъ; отъ предоставленія высшихъ должностей глупцамъ и подлецамъ, составляющимъ дворню царскую, или сильно покровительствуемымъ этою дворнею; вотъ причины кризиса, какой могъ-бы произойти лишь отъ сочетанія такихъ бѣдствій какъ война, чума и голодъ!

Финансовый кризисъ является намъ въ двойномъ видѣ: въ видѣ кризиса денежнаго и въ видѣ кризиса торговаго.

Кризисъ денежный есть прямое послѣдствіе огромнаго, необузданнаго выпуска кредитныхъ билетовъ во время послѣдней войны. Въ 1850 году было кредитныхъ билетовъ; 301,578,000 рублей; но при заключеніи парижскаго мира, въ 1856 году, ихъ было болѣе чѣмъ на

690,000,000 рублей. Г. Брокъ, въ своей всесовершенной неспособности, полагалъ, что выпускать кредитные билеты значитъ вести войну даромъ. Александръ Николаевичъ, вступивъ на престолъ, не только не прогналъ Брока, какъ-бы слѣдовало, но еще награждалъ его, три года державъ министромъ, и увольняя отъ министерства, назначилъ его членомъ государственнаго совѣта, пожаловалъ ему пожизненную пенсію въ 12,000 рублей серебромъ и прислалъ ему рескриптъ, въ коемъ прописаны были всѣ великолѣпныя заслуги, Брокомъ не оказанные, но которые, разумѣется, онъ могъ-бы оказать, если-бы былъ человѣкомъ способнымъ, вмѣсто того, чтобы быть неспособнѣйшимъ изъ членовъ русской чиновной орды. Кстати объ этихъ Высочайшихъ рескриптахъ: что можетъ быть смѣшнѣе и безтолковѣе обычая, писать къ какому-нибудь глупцу и благодарить его за такія-то и такія-то заслуги, какихъ онъ никогда не оказывалъ? Русскимъ уже нѣсколько разъ приходилось хохотать отъ всей души, читая великолѣпные рескрипты графу Адлербергу, въ коихъ прославлялись заслуги и добродѣтели этаго пустаго, неспособнаго и развратнаго старика, который, своимъ образомъ жизни, содѣлался во всей Россіи притчею во языцѣхъ!

Вѣрнѣйшимъ средствомъ къ уничтоженію денежнаго кризиса было-бы открытіе размѣнныхъ кассъ, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, для размѣна, всѣмъ желающимъ, кредитныхъ билетовъ на золото. Для пріобрѣтенія же правительствомъ золота вѣрнѣйшими средствами были-бы:

1) продажа, милліоновъ за восемьдесять рублей серебромъ, Николаевской желѣзной дороги въ руки частной компаніи;

2) совершеніе, въ чужихъ краяхъ, займа милліоновъ въ полтораста рублей серебромъ, но займа не на рубли, по причинѣ упадка рубля, а на фунты стерлинги. Тогда, возвышеніе денежнаго курса вознаградило-бы за тѣ семь или восемь милліоновъ рублей, которые пришлось-бы платить ежегодно въ видѣ процентовъ займа.

Но русскому правительству вовсе не легко совершать заемъ въ чужихъ краяхъ! Самодержавныя правительства, въ наше время, вовсе не пользуются довѣріемъ общественнаго мнѣнія, и еще недавно, въ Іюлѣ нынѣшняго 1860 года, русское правительство получило жестокій, но заслуженный урокъ на биржахъ Лондонской и Амстердамской. Въ Ноябрѣ прошлаго 1859 года, Король Сардинскій, имѣвшій въ то время (до присоединенія Тосканы и Романьи), восемь милліоновъ

подданныхъ, объявилъ заемъ во сто милліоновъ франковъ; явилось охотниковъ на триста милліоновъ, тоесть на сумму, втрое превосходящую запросъ. Въ Іюлѣ 1860 года, Императоръ Всероссійскій, имѣющій шестдесять-девять милліоновъ подданныхъ, объявляетъ заемъ на восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, тоесть на двѣстѣ милліоновъ франковъ, и охотниковъ является лишь на пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, или на сто-двадцать-пять милліоновъ франковъ, тоесть три осьмыя части займа не находятъ охотниковъ. Мѣсяцъ спустя, въ Августѣ 1860 года, Король Сардинскій, имѣвшій тогда одиннадцать милліоновъ подданныхъ, тоесть въ шестеро менѣе Императора Всероссійскаго, объявляетъ новый заемъ въ полтораста милліоновъ франковъ, и охотниковъ является на пятьсотъ шестдесять милліоновъ франковъ, тоесть на сумму, болѣе чѣмъ въ три съ половиною раза превосходящую запросъ! Вотъ различіе степеней, на коихъ стоятъ, въ общественномъ мнѣніи образованнаго міра, съ одной стороны, правительство Сардинское, монархія конституціонная, а съ другой, правительство русское, самодержавная орда, въ коей власть самодержавная находится, именемъ, въ рукахъ Александра Николаевича, а въ сущности въ жадныхъ

и грязныхъ когтяхъ презрѣнной дворни Царской!

Чтоже касается до торговаго кризиса, то онъ, къ сожалѣнію, обусловливается причинами, кои не легко искоренить, потому что корень ихъ глубоко лежитъ въ самомъ характерѣ племенъ славянскихъ; въ нашей неоспоримой безпечности и въ лѣни, врожденной во всѣхъ насъ, славянахъ. Весьма немногіе изъ купцевъ русскихъ умѣютъ, даже внутри Россіи, вести торговлю оптомъ, съ тѣмъ искусствомъ и тѣмъ неуклоннымъ постоянствомъ, кои составляютъ отличительное свойство племени англо-саксонскаго, англичанъ и сѣверо-американцевъ, самаго практическаго изъ всѣхъ племенъ земнаго шара. Еще меньшее число купцевъ русскихъ умѣютъ вести торговлю заграничную. Доселѣ, заграничный вывозъ нашъ состоялъ, большею частію, въ обмѣнѣ нашихъ сырыхъ продуктовъ на иностранныя издѣлія и на продукты выдѣланные, но часто выдѣланные изъ сырыхъ продуктовъ, у насъ же купленныхъ и изъ Россіи же вывезенныхъ. Купцы наши не отличаются предпріимчивостію вообще и предпріимчивостію за границею въ особенности; они вовсе не слѣдуютъ примѣру купцевъ англійскихъ, голландскихъ, сѣверо-американскихъ; вовсе не стараются развѣды-

вать о нуждахъ и потребностяхъ различныхъ странъ; о цѣнахъ различныхъ продуктовъ на главнѣйшихъ рынкахъ міра, и всѣ эти свѣдѣнія получаются ими слишкомъ поздно. Обыкновенно они продаютъ свой товаръ коммиссіонерамъ иностранныхъ негоціантовъ; эти иностранные коммиссіонеры распоряжаются отправленіемъ товаровъ въ мѣста выгодной продажи, и негоціанты заграничные получаютъ барыши, которые несомнѣнно получили-бы русскіе купцы, если бы были образованы и умѣли-бы распоряжаться. Въ Россіи много торговцевъ, много торгашей, но весьма, весьма мало купцевъ, въ полномъ, высокомъ смыслѣ этаго слова (мы говоримъ „высокомъ смыслѣ“ потому-что купецъ умный, образованный и предпріимчивый — весьма полезный сынъ отечества).

Подобный порядокъ вещей долженъ былъ необходимо имѣть конечною развязкою кризисъ самый тяжелый. Еще до послѣдней войны стала появляться, между суммою вывоза и суммою ввоза, разница, весьма невыгодная для Россіи, и предвѣщавшая приближеніе этаго кризиса, появленіе коего было ускорено войною. Ввозъ не уменьшился, но по причинѣ закрытія для насъ морей Чернаго и Балтійскаго, занятыхъ враждебными намъ

флотами, торговля должна была итти сухопутнымъ путемъ; провозъ сухопутный, и безъ того дорогій, еще вздорожалъ сильно; вывозъ черезъ это значительно уменьшился; ввозъ не уменьшался, но разумѣется всѣ предметы его вздорожали, тѣмъ болѣе, что желѣзныхъ дорогъ отъ столицъ за границу не существовало. А почему не существовало желѣзныхъ дорогъ отъ столицъ за границу? Потому что управленіе путей сообщенія и подлый начальникъ онаго, графъ Клейнмихель, недопускали ни подъ какимъ-видомъ устройства желѣзныхъ дорогъ частными обществами, изъ боязни, чтобы Николай Павловичь, сколь онъ ни былъ ограниченнымъ и слѣпымъ въ наукѣ государственнаго правленія, не увидалъ однако огромной разницы въ цѣнѣ постройки дороги, и въ суммѣ получаемаго съ нея дохода, между дѣйствіями обществъ частныхъ и казнокрадствомъ чиновной орды.*) Разработка продуктовъ въ Россіи,

*) При устройствѣ желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ, нѣсколько компаній предлагали принять на себя уходъ за ваггонами и смазку ихъ колесъ. Клейнмихелю хотѣлось удержать эту вѣтвь дохода въ своихъ рукахъ. Онъ пригласилъ своего роднаго племянника, генералъ-адъютанта Огарева, устроить, для этого предмета, компанію въ которой самъ при-

слѣдственно и вывозъ ихъ уменьшились, во время войны, какъ мы сказали выше, по той причинѣ что отъ дороговизны сухопутнаго провоза вздорожали всѣ предметы. Иностранные покупщики, вывозившіе изъ Россіи сало, ленъ, пеньку, хлѣбъ, и проч., стали искать выгоднѣйшихъ рынковъ для покупки, и нашли ихъ въ Америкѣ, въ Австраліи, и въ другихъ мѣстахъ, и разъ уже войдя въ сношенія съ этими новыми рынками, перестали обращаться съ запросами въ Россію. Такимъ образомъ, увеличеніе ввоза и уменьшеніе вывоза, требуя наличной монеты для уплаты, еще болѣе уронили рубль, курсъ коего безъ того уже сильно страдалъ отъ необузданнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, и

нималъ скрытное участіе. Всѣ прочія компаніи были недопущены Клейнмихелемъ до соперничества, кромѣ одной, устроенной американцемъ Г. Вейнсъ (Winens), и запросившей баснословную цѣну. Клейнмихель надѣялся, что огромность цѣны, запрошенной Г. Вейнсъ, разгнѣваетъ Николая Павловича, и что онъ утвердитъ условія, предлагаемыя компаніею генерала Огарева. Но Государь нашелъ, что генералъ-адъютанту его неприлично заниматься мазкою колесъ, и предпочелъ, къ неописанному удивленію и величайшей досадѣ Клейнмихеля, принять условія, предлагаемыя Г. Вейнсъ, который, въ нѣсколько лѣтъ, нажилъ милліоны отъ мазки колесъ ваггоновъ на Николаевской дорогѣ.

Россія идетъ къ банкрутству. Упадокъ цѣнности кредитныхъ билетовъ неминуемо влечетъ за собою дороговизну всѣхъ продуктовъ и всѣхъ потребностей жизненныхъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбѣжнымъ обратнымъ дѣйствіемъ, уменьшаетъ, въ сущности, доходъ государственный, потому-что всѣ государственные сборы, подати, пошлины таможенныя, и проч., выплачиваются кредитными билетами. Кризисъ торговый, въ соединеніи съ денежнымъ кризисомъ, производитъ это страшное колебаніе въ достояніи всѣхъ частныхъ лицъ, какое мы видимъ въ настоящее время, а въ будущемъ, еще разъ повторяемъ, грозитъ банкрутствомъ. Для Правительства одно спасеніе — реформы сѣрьезныя, коренныя, и неотлагательно учиненныя: о нихъ мы будемъ говорить въ послѣдней главѣ нашей книги. Если русское правительство будетъ продолжать управлять Россіею по образу и подобію управленія турецкаго, то весьма естественно, что Россія придетъ къ томуже положенію, въ коемъ находится Турція; если же русскому правительству угодно считать себя правительствомъ европейскимъ, угодно пожинать плоды европейскаго просвѣщенія, пусть оно управляетъ Россіею по-европейски, просвѣщеннымъ образомъ.

Хотя въ Турціи правленіе самое дикое, но все таки въ Царьградѣ нашелся министръ, имѣвшій отвагу, какую никогда не осмѣлился имѣть ни одинъ изъ русскихъ министровъ: предложить Султану опредѣлить сумму придворныхъ расходовъ! Въ Россіи, тотъ, кто осмѣлился-бы предложить Государю опредѣлить напередъ сумму придворныхъ расходовъ, не расходовать выше чѣмъ опредѣлено будетъ, и не швырять деньги государственныя, трудовыя деньги народа русскаго, любимцамъ недостойнымъ, придворнымъ холопамъ въ звѣздахъ и лентахъ, тотъ былъ-бы принятъ чиновною ордою и царскою дворнею за мятежника, достойнаго ссылки въ отдаленнѣйшіе рудники Сибири. А между тѣмъ, гласность бюджета обѣщана была Россіи въ указѣ Александра I о увеличеніи податей, 2 февраля 1810 года. Вотъ уже ровно полъвѣка, что царское слово, Царемъ данное, безстыдно нарушается!

Причина, служащая главнѣйшею помѣхою къ гласности бюджета, это желаніе правительства скрыть отъ русскихъ и отъ Европы: огромные, нелѣпые расходы министерства Двора, и преступную (иначе выражаться невозможно) раздачу денегъ любимцамъ Царскимъ. Напримѣръ графъ Александръ Адлербергъ и

графъ Эдуардъ Барановъ получали неоднократно по стотысячь рублей серебромъ и по пятидесяти тысячь рублей серебромъ; старикъ Адлербергъ, министръ двора и удѣловъ, канцлеръ орденовъ, истинное олицетвореніе неспособности, пустѣйшій и безполезнѣйшій изъ людей, получаетъ жалованья за восемдесять тысячь рублей серебромъ, и сверхъ того живетъ въ казенномъ домѣ, казною отопляемомъ и освѣщаемомъ, имѣетъ придворный экипажъ, и, еще сверхъ того, вовсе время пребыванія Двора внѣ Петербурга, съ Апрѣля по Ноябрь мѣсяцъ, то есть семь мѣсяцевъ въ году, пользуется придворнымъ столомъ. Такимъ образомъ, не говоря уже о другихъ, *одинъ этотъ старый болбесъ обходится Россіи около статысячь рублей серебромъ!*

Есть двѣ книжки секретныя, ежегодно-печатаемыя; въ одной имена генераловъ, въ другой гражданскихъ чиновниковъ, съ означеніемъ всѣхъ денежныхъ суммъ, имъ пожалованныхъ.

Изъ бюджета 1852 года видно, что на расходы Двора отпускалось изъ государственнаго казначейства 10,750,000 рублей серебромъ. Если къ этому присоединить доходъ министерства удѣловъ, 3,645,000 рублей, то нарасходы Двора (не считая еще тутъ дохода съ заводовъ и фабрикъ,

подвѣдомственныхъ кабинету) выходило 14,395,000 рублей серебромъ, то есть болѣе, чѣмъ выходитъ на расходы обоихъ Дворовъ Французскаго и Англійскаго, прекрасно-содержимыхъ, а между тѣмъ во Франціи и въ Англіи мелкіе чиновники не поставлены, какъ въ Россіи, въ необходимость выбора между голодною смертію и взяточничествомъ. Съ 1852 года, то есть со времени поступленія министерства Двора подъ начальство Адлерберга, расходы еще значительно увеличились, и нынѣ превышаютъ двадцать-три милліона рублей серебромъ, не считая еще тутъ безумныхъ издержекъ, дѣлаемыхъ во время путешествій членовъ императорской фамиліи за границу. Безпрестанныя постройки вовсе излишнія, богатыя покупки вещей совершенно-ненужныхъ, поглощаютъ множество денегъ. Зимою 1858 года Государю представленъ былъ проэктъ заказа новыхъ люстръ для Зимняго Дворца, на сумму 260,000 рублей серебромъ, съ предписаніемъ взять эти деньги изъ государственнаго казначейства. Александръ Николаевичь утвердилъ этотъ проэктъ, но министръ финансовъ Г. Княжевичь поступилъ благородно, отказавшись выдать эти деньги, и отозвался, что государственное казначейство нуждается въ суммахъ на необходимѣйшіе расходы.

По вступленіи графа Адлерберга въ управленіе министерствомъ Двора перестали дѣлать, какъ дѣлали дотолѣ, ежегодныя описи мебели, вещамъ, посудѣ и серебру Двора; лишь по прошествіи шести лѣтъ, въ 1858 году, вспомнили, что безъ описей нельзя, и начали дѣлать описи. Послѣ этаго мудрено-ли, что часть великолѣпнаго сервиза изъ Севрскаго фарфора, подареннаго Французскимъ Королемъ Лудовикомъ XVI Императрицѣ Екатеринѣ II, оказалась въ Лондонѣ! Мудрено-ли, что вино, въ огромномъ количествѣ выписываемое изъ за-границы будто-бы для потребленія Двора, и потому ввозимое безъ пошлины, заплаченное за границею изъ придворныхъ суммъ, продается по всей Россіи и распивается въ отдаленныхъ отъ Петербурга губерніяхъ?

Что за нелѣпость, на примѣръ, что лишь только одинъ изъ Великихъ Князей женится, для него строятъ особенный дворецъ? Гдѣ, въ какой странѣ міра, видно подобное дурство? Да еще какъ строятъ дворцы? Недавно, во дворцѣ нынѣ возводимомъ для Великаго Князя Михаила Николаевича, еще не успѣли достроить зданія, какъ своды обрушились! Что же тутъ удивительнаго, когда всей Россіи, кромѣ Александра Николаевича, весьма хорошо извѣстно, что по министерству

двора и по министерству удѣловъ, ни одинъ подрядчикъ не получитъ подряда или поставки, не давъ взятки любовницѣ старика Адлерберга, Минѣ Ивановнѣ Бурковой, и кто болѣе дастъ Минѣ Ивановнѣ, тотъ и получаетъ подрядъ или поставку!

Сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ, въ Россіи было трое Великихъ Князей, братьевъ Александра I; изъ нихъ трехъ одинъ только Николай Павловичъ имѣлъ мужское потомство. Нынѣ у Александра II шесть сыновей, трое братьевъ и пять племянниковъ, всего четырнадцатъ Великихъ Князей. Слѣдуя этой прогрессивной пропорціи, небудетъ ничего удивительнаго если, въ послѣднихъ годахъ нынѣшняго девятнадцатаго вѣка, въ Россіи окажется полъ-сотни Великихъ Князей! Не должно забывать, что при Петрѣ I было девятнадцать князей Голицыныхъ, изъ коихъ только отъ семи нынѣ существуетъ мужское потомство, а между тѣмъ нынѣ имѣется слишкомъ сто-двадцать князей Голицыныхъ. Петръ I, въ 1724 году, пожаловалъ графское достоинство Петру Андреевичу Толстому, съ его двумя сыновьями и семью внуками; нынѣ имѣется слишкомъ полъ-сотни графовъ Толстыхъ.

Что можетъ быть неприличнѣе огром-

ныхъ расходовъ, дѣлаемыхъ во время путешествій за границу членовъ императорской фамиліи? Они разъѣзжаютъ по Европѣ не со свитою, а съ цѣлымъ племенемъ служителей разнаго чина и званія. Европейскіе Государи, въ настоящее время, во время своихъ поѣздокъ за границу своихъ владѣній, отличаются благородною простотою; останавливаются въ гостинницахъ, гдѣ занимаютъ нѣсколько комнатъ для себя и для своей свиты, и предоставляютъ смѣшный блескъ роскоши посламъ азіатскихъ дворовъ, въ Европу пріѣзжающимъ. Совсѣмъ не такъ поступаютъ наши принцы Голштейнъ-Готторпскіе, исправляющіе должность Романовыхъ!

Если петербургскій, монголо-голштинскій Дворъ воображаетъ, что онъ, этою нелѣпою роскошію, заставляетъ себя уважать въ Европѣ, токрайне ошибается: онъ производитъ дѣйствіе совершенно-противное. Вся Европа хохочетъ надъ этою роскошію, порожденною истинно-азіатскою мыслію ослѣплять своимъ великолѣпіемъ!

Еще сто лѣтъ тому назадъ, можно было считать государственную казну частною собственностію Государя; можно было Царямъ швырять деньги за окно. Но въ наше время, народъ, платящій подати; сословія, на коихъ лежитъ тяжесть го-

сударственныхъ повинностей, имѣютъ полное право желать знать, куда расходуются собираемыя съ нихъ деньги, и наблюдать за расходомъ этихъ денегъ. Право это становится священнымъ въ такомъ государствѣ, какъ Россія, которая еще тридцать лѣтъ тому назадъ стояла наряду великихъ державъ, державъ первостепенныхъ, а нынѣ, не взирая на свое обширное пространство и на богатое обиліе почти непочатыхъ еще средствъ, терзаема опаснымъ финансовымъ кризисомъ, и, за неимѣніемъ денегъ и хорошей администраціи, не можетъ вести войны за границею, однимъ словомъ, упала на чреду державъ второстепенныхъ. Россія, увы! останется неисходно въ этомъ горестномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не произведена будетъ коренная реформа во всемъ образѣ правленія; доколѣ мракъ, безпорядки, казнокрадство, взяточничество, своеволіе тлетворнаго самодержавія не будутъ замѣнены правленіемъ конституціоннымъ, соединеннымъ правленіемъ Государя и выборныхъ людей всей земли русской, выборныхъ отъ всѣхъ сословій. Россія достигла такой эпохи и находится въ такомъ положеніи, что полумѣры уже не поведутъ ни къ чему, развѣ лишь увеличатъ общественный недугъ, ее гнетущій. Въ минуту столь важную, столь

торжественную, мы-бы нарушили самый священный долгъ гражданина, если-бы утаили истину, если-бы неговорили правды, когда Провидѣніе, поставивъ насъ въ независимое положеніе, дало намъ возможность говорить правду.

Глава XI.

О винномъ откупѣ и объ обществахъ трезвости.

Винный откупъ, одно изъ самыхъ безнравственныхъ учрежденій, какія только существуютъ на земномъ шарѣ, давно уже есть одною изъ главныхъ вѣтвей дохода русскаго правительства. Онъ приноситъ нынѣ, съ 1859 года, 120,000,000 рублей серебромъ, и составляетъ слишкомъ двѣ пятыхъ бюджета. Всѣмъ русскимъ извѣстно; что такое откупъ и какимъ образомъ онъ распоряжается. Откупщики продаютъ водку разбавленную, испорченную, продаютъ ее непомѣрною цѣною, и для устройства подобнаго, систематическаго воровства, платятъ губернскимъ властямъ

и чиновникамъ; платятъ губернатору, предсѣдателю казенной палаты, совѣтнику этой палаты, завѣдывающему питейнымъ отдѣленіемъ; полиціймейстеру и частнымъ приставамъ губернскаго города; городничимъ и частнымъ приставамъ городовъ уѣздныхъ; исправникамъ, становымъ приставамъ, непремѣннымъ членамъ земскихъ судовъ, секретарямъ, и проч. Откупщикъ, который держитъ одинъ уѣздъ, расходуетъ на взятки болѣе пяти тысячь рублей серебромъ ежегодно, а откупщикъ, который держитъ цѣлую губернію, расходуетъ на взятки болѣе пятидесяти тысячь рублей серебромъ ежегодно. За то всѣ власти, губернскія и уѣздныя — въ рукахъ откупщиковъ, для коихъ не существуетъ ни законовъ, ни указовъ, ни высочайшихъ повелѣній, ни малѣйшихъ понятій справедливости, ни чувства чести. Въ кабакахъ и питейныхъ домахъ употребляютъ всевозможныя уловки и плутни для распространенія пьянства. Если человѣкъ не имѣетъ привычку напиваться пьянымъ, и пьетъ умѣренно, то ему предлагаютъ водку въ долгъ, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи нѣкотораго времени, представить ему счетъ поддѣланный, съ приписками. Крестьянамъ, въ особенности небогатымъ, стараются отпускатъ водку въ долгъ, съ

тѣмъ, чтобы представить имъ счетъ при уборкѣ хлѣба, и тогда бѣдный крестьянинъ, неимѣя наличныхъ денегъ, принужденъ отдавать часть своего урожая. Напьется-ли кто, въ кабакѣ, пьянымъ до упаду, то проспясь, онъ увидитъ иногда, что лошадь, на коей онъ пріѣхалъ, исчезла, а если онъ пришелъ пѣшимъ, то исчезла часть его одежды; между тѣмъ съ него цѣловальникъ требуетъ уплаты за бо̀льшее количество вина, чѣмъ онъ выпилъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ съ-пьяна самъ не помнитъ, сколько пилъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ, нѣсколько разъ обманутый и обкраденный, самъ наконецъ начинаетъ обманывать и обкрадывать, и содѣлывается плутомъ. Кабаки — средоточіе всѣхъ мошенниковъ и источникъ большей части преступленій. Вся власть правительства замираетъ на порогѣ кабака; въ этихъ гнѣздахъ разврата всевластно царствуетъ мошенничество откупщиковъ, покровительствуемыхъ и охраняемыхъ чиновною ордою, которая смѣется и надъ законами, и надъ Царскими указами, и надъ самимъ Царемъ, и грабитъ безъ зазору.

Этотъ гнусный порядокъ вещей породилъ, въ 1858 году, явленіе, поразившее, изумившее даже тѣхъ людей, коимъ хорошо было извѣстно что народъ рус-

скій, среди многовѣковаго рабства, сохранилъ въ полной чистотѣ свои природныя качества и свой благородный характеръ, и не заразился пороками и подлостію, составляющими отличительные признаки русской чиновной орды и дворни царской. Крестьяне, видя, что откупщики рѣшительно грабятъ ихъ съ содѣйствіемъ чиновниковъ, во многихъ мѣстахъ рѣшились выйти изъ подъ-зависимости этихъ разбойниковъ, переставъ пить, доколѣ водка не упадетъ до цѣны невысокой, разумной, и доколѣ ее неперестанутъ поддѣлывать и продавать съ вредными примѣсями. Цѣлыя селенія собирались, добровольно, на мірскую сходку; составляли общества трезвости; опредѣляли, съ общаго согласія, пеню тому изъ членовъ общества, который нарушитъ обѣтъ, связывались взаимною присягою; потомъ отправлялись въ церковь, просили іерея отслужить молебенъ, молили Бога благословить ихъ предпріятіе и снабдить ихъ достаточною силою рѣшимости и твердостію воли для полнаго исполненія ихъ обѣта. Въ довершеніе всего, во многихъ мѣстахъ постановлено было, что пени, денежные штрафы, взыскиваемые съ нарушившихъ обѣтъ, поступаютъ въ пользу церкви. Въ этомъ случаѣ, народъ русскій явилъ великолѣпное доказательство всей лжи-

вости клеветы, взводимой на него стародурами, будто онъ не созрѣлъ для свободы. Всякому извѣстно, сколь необходимо умѣренное употребленіе вина въ нашемъ холодномъ и тяжеломъ климатѣ, и нельзя воздать достаточно похвалъ рѣшимости русскихъ крестьянъ отказаться отъ вина, и наложить на себя это тяжкое лишеніе для спасенія себя отъ грабежа откупщиковъ и чиновной орды: нельзя не воздать также полной дани уваженія высокому религіозному чувству, побудившему русскихъ крестьянъ испрашивать благословеніе Божіе на данный имъ обѣтъ. Народъ, дѣйствующій такимъ образомъ, вполнѣ достоинъ свободы, и вполнѣ способенъ, получивъ свободу, пользоваться ею мирно и разумно.

Откупщики, эти патентованные разбойники, вострепетали, увидя грозящее имъ разореніе. Земскія власти, полиція мѣстная, полиція тайная, однимъ словомъ, вся орда чиновная пришла въ неописанное бѣшенство. Доселѣ она, вмѣстѣ съ откупщиками, безбоязненно и безотвѣтно грабила и разворяла этотъ народъ, здравый смыслъ и энергія коего вдругъ нашли средство разворить откупщиковъ, и лишить чиновную орду одной изъ самыхъ прибыльныхъ вѣтвей ея грабежа. Откупщики прибѣгли къ сильнымъ средствамъ;

сыпали золото царской дворнѣ и лицамъ, имѣющимъ вліяніе на министровъ; однимъ словомъ, не забыли никого, кто только могъ содѣйствовать успѣху этаго союза мрака и разврата.

Правительство, главный доходъ коего получается отъ откуповъ, нашлось поставленнымъ въ затруднительное положеніе: столь справедливо Провидѣніе, никогда, даже на политическомъ поприщѣ, не оставляющее преступленія безъ наказанія, хотя-бы поздняго. Если Правительство стало-бы допускать свободное развитіе обществъ трезвости, то подверглось-бы опасности лишиться значительной части своего дохода; съ другой стороны, воспрещая общества трезвости, правительство подвергалось единственному наказанію, коего оно боится — негодованію общественнаго мнѣнія въ Европѣ; подверглось-бы и вѣчному упреку исторіи, которая заклеймитъ позоромъ правительство, имѣвшее бездушіе систематически развращать самыя многочисленныя сословія своихъ подданныхъ, съ цѣлію вытягивать отъ нихъ сколь можно болѣе денегъ. На скрижаляхъ исторіи встрѣчались личности, подобныя Чингисъ-Хану, Тамерлану, которыя основали свое благосостояніе на пролитіи рѣками человѣческой крови, но правительство русское

являетъ, едва-ли не единственный въ лѣтописяхъ міра, примѣръ правительства, полагавшаго основать свое благосостояніе на систематическомъ раззореніи и систематическомъ развращеніи народа, Провидѣніемъ ввѣреннаго его попеченію!

Три министра рѣшились принять на себя постыдную и гнусную роль застрѣльщиковъ противъ обществъ трезвости. То были: министръ внутреннихъ дѣлъ, слабоумный и безхарактерный Ланской необъяснимый для многихъ министръ финансовъ Княжевичь, и министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, снѣдаемый властолюбіемъ и жаждою придворной угодливости до того, что, смотря по надобностямъ своихъ личныхъ разсчетовъ, является то европейскимъ либераломъ, то свирѣпымъ азіатскимъ деспотомъ, оказывая неизмѣнное постоянство лишь по двумъ предметамъ: соблюденіе личныхъ выгодъ своихъ, и заботливость о выдвиганіи впередъ, награжденіи мѣстами и чинами членовъ семейства своего.

Ланской, Муравьевъ и Княжевичь разослали, по всей Россіи, подвѣдомственнымъ имъ чиновникамъ предписанія не допускать учрежденія обществъ трезвости. Похваливъ трезвость (трудно былобы и порочить ее!), они объявили, что въ нашемъ климатѣ полезно умѣренное упо-

требленіе напитковъ, и что никакія общества не могутъ учреждаться въ Россіи безъ предварительнаго соизволенія правительства.

Часто видимъ людей, готовыхъ дѣлать зло и вредъ, но рѣдко встрѣчаемъ такихъ, которые рѣшались-бы вредъ и зло совершать открыто: на это еще необходима нѣкоторая степень мужества, которой не-хватило у трехъ вышеозначенныхъ министровъ. Находясь между напоромъ откупщиковъ, краснорѣчивыми *доводами* этихъ общественныхъ грабителей, и между боязнію европейской гласности, они прибѣгли къ покрову тайны, и совершили великолѣпную нелѣпость; а именно: разослали къ своимъ подчиненнымъ, по всей Имперіи, *тайныя предписанія противъ откуповъ*. Невозможно былобы удержаться отъ смѣха, если-бы дѣло шло не о такой гнусности, какъ война противъ обществъ трезвости. Жалкое и презрѣнное правительство!

Откупщики и чиновная орда пришли въ восторгъ отъ одержанной ими побѣды, и стали свирѣпо преслѣдовать общества трезвости. Въ 1859 году, вомногихъ мѣстахъ земская полиція производила наѣзды на села и на деревни, палками и розгами принуждая крестьянъ пить водку. Были случаи, что крестьяне, раздраженные, избитые, выведенные изъ терпѣнія, ломали

кабаки. Чиновная орда, подкупленная откупщиками, двинула войска противъ несчастныхъ крестьянъ, и благородные русскіе солдаты были употребляемы для гнусной цѣли поддержки откуповъ, поддержки учрежденія, которое раззоряетъ и развращаетъ народъ для обогащенія чиновной орды и для наполненія государственной казны, этаго колодезя, изъ коего царская дворня черпаетъ золото въ ущербъ государству! Для довершенія отвратительнаго зрѣлища войны противъ обществъ трезвости, чиновная орда заставила Государя запретить цензурѣ пропускать чтобы то ни было непріятное для откупщиковъ.

Министръ финансовъ вошелъ въ такій азартъ, что обратился въ Іюнѣ 1859 года къ Синоду, съ просьбою запретить священникамъ проповѣдывать трезвость, и запретить имъ убѣждать прихожанъ уклоняться отъ пьянства. Предложеніе Г. Княжевича, по безумству своему достойное самаго графа Панина, было отвергнуто Синодомъ съ твердостію и благородствомъ, вполнѣ достойными уваженія.

„Святѣйшій Синодъ, по обсужденіи доведенныхъ до его свѣдѣнія случаевъ торжественнаго освященія, городскими и сельскими обществами, обѣта трезвости, находитъ, что содѣйствіе православнаго

духовенства къ поддержанію въ городахъ и селеніяхъ рѣшимости прихожанъ воздерживаться отъ употребленія вина, вполнѣ приличествуетъ долгу пастырскаго служенія, и что въ слѣдствіе этой обязанности, пастыри церкви должны имѣть неослабное и дѣятельное попеченіе о возбужденіи въ своихъ прихожанахъ любви къ воздержанію, и объ искорененіи въ нихъ пристрастія къ хмѣльнымъ напиткомъ, которое, будучи само по себѣ порочно и недостойно Христіанина, порождаетъ кромѣ того множество другихъ важныхъ пороковъ. По симъ уваженіямъ, св. Синодъ благословляетъ священно-служителей, живымъ примѣромъ собственной жизни и частымъ проповѣдываніемъ въ церкви Божіей о пользѣ воздержанія, ревностно содѣйствовать возникшей въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ, благой рѣшимости воздерживаться отъ употребленія вина, но при семъ признаетъ нужнымъ внушить духовенству черезъ эпархіальное начальство, чтобы дѣйствія свои въ семъ случаѣ оно ограничивало одними только духовными пастырскими средствами, отнюдь не прибѣгая къ такимъ мѣрамъ, которыя не истекаютъ прямо изъ пастырскихъ обязанностей, и не основаны на положительныхъ узаконеніяхъ.“

Этотъ умный и благородный отвѣтъ посланъ былъ къ министру финансовъ 19 Августа 1859 года, и за отсутствіемъ находящагося въ отпуску оберъ-прокурора синода, добраго и честнаго графа Александра Петровича Толстаго, подписанъ былъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора, княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Урусовымъ, человѣкомъ умнымъ, твердымъ, прямодушія рѣдкаго и благороднѣйшаго, высокаго характера. Министръ финансовъ, подстрекаемый откупщиками и чиновною ордою, снова обратился къ Синоду 29 Января, и видно неимѣлъ успѣха въ своихъ постыдныхъ домогательствахъ, потому-что не устыдился въ третій разъ обратиться къ Синоду, 10 Февраля 1860 года. Намъ неизвѣстно, какій былъ отвѣтъ Синода на этотъ третій вопль духа корысти и безстыдства, но мы убѣждены, что никогда не увидимъ имени князя Сергія Урусова подъ такою бумагою, отъ коей честный человѣкъ могъ-бы покраснѣть (а это рѣдкость въ Россіи между лицами, на службѣ состоящими). Говорятъ, будто во время послѣднихъ торговъ на откупа, въ 1858 году, Александръ Николаевичъ, при извѣстіи о сильной наддачѣ цѣны откупщиками, изъявилъ свое сожалѣніе о извлеченіи государственныхъ доходовъ изъ

такого постыднаго источника. Слова эти — новое доказательство добраго сердца Государя, но шестилѣтній опытъ уже доказываетъ Россіи и всему міру, что посредствомъ однаго добраго сердца управлять нельзя: необходимо еще быть окружену людьми умными и благонамѣренными, и опираться на общественное мнѣніе. Александръ Николаевичь окруженъ глупцами и мошенниками; Александромъ Николаевичемъ управляетъ его жадная и жалкая дворня, а Россіею эта дворня управляетъ посредствомъ чиновной орды, корыстолюбивой и безсовѣстной. Въ Россіи, какъ мы видимъ, реформы, улучшенія производятся на словахъ, на бумагѣ, но почти никогда въ сущности, на-дѣлѣ. Можно посудить о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при замѣненіи откупной системы другою, когда вспомнимъ, какими огромными средствами располагаютъ откупщики, для привлеченія и удержанія въ своемъ подручничествѣ чиновной орды и царской дворни; когда вспомнимъ о несмѣтныхъ богатствахъ, нажитыхъ откупщиками, чаще всего постыдными средствами, какъ напримѣръ Г. Кокоревъ (біографія коего будетъ нами помѣщена въ книгѣ: *Россія съ 1847 по 1859 годъ*). И кому же поручено разсмотрѣніе, какою системою замѣнить откупъ? Государственному со-

вѣту, этой государственной богадѣльнѣ, составленной, большею частію, изъ стариковъ бездарныхъ и неспособныхъ, взросшихъ въ средѣ стараго порядка вещей, вскормленныхъ злоупотребленіями, враговъ всякаго нововведенія, всякаго улучшенія?

Что скажетъ исторія о русскомъ правительствѣ, принявшемъ на себя гнусную роль объявлять трезвость преступленіемъ, и съ оружіемъ въ рукахъ распространять пьянство и развратъ между своими собственными подданными, между людьми, ему ввѣренными Правидѣніемъ?....

Прилагаемъ здѣсь, только-что присланный къ намъ изъ Россіи, отъ лица, коему откупная часть хорошо извѣстна, списокъ суммъ, обыкновенно раздаваемыхъ откупщиками, взявшими на откупъ цѣлую губернію (исключая губерній Петербургской и Московской, гдѣ расходъ еще гораздо-значительнѣе). Просимъ спеціалистовъ по этому дѣлу доставить намъ свои замѣчанія, если списокъ этотъ невѣренъ.

	Рубл. Сер.
Губернатору (честные губернаторы употребляютъ эту сумму на дѣтскіе пріюты или на улучшеніе города; губернаторы-бюрократы берутъ ее себѣ)	6,000

	Рубл. Сер.
Транспортъ:	6,000
На канцелярію губернаторскую .	1,200
Полиціймейстеру губернскаго города	1,200
Городничимъ городовъ уѣздныхъ, *полагая, кромѣ губернскаго города, среднимъ числомъ, по десяти городовъ уѣздныхъ въ губерніи*, по 600 рублей каждому	6,000
Секретарю полиціи губернскаго города	300
Секретарямъ полиціи уѣздныхъ городовъ, по 200 рублей каждому	2,000
Тремъ частнымъ приставамъ губернскаго города, и частному приставу каждаго изъ уѣздныхъ городовъ, по 240 рублей каждому	3,120
Шести квартальнымъ надзирателямъ губернскаго города, и двумъ квартальнымъ надзирателямъ каждаго изъ уѣздныхъ городовъ, по 100 рублей каждому	2,600
Одиннадцати исправникамъ, по 600 рублей каждому	6,600
Одиннадцати непремѣннымъ засѣдателямъ уѣздныхъ судовъ, по 300 рублей каждому	3,300
Итого:	32,320

	Рубл.	Сер.
Транспортъ:	32,320	
Одиннадцати секретарямъ земскихъ судовъ, по 300 рублей каждому	3,300	
Одиннадцати виннымъ приставамъ, по 600 рублей каждому . . .	6,600	
Становымъ приставамъ, считая ихъ среднимъ числомъ по три на уѣздъ, 250 рублей каждому . .	8,250	
Предсѣдателю казенной палаты .	6,000	
Совѣтнику питейнаго отдѣленія .	2,000	
Секретарю казенной палаты . .	1,000	
Столоначальнику и канцеляріи казенной Палаты	1,000	
Итого:	60,470	

рублей серебромъ взятокъ губернскимъ и уѣзднымъ начальствамъ.

Глава XII.

О тайной полиціи и о государственной помойной ямѣ, именуемой III Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи.

Одно изъ самыхъ забавныхъ заблужденій русскаго правительства заключается въ томъ, что оно воображаетъ себѣ узнать что нибудь дѣльное черезъ тайную полицію! Страшная ошибка! Шпіоны получаютъ деньги, кладутъ ихъ къ себѣ въ карманъ, правительству же разсказываютъ что имъ вздумается, и чаще всего клевещутъ на своихъ личныхъ враговъ! Однимъ словомъ, Правительство расходуетъ огромныя деньги для того лишь, чтобы ничего не узнать, очищать свободный путь всевозможнымъ злоупотребленіямъ, и служить слѣпымъ орудіемъ личной мести своихъ агентовъ. Иначе

и быть не можетъ. Подлецъ, соглашающійся быть шпіономъ и доносителемъ, способенъ и лгать. Можно-ли полагаться на его слова? Можно-ли вѣритъ его разсказамъ?

Тайная канцелярія, эта страшная политическая инквизиція о коей мы говорили въ седьмой главѣ этой книги, была упразднена Петромъ III. Екатерина ее возстановила втайнѣ, но повелѣла ей дѣйствовать тихомолкомъ, осторожно и умѣренно. При Павлѣ, она снова получила страшное развитіе*) но при вступленіи Александра I на престолъ была окончательно уничтожена. Въ 1809 году, Александръ учредилъ министерство полиціи, ввѣривъ оное Александру Дмитріевичу Балашову, человѣку чрезвычайно-лука-

---

*) Павелъ, вступивъ на престолъ, приказалъ окончить кирпичною постройкою тогдашній Исаакіевскій соборъ, при Екатеринѣ складываемый изъ мрамора. Въ одно утро, на Соборѣ нашли надпись:

Двухъ царствъ вотъ памятникъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный!

Сочинителя этихъ стиховъ отыскали, и *сослали въ Сибирь, предварительно отрѣзавъ ему уши и языкъ*, такъ что несчастный страдалецъ лишился на всегда возможности и самъ говорить и другихъ слышать! Для сообщенія съ людьми онъ долженъ былъ постоянно носить на шеѣ, на веревкѣ привязанную аспидную доску, на коей ему писали и онъ писалъ свои отвѣты!

вому и въ высшей степени корыстолюбивому, но характера умѣреннаго и не любившаго жестокостей. По назначеніи Балашова, въ 1816 году, генералъ-губернаторомъ рязанскимъ, тульскимъ, орловскимъ, воронежскимъ и тамбовскимъ, министерство полиціи ввѣрено было петербургскому генералъ-губернатору графу Вязмитинову, человѣку доброму и благородному, и уничтожено по смерти Вязмитинова, въ 1819 году. Николай Павловичъ, вступивъ на престолъ, возстановилъ тайную полицію подъ именемъ III Отдѣленія Собственной Канцеляріи, подчинилъ ей корпусъ жандармовъ, и ввѣрилъ это гнусное управленіе графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, человѣку способностей самыхъ ограниченныхъ, вѣтреному, легкомысленному, пустому, но вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятному и мстительному. Бенкендорфъ, мотъ и весьма неразборчивый на средства наживать деньги, былъ всѣми презираемъ, и на старости лѣтъ являлъ смѣшное зрѣлище сѣдовласаго Сердечкина *). Въ первые годы

*) Въ юности своей, Бенкендорфъ, будучи флигель-адъютантомъ и состоя при русскомъ посольствѣ во Франціи, бѣжалъ изъ Парижа тайно, чтобы не платить своихъ долговъ. Императрица Марія Ѳедоровна, чрезвычайно любившая мать его, старую генеральшу Бенкен-

существованія III Отдѣленія, всѣми его дѣлами управлялъ бывшій тогда статсъ-секретаремъ Александръ Николаевичъ Мордвиновъ, человѣкъ крутый и суровый, но умный и безкорыстный. Честность Мордвинова нажила ему (какъ всегда бываетъ въ Петербургѣ), кучу враговъ, и они стали подъ него подкапываться, искали всѣхъ средствъ чтобы ему повредить. Въ 1839 году, при выходѣ извѣстнаго изданія Ста Литераторовъ, гдѣ помѣщены были портреты писателей, помѣщенъ былъ и портретъ декабриста Александра Александровича Бестужева, подъ псевдонимомъ Марлинскаго, подъ коимъ онъ былъ столь извѣстенъ въ литературѣ. Хотя Бестужевъ за полтора года передъ тѣмъ былъ убитъ на Кавказѣ, но холопы Зимняго Дворца, царская дворня возопили, какъ могло III отдѣленіе допустить напечатаніе портрета Бестужева, и Мордвиновъ былъ удаленъ отъ службы *). На мѣсто его назначенъ

дорфъ, заплатила долги бѣжавшаго плута и замяла это дѣло. Мы имѣли случай читать бумаги князя Александра Борисовича Куракина, въ то время бывшаго русскимъ посломъ въ Парижѣ, и тамъ видѣли его переписку съ Маріею Ѳеодоровною по этому предмету.

*) Въ слѣдующемъ 1840 году этотъ умный и честный человѣкъ снова принятъ былъ на

былъ Леонтій Васильевичь Дубельтъ, столь гнусно-памятный въ лѣтописяхъ николаевскаго царствованія, сынъ лифляндскаго крестьянина-латыша, поступившаго въ военную службу, и съ офицерскимъ чиномъ пріобрѣвшаго дворянское достоинство. Дубельтъ человѣкъ ума необыкновеннаго, но въ высшей степени жадный, корыстный и безразборчивый. Честь, совѣсть, душа, все это для него одни слова, пустые звуки. Лучшимъ средствомъ къ обогащенію, въ Россіи, служатъ административныя злоупотребленія и отсутствіе гласности, и потому Дубельтъ, въ семнадцатилѣтнее свое пребываніе на пашалыкѣ III Отдѣленія, всегда являлся яростнымъ защитникомъ всѣхъ злоупотребленій и всѣхъ мерзостей орды чиновной. Заклятый врагъ всѣхъ улучшеній, всякой благородной мысли, заклятый врагъ гласности и книгопечатанія, онъ, въ полномъ засѣданіи главнаго правленія цензуры, говорилъ: *всякій писатель — медвѣдь, котораго слѣдуетъ держать на цѣпи!* Слѣдуя этому политическому направленію, онъ доходилъ до трехъ

службу; назначенъ Вятскимъ губернаторомъ и два года исправлялъ эту должность. Мы его въ Вяткѣ уже не застали, но видѣли, какую онъ тамъ оставилъ по себѣ прекрасную память. Нынѣ онъ находится сенаторомъ.

выгодныхъ для себя результатовъ: преслѣдованіемъ благородныхъ и просвѣщенныхъ идей угождалъ Николаю Павловичу; вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно запугивалъ его, а Николай Павловичъ, человѣкъ ума ограниченнаго, во всю жизнь свою находился въ трепетѣ и боязни передъ мнимыми заговорами и передъ мнимыми тайными обществами, и такимъ образомъ Дубельтъ держалъ его въ своихъ рукахъ. Наконецъ онъ пользовался злоупотребленіями для своего обогащенія, а отсутствіемъ гласности для прикрытія злоупотребленій и своихъ плутней. Онъ владѣетъ, между прочимъ, однимъ талантомъ, принесшемъ ему много выгодъ: талантомъ удивительнымъ образомъ поддѣлываться подъ чужій почеркъ . . . . .

Въ 1844 году, Бенкендорфъ, изнуренный развратною жизнію, долженъ былъ оставить свое мѣсто, и вскорѣ умеръ. Преемникомъ ему былъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, который, благодаря своей мелкой, но замѣчательной хитрости и ловкому искательству, пользовался отличною репутаціею доколѣ не занималъ государственныхъ должностей, а разъ поступивъ на государственное поприще, обнаружился каковъ есть на дѣлѣ, и впалъ во всеобщее презрѣніе. Ловкій царедворецъ,

черствый себялюбецъ, жадный къ обогащенію и неспособный къ дѣламъ, жадность его превзойдена лишь его необыкновенною, баснословною лѣнію. Врагъ улучшеній и гласности, онъ однажды, въ полномъ совѣтѣ министровъ осмѣлился высказать гнусную клевету, что *всякій писатель — прирожденный заговорщикъ.* Клевета тѣмъ болѣе непонятная, что сынъ его князь Николай Алексѣевичъ Орловъ, человѣкъ честный и просвѣщенный, издалъ весьма хорошую книгу и конечно заговорщикомъ никогда не будетъ, между тѣмъ какъ отецъ его (хотя и незаконный), Ѳедоръ Григорьевичъ, и въ особенности дядья его, Григорій и Алексѣй Григорьевичи Орловы, едва знавшіе грамоту, были не-только заговорщиками, но и цареубійцами!

Орловъ предалъ всю власть въ руки Дубельта, и тогда началась для Россіи мрачная эпоха, одиннадцать лѣтъ продолжавшаяся до самой кончины Николая; эпоха, о коей мы не можемъ вспоминать безъ отвращенія и ужаса, мы, современники, проведшіе лучшіе годы нашей жизни подъ давленіемъ этаго правленія нелѣпаго, жестокаго и сумасброднаго; правленія, постоянно унижавшаго и попиравшаго достоинство человѣческое; правленія, считавшаго всѣ просвѣщенныя

мысли, всѣ благородные порывы сердца за государственныя преступленія! Вся Россія подверглась притѣсненіямъ и поборамъ тайной полиціи; за деньги можно было совершать всякое преступленіе, и не было такаго сквернаго и гнуснаго дѣла, отъ коего нельзя было-бы откупиться черезъ тайную полицію. Въ докладахъ своихъ Государю, она клеветала на людей честныхъ и благородныхъ, и напротивъ, всѣми силами выгораживала воровъ и мошенниковъ. Дубельтъ, страстный картежникъ и развратный старикъ, проводилъ всѣ часы досуговъ своихъ въ кругу мошенниковъ и шулеровъ, и эти опозоренные люди неоднократно рѣшали, по произволу своего корыстолюбія, дѣла, отъ коихъ зависѣли состояніе и честь семействъ. Окружные жандармскіе генералы, губернскіе жандармскіе штабъ-офицеры обложены были, въ пользу Дубельта, ежегоднымъ оброкомъ, количество коего различествовало смотря по губерніи. Западныя губерніи, возвращенныя отъ Польши въ 1772 и 1793 годахъ, приносили болѣе всѣхъ, и тайная полиція обрѣла въ нихъ настоящіе золотые пріиски. Тамъ почти всѣ помѣщики польскаго происхожденія обложены были ежегодною податію, и горе тому, кто-бы отказался платить! Такихъ *строптивыхъ* хватали ночью, са-

жали въ тюрьму, обвиняли въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскими заграничными эмигрантами, и арестованному лицу предоставлялось на выборъ, или откупиться значительною суммою денегъ, или подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь, и слѣдовательно, по существующему еще въ западныхъ губерніяхъ закону, конфискаціи всего своего имѣнія въ пользу казны.

Это напоминаетъ намъ, что когда мы были арестованы въ 1843 году, то камердинеръ Дубельта, Марко, пришелъ намъ предложить подарить Дубельту двадцать-пять тысячь рублей, говоря, что въ такомъ случаѣ мы будемъ немедленно освобождены. Мы отказались, и черезъ нѣсколько дней сосланы были въ Вятку.

Вся Россія помнитъ изданіе, дежурнымъ штабъ-офицеромъ жандармскаго корпуса, полковникомъ Владиславлевымъ, пустаго альманаха *Утренняя Заря*, часть дохода съ коего опредѣлялась на какую-то больницу, состоящую надъ покровительствомъ Бенкендорфа и Дубельта; помнитъ, какимъ образомъ подлые министры и губернаторы, изъ угожденія начальникамъ тайной полиціи, насильно принуждали бѣдныхъ чиновниковъ, коимъ не хватало жалованья на необходимыя потребности жизни, платить по пяти рублей серебромъ за альманахъ Владиславлева; какимъ обра-

зомъ, во многихъ городахъ, частные пристава и квартальные надзиратели бѣгали изъ дома въ домъ упрашиватъ жильцевъ подписаться на Утреннюю Зарю!

По временамъ, тайная полиція, для наполненія своихъ кармановъ, выдумывала тайное общество, заговоръ, въ особенности въ западныхъ губерніяхъ и въ царствѣ Польскомъ. Двумъ или тремъ шпіонамъ предписывалось сдѣлать доносъ, въ слѣдствіе коего лица богатыя или очень зажиточныя, напередъ уже внесенные въ роковый списокъ, бывали арестованы и посажены въ тюрьму. Этимъ несчастнымъ предстоялъ выборъ между уплатою огромныхъ суммъ денежныхъ или гибелію и будущностію самою ужасною. Если они отказывались откупаться отъ тайной полиціи по суммѣ, ею назначенной, то ихъ заковывали въ кандалы, предавали пыткѣ, терзали ихъ мученически, и когда непомѣрныя страданія, въ соединеніи съ допросомъ, веденнымъ самымъ хитрымъ и лукавымъ образомъ, вырывали у несчастныхъ мучениковъ роковое: *да*, то ихъ, съ вывихнутыми и часто поврежденными членами тѣла, приводили обратно въ тюрьму. Докторъ являлся для поданія имъ помощи, а иногда и для того, чтобы приготовить ихъ къ перенесенію новыхъ страданій! Потомъ ихъ отправляли въ

Сибирь; если они были русскими, то имѣнія ихъ переходили къ законнымъ наслѣдникамъ, а если они были поляками, то имѣнія ихъ поступали въ казну.*)

*) Родственники декабристовъ честно возвратили имъ, или, за ихъ смертію, дѣтямъ ихъ, принадлежавшія имъ имѣнія; это была одна изъ благороднѣйшихъ страницъ новѣйшей русской исторіи, и оказалось одно только исключеніе. Декабристъ Иванъ Александровичъ Анненковъ былъ обокраденъ родственниками своими, въ числѣ коихъ находится и государственный контролеръ Николай Николаевичъ Анненковъ: эти подлецы не возвратили принадлежавшаго ему имѣнія.

Были еще два случая невозвращенія имѣній, но оба случая совершенно-независящіе отъ воли владѣтелей. Имя, титулъ и маіоратъ графа Захара Григорьевича Чернышева перешли къ сестрѣ его Софіѣ Григорьевнѣ Кругликовой, мужъ коей, Иванъ Гавриловичъ Кругликовъ обязанъ былъ, по-закону, принять это наслѣдство. Графъ Иванъ Гавриловичъ, графиня Софія Григорьевна и сестры ея, во время ссылки графа Захара Григорьевича, не переставали ни на-одинъ мигъ оказывать ему самое теплое родственное участіе, а по возвращеніи ему Правительствомъ дворянскаго достоинства, слѣдственно и права владѣть населенными имѣніями, поспѣшили возвратить ему всѣ имѣнія, кромѣ маіората, возвращеніе коего, по законамъ, было невозможнымъ. Впрочемъ графъ Захаръ Григорьевичъ въ преклонныхъ лѣтахъ и дѣтей неимѣетъ.

Другій случай касается князя Сергія Григорьевича Волконскаго. При ссылкѣ его въ

Послѣ событій 1831 года, въ царствѣ Польскомъ происходилъ грабежъ полицейскій и административный, пріявшій раз-

---

Сибирь, и по кончинѣ, въ младенческомъ возрастѣ, сына его Николая, до несчастія отцовскаго рожденнаго, имѣнія его перешли къ его двумъ братьямъ, князю Николаю Рѣпнину и князю Никитѣ Волконскому. Оба скончались еще во время ссылки брата своего, оставивъ, каждый, по одному сыну. По возвращеніи изъ Сибири князя Сергія Григорьевича, въ 1856 году, князь Александръ Никитичъ Волконскій поспѣшилъ возвратить дядѣ все слѣдующее ему имѣніе. Князь Василій Николаевичъ Рѣпнинъ, всѣ имѣнія коего, по причинѣ большихъ долговъ, находятся подъ опекою, не могъ послѣдовать примѣру своего двоюроднаго брата. Извѣстныя, честныя родовыя преданія князей Рѣпнинихъ не позволяютъ намъ сомнѣваться, что имѣніе возвращено будетъ немедленно послѣ снятія опеки . . . . .

Во время ссылки декабристовъ, двое дядей, двое сенаторовъ, поступили съ племянниками своими столь гнуснымъ образомъ, что поступки ихъ слѣдуетъ предать на позоръ гласности и исторіи. Имѣніе Василія Авраамовича Дивова перешло къ дядѣ его, сенатору Павлу Гавриловичу Дивову, который не посылалъ на малѣйшей помощи племяннику, сосланному на работы въ Бобруйскую крѣпость, а потомъ переведенному рядовымъ въ Керчь, гдѣ онъ и скончался. Изъ Бобруйской крѣпости, Василій Авраамовичъ, находясь въ крайности, писалъ къ дядѣ и просилъ о вспомоществованіи. Подлецъ-Сенаторъ отказалъ на отрѣзъ, и въ отвѣтѣ, присланномъ черезъ III отдѣленіе, имѣлъ низость и глупость

лѣры истиннаго разбоя. Вотъ какъ это бывало. Хватали человѣка богатаго или зажиточнаго; сажали его въ тюрьму. Являлся къ нему чиновникъ, и на вопросъ несчастнаго: *да въ чемъ меня обвиняютъ?* отвѣчалъ: *вѣдь вы были замѣшаны въ послѣднемъ мятежѣ.* — *Помилуйте,* говорилъ узникъ, *да я никогда въ политику не вмѣшивался!* — *Тѣмъ лучше,* отвѣчалъ чиновникъ, *послѣ одного или двухъ допросовъ вы будете признаны невиннымъ, и выпущены на свободу.* — *А скоро ли мнѣ будетъ допросъ?* — *Каждаго приводятъ къ допросу по очереди.* — *Скоро-ли придетъ моя очередь?* — *Есть тысячи двѣ людей, посаженныхъ въ тюрьму прежде васъ, и коихъ еще не успѣли допросить:*

написать, *что государственный преступникъ не можетъ быть ему родственникомъ!!!*

Сенаторъ Дмитрій Сергѣевичъ Ланской (дядя нынѣшняго простофили-министра), женатъ былъ на княжнѣ Одоевской, родной теткѣ и наслѣдницѣ декабриста князя Александра Ивановича Одоевскаго. Сей послѣдній пришелъ, переодѣтый, просить у Ланскаго убѣжища на одну ночь. Дядя принялъ его, *выдалъ правительству*, и когда Одоевскій былъ сосланъ, завладѣлъ его имѣніемъ. При отправленіи Одоевскаго въ Сибирь, Ланской и жена его послали ему нѣсколько бѣлья изъ самаго грубаго полотна, и на замѣчаніе о томъ однаго изъ ихъ знакомыхъ, имѣли подлость и бездушіе отвѣчать: *для каторжника и это хорошо!*

такъ вамъ, пожалуй, еще придется просидѣть здѣсь года два или три. Видя несчастнаго узника пораженнаго ужасомъ, чиновникъ внушалъ ему, что онъ можетъ откупиться, и назначалъ сумму болѣе или менѣе значительную, смотря по состоянію узника. Если сей послѣдній соглашался откупиться, то его немедленно выпускали на волю.

Въ западныхъ губерніяхъ, помѣщики польскаго происхожденія, изъ коихъ весьма многіе, какъ извѣстно, обладаютъ значительнымъ состояніемъ, находились на постоянномъ оброкѣ у мѣстныхъ властей. Горе упрямому неплательщику: ему предстояли ссылка въ Сибирь и разореніе! Можно себѣ представить, что должны были мыслить и чувствовать несчастные Поляки, когда имъ приходилось, въ пути черезъ Москву, проходить мимо памятника Минину и Пожарскому, мимо памятника этимъ двумъ незабвеннымъ въ нашей исторіи мужамъ, благодарное воспоминаніе о коихъ никогда не умретъ, потому именно, что имъ суждено было Провидѣніемъ совершить для отечества нашего то самое, что тщетно хотѣли совершить для своей родины эти несчастные Поляки, которые, претерпѣвъ оскорбленія, пытку, разореніе, проходили, обремененные оковами, мимо этаго памят-

ника, и влекомы были въ Сибирь на вѣчное поселеніе!*)

Сколько Поляковъ, изъ хорошихъ фамилій, людей отлично-образованныхъ, благородныхъ характеромъ, сосланы были въ каторжную работу, гдѣ этихъ несчастныхъ заставляли работать, въ кандалахъ наравнѣ со смертоубійцами и разбойниками. Нѣкоторые изъ декабристовъ сосланы были въ Нерчинскіе рудники, и тамъ около года работали подъ землею, въ кандалахъ, а послѣ того отвезены были въ Читу, гдѣ помѣщены, со многими изъ прочихъ декабристовъ, въ нарочно-устроенной для таго казармѣ, и тамъ употребляемы были въ разныя работы. Декабристы, коихъ Николай Павловичь

*) Въ 1831 году, князь Романъ Евстафьевичь Сангушко, взятый въ плѣнъ во время польской войны, приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Казалось, что для молодаго человѣка знатнаго, богатаго и характера благороднѣйшаго, лишеніе огромнаго состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе были тяжкимъ удѣломъ, но жестокость Николая I не была этимъ удовлетворена. Онъ приказалъ отправить князя Романа Евстафьевича какъ простаго колодника, пѣшкомъ, по этапамъ, прикованнаго къ общей цѣпи колодниковъ. Это варварское, отвратительное повелѣніе было исполнено въ точности: несчастный и благородный князь Романъ Евстафьевичь долженъ былъ пройти такимъ образомъ нѣсколько тысячь верстъ!

особенно преслѣдовалъ, и коихъ онъ отправилъ въ Нерчинскіе рудники работать тамъ въ кандалахъ, были: генералъ-маіоръ князь Сергій Григорьевичь Волконскій, полковникъ князь Сергій Петровичь Трубецкій, князь Евгеній Петровичь Оболенскій, всѣ трое возвращенные потомъ изъ Сибири, полковники Артамонъ Захарьевичь Муравьевъ и Василій Львовичь Давыдовъ, капитанъ Александръ Ивановичь Якубовичь, двое братьевъ Борисовыхъ, Андрей Ивановичь и Петръ Ивановичь (эти пятеро скончались въ Сибири); баронъ Вениаминъ Ивановичь Соловьевъ, Андрей Андреевичь Быстрицкій (оба возвращенные изъ Сибири), Александръ Ивановичь Мозолевскій (въ Сибири умершій) и Г. Сухиновъ. Сей послѣдній хотѣлъ бѣжать изъ Нерчинска; замыселъ его былъ открытъ; онъ былъ судимъ; въ качествѣ каторжника приговоренъ къ кнуту, и въ ночь передъ роковымъ днемъ удавился въ темницѣ. Эти несчастные проводили большую часть дня на подземной работѣ въ рудникахъ; на ночь ихъ запирали въ тѣсныя нары, столь низкія, что тѣ изъ узниковъ, которые были высокаго роста, не могли стоять въ этихъ нарахъ, а съ супругами своими не могли они имѣть свиданія иначе, какъ въ часы, опредѣленные заводскимъ начальствомъ. Княгини

Волконская и Трубецкая послѣдовали за мужьями своими въ эту ужасную ссылку. Эти благородныя, истинно-почтенныя женщины, рожденныя и воспитанныя на лонѣ изобилія и роскоши, добровольно обрекли себя на тяжкую участь женъ каторжниковъ Нерчинскихъ. Княгиня Трубецкая скончалась въ 1854 году, недоживъ двухъ лѣтъ до возвращенія декабристовъ изъ ссылки. Княгиня Волконская была счастливѣе; она возвратилась изъ Сибири, и окружена всеобщимъ благоговѣніемъ, вполнѣ заслуженнымъ геройскимъ самоотверженіемъ этой знаменитой и почтенной женщины.*)

*) Княгиня Марія Николаевна Волконская дочь знаменитаго, въ отечественной войнѣ, генерала отъ кавалеріи Николая Николаевича Раевскаго. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, скончавшаяся въ Иркутскѣ осенью 1854 года и схороненная въ тамошнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, была дочерію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Ивана Степановича Лаваля (Jean-Etienne la Loubrerie, comte de Laval), Француза, который при Лудовикѣ XVI былъ офицеромъ въ одномъ изъ французскихъ гусарскихъ полковъ, потомъ эмигрировалъ, поселился въ Россіи, женился на русской, и въ 1814 году возведенъ былъ Лудовикомъ XVIII въ графское достоинство.

Мы считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь имена незабвенныхъ женщинъ, которыя послѣдовали за мужьями своими въ ужасную ссылку, дѣлили ихъ бѣдствія, утѣшали ихъ, твердо-

Николай Павловичь иногда нарочно старался увеличивать страданія политическихъ преступниковъ, хотя-бы и мнимыхъ. Въ 1847 году, нѣкто Петровъ,

---

стію духа и благородствомъ возвышенныхъ чувствъ своихъ заслужили благоговѣніе современниковъ и уваженіе потомства. То были, кромѣ княгинь Волконской и Трубецкой:

1. Наталія Дмитріевна фонъ-Визинъ, рожденная Анухтина, супруга генералъ-маіора Михаила Александровича фонъ-Визина. Овдовѣвъ въ 1852 году, она вышла вторично замужъ, за одного изъ самыхъ умныхъ и самыхъ почтенныхъ декабристовъ, Ивана Ивановича Пущина, и вторично овдовѣла въ Апрѣлѣ 1859 года.

2. Александра Ивановна Давыдова, рожденная Татаринова, супруга Василія Львовича Давыдова. Она овдовѣла въ Сибири.

3. Александра Григорьевна Муравьева, рожденная графиня Чернышева, супруга Никиты Михайловича Муравьева. Она скончалась въ 1833 году, на Петровскомъ заводѣ, и тамъ схоронена въ часовнѣ, надъ могилою ея сооруженной.

4. Прасковья Михайловна Муравьева, рожденная княжна Шаховская, супруга Александра Николаевича Муравьева; она скончалась по возвращеніи, съ супругомъ, въ Россію.

5. Елисавета Петровна Нарышкина, рожденная графиня Коновницына, супруга Михаила Михайловича Нарышкина.

6. Баронесса Анна Васильевна Розенъ, рожденная Малиновская, супруга барона Андрея Евгеніевича Розена.

7. Марія Казиміровна Юшневская, рожденная Кругливовская, супруга Алексѣя Петровича Юшневскаго. Она овдовѣла въ Сибири.

сынъ жандармскаго офицера, сдѣлалъ ложный доносъ на нѣсколькихъ литераторовъ, въ Кіевѣ обитавшихъ, и въ слѣдствіе этого ложнаго доноса, были арестованы и сосланы: Г. Костомаровъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ историческихъ пи-

---

8. Александра Григорьевна Янтальцова, рожденная Лисовская, супруга Андрея Васильевича Янтальцова.

Сверхъ того двѣ француженки поѣхали въ Сибирь чтобы, выйти замужъ за избранниковъ ихъ сердецъ: Эмилія Петровна Леданту (Ledentu) вышла за Василія Петровича Ивашева; Прасковья Егоровна . . . . . за Ивана Александровича Анненкова.

Нѣкоторые изъ декабристовъ вступили въ бракъ въ Сибири: Николай Васильевичъ Басаргинъ женился на Ольгѣ Ивановнѣ Мендель; Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ на дѣвицѣ Смольяниновой; Петръ Николаевичъ Свистуновъ на Татьянѣ Александровнѣ Дуроновой; г. Сутгофъ на Аннѣ Ѳедосѣевнѣ Янчуковской. Также вступили въ бракъ въ Сибири: князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, Вильгельмъ Карловичъ и Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеры, и Г. Мозгалевскій. Къ искреннему сожалѣнію нашему, намъ неизвѣстны имена супругъ ихъ.

Сестры Николая Александровича и Михаила Александровича Бестужевыхъ; мать и сестры Константина Петровича Торсона, поселенныхъ въ городѣ Селенгинскѣ, поѣхали туда и поселились въ Селенгинскѣ. Николай Павловичъ разрѣшилъ имъ эту поѣздку не иначе, какъ съ безчеловѣчнымъ, гнуснымъ условіемъ не выѣзжать болѣе изъ Сибири.

сателей, извѣстный романистъ и малороссійскій археологъ Г. Кулишъ, извѣстный знатокъ всего, относящагося до славянскихъ племенъ, Г. Чижовъ, и Г. Шевченко, рожденный въ крѣпостномъ состояніи, и дарованіями своими пріобрѣвшій значительную и заслуженную извѣстность въ литературѣ. Г. Шевченко и поэтъ и живописецъ вмѣстѣ: Николай Павловичь сослалъ его въ солдаты на оренбургскую линію, *повелѣвъ, чтобы ему не позволяли ни писать, ни рисовать.* Не есть-ли это варварство самое утонченное и самое гнусное? . . . . .

Сколько было примѣровъ при Николаѣ Павловичѣ, что студенты университетскіе, неопытные юноши, за одно неосторожное слово были схвачены, сосланы и теряли всю свою будущность, которая для весьма многихъ изъ нихъ могла быть блистательною. Александръ Ивановичь Герценъ, въ своихъ любопытныхъ и столь правдивыхъ запискахъ, разсказалъ происходившее въ Московскомъ Университетѣ съ 1831 по 1834 годъ; мы всѣ прочли его разсказъ, какимъ образомъ необдуманныя слова юношей, и неприличная пѣснь, за обѣдомъ пропѣтая, были представлены шпіонами въ видѣ заговора политическаго; какимъ образомъ московскій комендантъ, честнѣйшій и благород-

нѣйшій Карлъ Густавовичь Стааль, отказался участвовать въ этой мерзости, и не захотѣлъ, ни подъ какимъ видомъ, засѣдать въ наряженной по этому случаю слѣдственной коммиссіи; какимъ образомъ графъ Бенкендорфъ прислалъ въ Москву, для засѣданія въ этой коммиссіи и для направленія ея на путь злобы и вреда, однаго изъ гнуснѣйшихъ своихъ клевретовъ и лазутчиковъ, статсъ-секретаря князя Александра Ѳедоровича Голицына, и какимъ образомъ этихъ несчастныхъ юношей, послѣ девяти мѣсячнаго заключенія, разослали по отдаленнымъ городамъ, а трехъ изъ нихъ: Соколовскаго, Ибаева и Уткина отправили въ сырые казематы Шлиссельбургской крѣпости, въкоихъ Уткинъ вскорѣ умеръ.*)

Въ тѣхъ же истинно-любопытныхъ запискахъ Г. Герцена видимъ мы, какимъ образомъ помѣщикъ московской губерніи Сунгуровъ, обвиненный въ политическихъ за-

*) Александръ Ивановичь Герценъ, говоря въ своихъ Запискахъ о ссылкѣ своей въ Пермь и въ Вятку, въ 1834, 1835, 1836 и 1837 годахъ, разсказываетъ нѣкоторыя постыдныя дѣянія, совершенныя тогда въ Перми княземъ Долгоруковымъ, необъясняя, какимъ именно. Такъ какъ мы были въ ссылкѣ въ Вяткѣ, то враги наши подъ-рукою распускали слухъ, что разсказъ Г. Герцена относится къ немъ. Это ложь

мыслахъ, былъ лишенъ дворянства и отправленъ въ Сибирь, пѣшкомъ, на общей цѣпи колодниковъ. Съ перваго привала онъ попробовалъ бѣжать, былъ схваченъ и приговоренъ къ плети. Прежде, чѣмъ приступить къ исполненію этаго гнуснаго приговора, испрошена была воля Николая Павловича. Тиранъ приказалъ наказать плетью и отправить на цѣпи въ Сибирь несчастнаго Сунгурова, который въ дорогѣ умеръ!

При Николаѣ Павловичѣ не было мерзостей, не было гнусностей, которыя-бы не позволяла себя тайная полиція. Оскорбляя даже святую вѣру нашу, она вздумала превращать въ шпіоновъ самыхъ служителей алтаря Божія, и дерзнула предписать имъ о сообщеніи Правительству политическихъ тайнъ, которыя могутъ быть имъ довѣрены на исповѣди. Конечно, почти все русское духовенство отказалось совершить подобное святотатство, но нашлись однако, хотя въ маломъ числѣ, недостойные Іереи. Вотъ что

враговъ нашихъ. Разсказъ Г. Герцена касается князя Михаила Михайловича Долгорукова, который сосланъ былъ въ Пермь, потомъ въ Верхотурье (уѣздный городъ Пермской губерніи), гдѣ и умеръ въ 1841 году. Чтоже касается до насъ, мы сосланы были въ Вятку въ 1843 и въ 1844 годахъ.

случилось съ нами въ Москвѣ, черезъ нѣсколько времени по возвращеніи нашемъ изъ ссылки въ Вятку. Іерей, у коего мы въ тотъ годъ исповѣдывались, спросилъ у насъ, на исповѣди, любимъ-ли мы Государя? Невозможно представить себѣ нашего смущенія: отвѣчать правду, сказать, что не любимъ, значило обречь себя на новую ссылку въ Вятку, а намъ вовсе не хотѣлось отправляться туда вторично. Лгать всегда гнусно, да притомъ и не обманешь Бога-сердцевѣдца! Подумавъ минуты двѣ, на что рѣшиться, мы обратились къ Богу съ слѣдующею тайною молитвою: „Господи, ты видишь, съ какими людьми мнѣ приходится имѣть дѣло; да проститъ мнѣ неизреченная благость твоя, что я поставленъ въ необходимость солгать.“ И на повторенный вопросъ недостойнаго іерея, я отвѣтилъ: *да*. Конечно, я поступилъ дурно и каюсь въ томъ, но мнѣ вовсе не хотѣлось безъ всякой вины снова отправляться въ ссылку, и что сказать о Правительствѣ, которое прибѣгаетъ къ столь гнуснымъ мѣрамъ; о Правительствѣ, готовомъ опозорить святую вѣру для удовлетворенія своихъ мірскихъ видовъ?

Въ 1856 году, Государь назначилъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта князя Орлова, коего гораздо разумнѣе и

полезнѣе было-бы удалить вовсе, и удалилъ Дубельта, опозоривъ чинъ генерала отъ кавалеріи пожалованіемъ его этому отчаянному мошеннику. На мѣсто Орлова назначенъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, о коемъ мы говорили въ девятой главѣ этой книги, человѣкъ безкорыстный, хорошо-воспитанный и вѣжливый, но безъ всякихъ способностей, пустѣйшій изъ придворныхъ интригантовъ, стародуръ не имѣющій довольно ума чтобы понять, что безъ кореннихъ реформъ Россія стремится къ бурнымъ переворотамъ. На мѣсто Дубельта назначенъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ, дотолѣ извѣстный лишь замѣчательнымъ дарованіемъ рисовать каррикатуры. Тимашевъ человѣкъ умный и на деньгу не жадный; два качества, весьма рѣдкія въ царской дворнѣ; обхожденіе его прилично и вѣжливо, но онъ чрезмѣрно склоненъ къ самовластію, къ деспотизму; однимъ словомъ, онъ въ полномъ смыслѣ то, что въ Россіи называютъ *николаевскій человѣкъ*, поклонникъ системы Николая Павловича, коего онъ готовъ даже превзойти въ суровости и въ жестокости, если-бы ему только дали волю. Въ прошломъ 1859 году онъ ѣздилъ за границу, былъ въ Парижѣ и на водахъ въ Виши, и во время своего заграничнаго путешествія, разсуждалъ

какъ человѣкъ образованный, (потому-что въ умѣ у него недостатка нѣтъ); иногда случалось ему даже отпускать фразы съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ либерализма (нельзя же, хотя-бы и жандармскому генералу, въ Парижѣ говорить какъ въ Чухломѣ!) но посмотрите на Тимашева въ Россіи и полюбуйтесь имъ! Взгляните на него въ Россіи, коею онъ управляетъ, потому-что у насъ тайная полиція всевластна и всемогуща, а неспособность и безхарактерность князя Василія Андреевича оставляютъ полный просторъ разгулу желѣзной энергіи Тимашева (изъ коего, при слабости Государя, могъ-бы, при другихъ политическихъ обстоятельствахъ и при иномъ направленіи неотразимаго духа вѣка, выйти новый Аракчѣевъ). Тимашевъ настоящій татаринъ, переодѣтый въ европейское платье; его политическія правила — тройный экстрактъ деспотизма, и онъ изъ числа людей, Провидѣніемъ посылаемыхъ на землю для гибели тѣхъ царскихъ династій, на службѣ коихъ они состоятъ. Однажды, разговаривая съ нами, Тимашевъ сказалъ намъ: „русская литература поступаетъ очень дурно: она хвалитъ Государя и нападаетъ на администрацію, какъ будто нападать на администрацію не значило нападать на Государя!“ — Мы ему отвѣчали: „мнѣ кажется, что вы

нападаете на Государя, ставя его на одну доску съ администраціею!“ — „Извините, отвѣчалъ Тимашевъ, если-бы Государь былъ недоволенъ своими министрами или администраціею, онъ взялъ-бы другихъ министровъ и перемѣнилъ-бы администрацію. Коли онъ этаго не дѣлаетъ, значитъ, онъ ими доволенъ, и потому, нападать на администрацію, значитъ нападать на Государя!“ *)

Это впрочемъ постоянная система стародуровъ, взваливать на Государя отвѣтственность за все зло, за всѣ безпорядки, за всѣ грабежи чиновной орды. Система эта неблагородна и сверхъ того въ высшей степени опасна, потому-что постепенно разсѣваетъ въ народныхъ массахъ неудовольствіе противъ Государя, и даетъ неудовольствію этому всѣ средства возрастать и укореняться. Пора-бы Александру Николаевичу производить реформы на дѣлѣ, а не на словахъ и на бумагѣ только, какъ было доселѣ.

Если-бы у насъ спросили, какая партія управляетъ кормиломъ правленія въ

*) Если-бы Александръ Егоровичъ Тимашевъ позабылъ объ этомъ разговорѣ, то мы можемъ ему напомнить, что разговоръ этотъ происходилъ въ Петербургѣ, въ Январѣ 1858 года, на балѣ у княгини Маріи Александровны Долгоруковой.

Россіи въ настоящее время, то-мы-бы весьма затруднились отвѣтомъ! Нынѣшній ходъ дѣлъ въ Россіи являетъ постоянную, ежедневную борьбу чиновной орды, поддерживаемой тайною полиціею и царскою дворнею, борьбу противъ здраваго общественнаго мнѣнія и противъ истинныхъ выгодъ отечества, защитниками коихъ являются просвѣщенное меньшинство дворянства, честные и благонамѣренные люди всѣхъ сословій, и русская литтература, своимъ умомъ, благороднымъ направленіемъ и твердостію убѣжденій, оказавшая Россіи величайшія услуги со времени благословенной кончины Николая I. Это горестное положеніе дѣлъ въ Россіи грозитъ большими опасностями въ будущемъ. Петербургъ, съ самаго основанія своего бывшій вертепомъ интригъ придворныхъ, нынѣ болѣе-чѣмъ когда-либо преисполненъ ими. Въ нынѣшнее, важное время ожиданія реформъ, обѣщанныхъ Государемъ и требуемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, исполненія этихъ реформъ поставляются преграды борьбою личностей, столкновеніемъ самолюбій, и чаще всего жадностію и корыстолюбіемъ. Русское правительство, въ настоящую минуту, совершенно-походитъ по корабль, плывущій по неизвѣстному океану, плывущій на-удачу, по волѣ вѣтра и волнъ,

безъ всякаго направленія, то вправо, то влѣво. Капитанъ корабля исполненъ добрыхъ намѣреній, но кормчіе и рулевые отличаются непонятливостію, плутовствомъ и глупостію, и сверхъ того, между ними и пассажирами вражда и борьба тайныя, но неумолкныя. Капитанъ никакъ не рѣшается смѣнить кормчихъ и рулевыхъ, и замѣнить ихъ людьми способными; онъ выжидаетъ, чтобы эти кормчіе и рулевые перемерли, а люди умные, которые могли-бы нынѣ ихъ замѣнить съ пользою, состарѣлись-бы, и перестали быть способными къ жизни дѣятельной. Между тѣмъ, корабль можетъ удариться о скалы, и разбиться въ дребезги ..... Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, описаніе нынѣшняго положенія дѣлъ въ Россіи ....

Чтобы возвратиться къ тайной полиціи, и получить понятіе о всемогуществѣ ея въ такое даже время, когда русское правительство печатаетъ, въ заграничныхъ журналахъ, громкія похвалы своему либерализму, стоитъ только вспомнить случай, происшедшій въ казанскомъ университетѣ въ прошломъ 1859 году. Правительство запретило студентамъ изъявленіе мнѣній о лекціяхъ профессоровъ. Студенты казанскіе сильно рукоплескали лекціи достойнаго и любимаго ими профессора Булича. Исправляющій должность попе-

чителя казанскаго университета, князь Павелъ Петровичь Вяземскій (сынъ автора: „русскаго Бога,“) принадлежащій къ царской дворнѣ, человѣкъ самый пустый, низкопоклонный передъ лицами вліятельными при Дворѣ, но дерзкій и грубый съ низшими, объявилъ, что рукоплесканія студентовъ составляютъ нарушеніе Высочайшей воли и слѣдовательно государственное преступленіе, и осьмерыхъ студентовъ исключилъ изъ университета. Тогда восемь профессоровъ и около двухъсотъ студентовъ оставили университетъ При видѣ этаго, правительство, подъ наитіемъ тайной полиціи, сдѣлало новую мерзость: изъ числа студентовъ, оставившихъ университетъ, около шестидесяти человѣкъ было схвачено и сослано въ разные отдаленные города . . . . .

Правительство русское отличается такимъ отсутствіемъ всякаго нравственнаго чувства, что всѣми мѣрами старается вездѣ вводить шпіонство, и желало-бы всѣхъ, на службѣ у него состоящихъ, обратить въ лазутчиковъ. Осенію 1859 года, начальникъ гвардейскаго штаба графъ Эдуардъ Барановъ, именемъ командира гвардейскаго корпуса генерала Панютина, тайнымъ циркуляромъ предписалъ полковымъ командирамъ, *чтобы они наблюдали за перепискою нижнихъ чиновъ съ ихъ*

семействами, и объявилъ, что ротные и эскадронные командиры будутъ отвѣчать за распространеніе, перепискою нижнихъ чиновъ, какихъ-бы то ни было ложныхъ и вредныхъ слуховъ, то есть требовалъ отъ генераловъ и офицеровъ гвердейскаго корпуса, чтобы они распечатывали письма, *слѣдовательно исправляли должность шпіоновъ!*..... И графъ Барановъ другъ Государя!!!

Если-бы правительство русское одарено было разумомъ и истиннымъ просвѣщеніемъ, то оно поняло-бы, что не узнать ему истины черезъ распечатываніе писемъ, потому-что въ Россіи одни дураки пишутъ истину по-почтѣ; что не узнать ему истины черезъ своихъ безчисленныхъ шпіоновъ, которые получая отъ него жалованье и весьма дорого ему обходясь, лгутъ ему безъ зазрѣнія и обманываютъ его немилосердо, по расчету своихъ личныхъ выгодъ. Оно поняло-бы, что держать подъ гнетомъ цѣлую Имперію, значитъ разсѣвать сѣмена злобы противъ правительства. Оно поняло-бы, что единственнымъ, но за то вѣрнымъ средствомъ узнать истину обо всемъ и обо всѣхъ, есть гласность, огражденная законодательствомъ строгимъ, но избавленная отъ предварительной цензуры. При существованіи предварительной цензуры, Але-

ксандру Николаевичу всегда оставаться въ невѣденіи обо всемъ, что происходитъ въ Россіи; всегда ему быть игрушкою своей дворни, которая по этому такъ рьяно и ратуетъ противъ гласности!

Глава XIII.

О журналистикѣ, книгопечатаніи и цензурѣ.

Тому, кто не жилъ въ Россіи въ послѣднее семилѣтіе Николаевскаго царствованія, трудно себѣ будетъ вообразить, какія чудеса творила русская цензура съ 1848 по 1855 годъ. Книги напечатанныя при Александрѣ I, допускались къ перепечатанію не иначе, какъ съ пропусками; запрещено было употреблять слово *тиранъ*, даже говоря о Неронѣ, о Калигулѣ, а тѣмъ менѣе о Царѣ Іоаннѣ IV; въ книгѣ о римской исторіи, изданной для учебныхъ заведеній, напечатано было, что Римляне жили подъ республиканскимъ правленіемъ потому только, что не извѣдали еще благодѣтель-

наго самодержавія. Строжайше запрещено было и писать и говорить, что въ Россіи царствуютъ принцы Голштейнъ-Готторпскіе; надобно было утверждать, что царствуютъ Романовы (хотя послѣдній изъ Романовыхъ, Петръ II, скончался 18 Января 1730 года). Строжайше запрещено было также печатать или распространять разсказъ о настоящемъ избраніи на престолъ Михаила Романова: предписано было баснословить, увѣрять, что онъ вступилъ на престолъ самодержцемъ, и едва-ли еще не по праву наслѣдственному!.....

Съ 1833 по 1849 годъ, министромъ народнаго просвѣщенія находился графъ Сергій Семеновичь Уваровъ, мужъ замѣчательнаго ума, ученый и писатель. Тонкій и ловкій царедворецъ, онъ очень дорожилъ своимъ значеніемъ при Дворѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ человѣка истинно-просвѣщеннаго, находился подъ наитіемъ благороднаго честолюбія пріобрѣсти имени своему блистательную страницу въ исторіи своего отечества. Страницу эту онъ умѣлъ пріобрѣсти преобразованіемъ университетовъ, куда умѣлъ привлечь юношество, и улучшеніями, введенными въ гимназіяхъ и въ уѣздныхъ училищахъ. Наибольшее число изъ людей, нынѣ пріобрѣвшихъ себѣ почетную

извѣстность, а нѣкоторые и заслуженную знаменитость на поприщѣ науки и на поприщѣ словесности, слушали курсы въ университетахъ со времени преобразованія ихъ графомъ Уваровымъ. Въ дикое царствованіе Николая, онъ умѣлъ, съ рѣдкимъ искусствомъ, ввести прогрессъ въ воспитаніи, разширить кругъ обученія юношества, и даже, не взирая на суровое направленіе николаевское, посѣять зерна просвѣщенныхъ мыслей, нынѣ приносящихъ обильные плоды. Честолюбіе царедворца, сильно развитое у графа Уварова, никогда, однако, не подавляло въ немъ зародыша тыхъ либеральныхъ чувствъ, коими юность его была ознаменована и украшена. Мы коротко знавали, въ нашей молодости, графа Сергія Семеновича; намъ извѣстно, что совершенства въ мірѣ не существуетъ: у него были свои пороки, и даже пороки весьма видные, но заслуги, оказанныя имъ отечеству, увѣковѣчиваютъ память его въ русской исторіи. Невозможно вообразить себѣ, сколько хитрости ему было необходимо, чтобы министерствомъ ему ввѣреннымъ управлять *просвѣщеннымъ образомъ* въ царствованіе Государя, столь-враждебнаго всѣмъ идеямъ истинно-просвѣщеннымъ, какимъ былъ Николай Павловичъ.

Европейскія событія 1848 года сильно отозвались въ Россіи, увеличили и утяготили деспотизмъ, надъ нею тяготѣвшій. Едва, едва не были закрыты университеты: съ трудомъ отстоялъ ихъ, передъ сумазброднымъ и испуганнымъ Николаемъ, умный и просвѣщенный графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Графъ Уваровъ былъ удаленъ изъ министерства, и на мѣсто его посадили князя Платона Александровича Ширинскаго-Шихматова, татарина происхожденіемъ, истиннаго татарина по своимъ понятіямъ и по своему политическому направленію. Глупый и подлый холопъ-бюрократъ, онъ умѣлъ содѣлать цензуру и посмѣшищемъ и предметомъ ненависти всей Россіи. Во время этаго золотаго вѣка стародуровъ происходили вещи удивительныя, и на поприщѣ цензуры разыгрывалась на просторѣ необъятная глупость цензоровъ, изъ числа коихъ одинъ, отсутствіемъ ума и разсудка, пріобрѣлъ историческую знаменитость (Николай Васильевичъ Елагинъ). Когда мы издавали свою *Россійскую Родословную Книгу*, Г. Елагинъ не хотѣлъ ее пропустить иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы она была предварительно явлена на разсмотрѣніе члена тайнаго цензурнаго комитета барона Корфа, и потомъ на разсмотрѣніе III Отдѣленія; нѣкоторое время онъ за-

трудялся разрѣшить напечатать, въ статьѣ о Салтыковыхъ, что русскіе разбили Фридриха Великаго подъ Кунерсдорфомъ въ 1759 году. *Какъ можно это сказать*, возражалъ онъ; *вѣдь нынѣ Королевско-Прусскій домъ въ родствѣ съ Россійско-Императорскимъ Домомъ*! Онъ никакъ не допустилъ, чтобы въ родословныхъ поколѣнныхъ росписяхъ помѣщены были имена декабристовъ, и касательно сыновей князя Ѳедора Петровича Шаховскаго, рожденныхъ прежде несчастія отца ихъ, настаивалъ, чтобы князья Дмитрій и Иванъ Ѳедоровичи Шаховскіе показаны были внуками своего дѣда, а объ отцѣ ихъ чтобы вовсе не было упомянуто. (!!!) Часто случается, что у человѣка отецъ извѣстенъ, а предки неизвѣстны, но это вышелъ-бы первый случай, что показаны были-бы около тридцати поколѣній предковъ, а отца не имѣлось-бы!!! Самъ Дубельтъ расхохотался надъ мыслію Елагина, и разрѣшилъ напечатаніе имени князя Ѳедора Петровича Шаховскаго, только безъ княжескаго титла, что уже было довольно смѣшно, потому что Шаховскій, до ссылки своей, находился нѣсколько лѣтъ на службѣ съ княжескимъ титломъ.

Въ это же время запрещено было именовать лошадей христіанскими име-

нами. Мудрые чиновники, окружавшіе мудраго министра Шихматова, подняли тогда вопросъ: относится-ли это запрещеніе исключительно къ именамъ православнаго календаря, или также къ именамъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Вопросъ подвергся торжественному обсужденію въ полномъ засѣданіи главнаго правленія цензуры, и послѣднее истолкованіе одержало верхъ. Въ тоже время цензура вычеркнула изъ кухонной книги слово *вольный духъ*, а въ описаніи одной губерніи не позволила напечатать похвалу губернскому почтмейстеру, потому, говорилъ цензоръ, что предшественники его могутъ принять это себѣ въ обиду. Не пропустила также цензура объявленія, что у такаго-то господина пропала собачка по кличкѣ *тиранъ*, и хотѣла, чтобы напечатали, что собачка имѣла кличку: *фиделька*.

Цензоры, шпіоны и прочіе холопы Николая Павловича, даже не понимали, что не допуская въ печати слова *тиранъ*, они признавали это прозваніе принадлежностію своего Государя..

Что содѣлывало тогда невыносимымъ, въ Россіи, положеніе писателей и состояніе литтературы, это было одновременное существованіе цѣлой дюжины различныхъ цензуръ. Кромѣ цензуры обык-

новенной, подчиненной министру народнаго просвѣщенія, всякій писатель долженъ былъ, по всему относящемуся до внутренняго состоянія Россіи, пройти черезъ цензуру министерства внутреннихъ дѣлъ; по всему относящемуся до правосудія и до судопроизводства, черезъ цензуру министерства юстиціи; по всему относящемуся до военно-сухопутной части, черезъ цензуру военнаго министерства; по всему относящемуся до морской части, черезъ цензуру морскаго министерства; по всѣмъ экономическимъ вопросамъ черезъ цензуру министерства финансовъ; по всему относящемуся до заграничныхъ дѣлъ, даже нерусскихъ, черезъ цензуру министерства иностранныхъ дѣлъ; по всему относящемуся до Польши и до Кавказа черезъ цензуру намѣстника того края, о коемъ шла рѣчь; о членахъ Императорской фамиліи нельзя было упомянуть безъ цензуры министра императорскаго двора, а о желѣзныхъ дорогахъ безъ цензуры графа Клейнмихеля, этаго дикаго и жаднаго звѣря въ генералъ-адъютантскихъ эполетахъ. Если же авторъ былъ извѣстенъ за либерала, то рукопись его отсылалась еще на предварительное разсмотрѣніе тайной полиціи, хотя-бы рукопись и касалась предмета самаго чуждаго политики и самаго невиннаго, какъ это и случилось,

въ 1853 году, съ нашею *Россійскою Родословною Книгою.**)

---

*) Теперь, находясь за границею на свободѣ и въ независимости, мы можемъ объяснить причины, по коимъ мы, въ Россіи, постоянно занимались родословными, и всегда подавали видъ, будто еще болѣе ими занимаемся, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Первая причина была слѣдующая. Въ Россіи, у многихъ лицъ есть фамильныя бумаги, переписки, документы. Явись къ большей части такихъ людей человѣкъ, занимающійся исторіею, хоть-будь онъ Тацитомъ или Маколеемъ, ему бумагъ этихъ не сообщатъ, по недовѣрчивости врожденной въ насъ, русскихъ, и весьма понятной въ странѣ, въ коей шпіонство развито Правительствомъ въ исполинскихъ размѣрахъ. Но явись человѣкъ, хотя-бы ума самаго ограниченнаго, только занимающійся родословными, и ему поспѣшатъ все показать и все сообщить. Такимъ образомъ мы, занимаясь русскою исторіею, могли имѣть доступъ къ массѣ документовъ и собрать обильнѣйшій запасъ свѣдѣній. Вторая причина слѣдующая. Мы всегда любили изучать исторію, въ особенности русскую; и вмѣстѣ съ тѣмъ находились, иногда подъ явнымъ, а большею частію времени подъ тайнымъ, но всегда постояннымъ, надзоромъ тайной полиціи. Въ теченіи многихъ лѣтъ мы проводили нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ деревнѣ, и агенты полиціи могли задать себѣ вопросъ: „чѣмъ занимается Петръ Долгоруковъ?“ При нашемъ занятіи родословными, отвѣта угадать было не трудно, и тогда, говоря: „пусть себѣ сидитъ въ этихъ невинныхъ занятіяхъ“ насъ оставляли въ покоѣ. Такимъ образомъ, занятіе родословными слу-

Всѣ эти заставы, всѣ эти преграды, всѣ эти препоны на пути умственнаго развитія Россіи казались еще недостаточными Николаю Павловичу. Испуганный, ошеломленный европейскими событіями 1848 года, и вовсе не постигая настоящей, исторической причины ихъ, этотъ боязливый передъ революціями Государь, по совѣту нѣкоторыхъ людей, на поддержаніи въ немъ постояннаго страха основывавшихъ свои политическіе расчеты, учредилъ *тайный верховный цензурный комитетъ* для наблюденія за самою цензурою (!!!), чтобы отыскивать въ книгахъ, *уже напечатанныхъ и пущенныхъ въ продажу*, все то, что ускользнуло отъ всѣхъ вышеисчисленныхъ цензуръ, все то, что комитетъ найдетъ несообразнымъ съ дурманомъ самодержавія, коимъ Николай хотѣлъ усыпить Русь. Предсѣдателемъ этаго комитета, коему поручено было доносить о политическомъ направленіи каждаго изъ русскихъ писателей,

---

жило намъ путемъ къ познанію документовъ, для другихъ недоступныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ тайной полиціи, щитами, за коими мы могли и трудиться по части русской исторіи, и вести наши записки. Пользуемся этимъ случаемъ для принесенія русской тайной полиціи чувствительнѣйшей благодарности за ея недогадливость и глупость!

назначенъ былъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, человѣкъ умный, съ познаніями, но характера крутаго, жестокаго, фанатикъ самодержавія и азіатскихъ идей, къ тому же придворный интригантъ, низкій и способный на всякія подлости. Онъ много интриговалъ противъ графа Уварова, приготовилъ его паденіе; добивался заступить его мѣсто, но умеръ въ Октябрѣ 1849 года, не доживъ, мѣсяца два, до паденія графа Сергія Семеновича. Членами комитета были: 1. генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ, человѣкъ совершенно-бездарный, притомъ извѣстный тѣмъ, что обобралъ своего двоюроднаго брата, декабриста Ивана Александровича Анненкова; 2. статсъ-секретарь князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ, человѣкъ бездарный, отсталый, жестокій, шпіонъ, инквизиторъ, подлѣйшій и гнуснѣйшій изъ людей; 3. статсъ-секретарь баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, товарищъ по лицею (увы!) Пушкину, Ив.-Ив. Пущину и кн. Ал. Мих. Горчакову. Онъ, изъ лицея, откуда эти три благородныя личности вынесли чувства столь высокія, вынесъ, къ сожалѣнію, всѣ стремленія усерднѣйшаго изъ придворныхъ холоповъ. Баронъ Корфъ человѣкъ умный и въ особенности чрезвычайно начитанный, но самый низкопо-

клонный изъ царедворцевъ, угодникъ всѣхъ временщиковъ, и пропитанный столь сильнымъ желаніемъ содѣлаться министромъ, что ему и во снѣ грезятся и на яву видятся министерскіе портфели, но лишь простретъ онъ руку къ одному изъ нихъ, портфель ускользаетъ. Сладко-гласный, медоточивый въ бесѣдѣ, вкрадчивый въ обхожденіи, онъ, рѣчію, просвѣщенною по наружности, старается прикрыть свое инстинктивное отвращеніе къ прогрессу, свою непоколебимую преданность старому порядку вещей, среди коего онъ совершилъ свою карьеру, и злоупотребленіямъ коего онъ обязанъ своимъ благополучіемъ. Страсть къ придворному холопству до такой степени обладаетъ имъ, до такой степени ослѣпляетъ его, что въ своей книгѣ о 14 Декабрѣ, онъ, желая рабски льстить Николаю Павловичу и разнымъ сановникамъ, имѣлъ неловкость выставить въ невыгодномъ свѣтѣ тѣхъ, коимъ хотѣлъ льстить, и непоколебался унизиться до такой степени, что употреблялъ оскорбительныя выраженія, говоря о патріотахъ, которые, въ то время какъ онъ писалъ свою книгу, еще страдали въ ссылкѣ!.....

По учрежденіи этаго комитета мрака и подлости, неоднократно подвергались запрещенію книги, разрѣшенныя ценсу-

рою къ напечатанію и уже поступившія въ продажу, напримѣръ, въ 1852 году, *Московскій Сборникъ*.

Въ Мартѣ 1852 года, скончался знаменитый Николай Васильевичъ Гоголь. Петербургская ценсура, по приказанію попечителя С. П. Б. университета, Мих. Ник. Мусина-Пушкина, не пропускала статей о Гоголѣ, потому-что деспотическое правительство страшится популярности частныхъ лицъ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, столь уважаемый всею Россіею за свое высокое литтературное дарованіе и за свой благородный личный характеръ, написалъ статью о Гоголѣ; петербургская ценсура ее не пропустила, и потому она была помѣщена въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Мусинъ-Пушкинъ сдѣлалъ доносъ министру Шихматову; Шихматовъ тотчасъ сдѣлалъ доносъ Государю; Николай Павловичь приказалъ арестовать Ивана Сергѣевича, и посадить его на мѣсяцъ на съѣзжую, гдѣ этотъ человѣкъ, всею Россіею уважаемый, провелъ первыя сутки своего ареста съ плутами и мошенниками. По истеченіи мѣсяца, онъ былъ сосланъ въ деревню, и оставался тамъ около года.

Въ 1853 году умеръ Шихматовъ, и на мѣсто его поступилъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, человѣкъ вполнѣ-благонамѣренный и высокой честности, самъ

ученый и писатель, человѣкъ пріятный въ обхожденіи, но двѣ причины мѣшали ему быть министромъ не только хорошимъ, но даже и сноснымъ: вопервыхъ, чрезмѣрная, баснословная разсѣянность, доводившая его до того, что онъ постоянно-забывалъ и путалъ дѣла, и во-вторыхъ, чрезвычайная слабость характера слишкомъ-добраго и слишкомъ-мягкаго, тогда какъ въ Петербургѣ невозможно быть хорошимъ министромъ безъ ежедневной борьбы съ царскою дворнею. Авраамъ Сергѣевичъ человѣкъ ученый: онъ подробно знаетъ, день въ день, что дѣлали въ древности Периклъ и Цицеронъ, но никогда не зналъ, что слѣдуетъ дѣлать въ Петербургѣ русскому министру народнаго просвѣщенія!

Въ 1855 году, съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра Николаевича, узы, на цензуру наложенныя, были нѣсколько ослаблены, и литература получила большее развитіе. Въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія, этой тридцатилѣтней войны противъ просвѣщенія и противъ здраваго смысли, не дозволяемо было учреждать новыхъ журналовъ. Это нелѣпое запрещеніе было снято новымъ Государемъ; новые журналы стали появляться, и прежніе улучшились. Къ этому времени относится появленіе *Рус-*

скаго Вѣстника (1 Января 1856), и преобразованіе *Морскаго Сборника.*

Со временемъ, когда въ Россіи установится правленіе разумное, свободное, потомство не повѣритъ, конечно, всѣмъ препятствіямъ, какія чиновная орда и царская дворня стараются, въ настоящую эпоху, противоставлять развитію, въ Россіи, книгопечатанія и гласности! Лишь только какій-нибудь журналъ позволяетъ себѣ сказать, что не все въ Россіи превосходно, не все достигло совершенства, лишь только онъ позволитъ себѣ упомянуть, что такая-то или такая-то вѣтвь управленія требуетъ улучшеній (а есть-ли въ Россіи какая-нибудь вѣтвь, не требующая улучшеній?*) почти всѣ требуютъ даже преобразованій); тотчасъ и

---

*) Въ 1850 году Чурбанъ-Паша (такъ называли тогда въ Москвѣ ея главнаго начальника, ея тирана и грабителя Закревскаго), спрашивалъ у однаго лица, *чѣмъ занимается теперь князь Петръ Долгоруковъ?* Ему отвѣчали: *сельскимъ хозяйствомъ.* Онъ возразилъ: *это хорошо: сельское хозяйство у насъ единственный предметъ, въ коемъ у насъ еще можно что-нибудь сдѣлать, что-нибудь улучшить. По всѣмъ другимъ предметамъ, у насъ до чего нибудь касаться — значитъ портить; у насъ все прочее хорошо: лучшаго желать нельзя!* Въ словахъ этаго государственнаго болбеса выражалось мнѣніе царской дворни и чиновной орды о порядкѣ вещей въ Россіи.

министръ, управляющій этою частію, и большая часть чиновниковъ, вопіютъ и кричатъ: „бунтъ и мятежъ!“ По ихъ мнѣнію, нападать на администрацію, значитъ нападать на Государя, какъ однажды наивно проговорился намъ весьма впрочемъ ненаивный Александръ Егоровичъ Тимашевъ (см. предъидущую главу). Борьба эта вскорѣ утомила добраго, но слабаго и безхарактернаго Авраама Сергѣевича Норова. Онъ вышелъ изъ министерства въ Апрѣлѣ 1858 года, и на мѣсто его поступилъ сенаторъ Ковалевскій.

Евграфъ Петровичъ Ковалевскій человѣкъ умный, ученый, и учености сѣрьозной и дѣльной, во всю жизнь свою отличавшійся стремленіемъ къ просвѣщенію, понятіями либеральными, разумными; къ тому же человѣкъ истинно-добрый. Къ сожалѣнію, и въ немъ совершенный недостатокъ энергіи; а въ Россіи, какъ мы уже говорили неоднократно, власть только по-имени находится въ рукахъ Государя; въ сущности власть вся въ рукахъ чиновной орды и царской дворни, и доколѣ это не измѣнится коренными преобразованіями, дотолѣ Россія не перестанетъ быть поприщемъ злоупотребленій, грабежа и притѣсненій всякаго рода. Между Азіею и Европою средины существовать не можетъ: доколѣ вы не ввe-

дете у себя учрежденій истинно-европейскихъ, дотолѣ неизбѣжно останетесь азіатцами!

Е. П. Ковалевскій, вступая въ министерство, хотѣлъ взять себѣ въ товарищи князя Григорія Алексѣевича Щербатова, который два года управлялъ Петербургскимъ учебнымъ округомъ весьма умно и самымъ просвѣщеннымъ образомъ, безпрестанно, по цензурнымъ вопросамъ, находясь въ столкновеніи съ царскою дворнею. Эта гнусная дворня не хотѣла видѣть Щербатова товарищемъ министра; Ковалевскій, по безхарактерности своей, уступилъ и согласился принять въ товарищи Николая Алексѣевича Муханова. Г. Мухановъ прошелъ почти черезъ всѣ возможныя поприща, и всюду оставилъ по себѣ память человѣка самаго бездарнаго. Онъ былъ, одно за другимъ, гвардейскимъ офицеромъ, адъютантомъ, дипломатомъ, путешественникомъ, помѣщикомъ, юристомъ, почетнымъ опекуномъ московскаго воспитательнаго дома, и наконецъ, на шестомъ десяткѣ лѣтъ его, открыли въ немъ одно дарованіе, дотолѣ никому невѣдомое — дарованіе отлично-разрѣзывать мясо! Тутъ поспѣшили его сдѣлать оберъ-форъ-шнейдеромъ, и поступивъ въ эту должность столь важную и столь полезную для отечества, онъ былъ найденъ

вполнѣ способнымъ быть товарищемъ министра просвѣщенія.

Е. П. Ковалевскій заслуживаетъ сильнѣйшихъ упрековъ за свою неописанную слабость и за свою постыдную готовность угождать царской дворнѣ. Въ числѣ событій, которыя въ исторіи покроютъ позоромъ его министерство, должно считать случай, совершившійся, въ 1859 году, въ казанскомъ университетѣ, и нами разсказанный въ предъидущей главѣ. Какъ могъ Евграфъ Петровичъ согласиться на ссылку человѣкъ шестидесяти студентовъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они на лекціи изъявляли сочувствіе своему профессору? Да и какъ могъ Евграфъ Петровичъ допустить назначеніе попечителемъ казанскаго учебнаго округа человѣка столь отсталаго и столь пустаго, каковъ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, столь дерзкій съ подчиненными и столь искательный съ царскою дворнею? Евграфъ Петровичъ не можетъ не знать, что князь Вяземскій, находясь помощникомъ попечителя петербургскаго округа, въ засѣданіи петербугскаго цензурнаго комитета, въ числѣ членовъ коего находится, между прочимъ, извѣстный литераторъ Иванъ Александровичъ Гончаровъ, имѣлъ дерзость сказать, *что всякій чиновникъ полезнѣе литтератора.* И Евграфъ

Петровичь, въ угожденіе дворнѣ царской, могъ согласиться назначить подобнаго стародура попечителемъ учебнаго округа?

Непростительно также Евграфу Петровичу, что онъ не убѣдилъ Государя отмѣнить глупѣйшій циркуляръ, разосланный по министерству внутреннихъ дѣлъ, *для запрещенія, безъ разрѣшенія правительства, путешествовать по Россіи для собиранія свѣдѣній статистическихъ и этнографическихъ*. Поводомъ къ этому сумасбродному циркуляру было извѣстное всѣмъ событіе, во Псковѣ случившееся съ литераторомъ Г. Якушкинымъ, который, путешествуя пѣшкомъ въ русской сельской одеждѣ, былъ принятъ полиціею за простолюдина, посаженъ въ тюрьму и оскорбляемъ. Г. Якушкинъ напечаталъ въ Русской Бесѣдѣ разсказъ о своихъ приключеніяхъ. Чиновная орда, осрамленная и взбѣшенная, потребовала изданія этаго глупѣйшаго циркуляра, вполнѣ достойнаго китайскихъ мандариновъ или японскихъ чиновниковъ. Волю орды спѣшили исполнить: министръ-Ланской, пустый старикъ, о коемъ нельзя даже сказать, что онъ выжилъ изъ-ума, потому-что ума никогда не-имѣлъ, и товарищъ его Милютинъ, снявшій накопецъ съ себя маску либерала, въ теченіи слишкомъ пятнадцати лѣтъ имъ носимую, и явив-

шійся въ своемъ природномъ безобразіи, тоесть въ видѣ холопа-бюрократа, ползающаго за чинами и за лентами, съ затаенною мечтою втереться въ царскую дворню.

Но что постыднѣе всего для Евграфа Петровича, это предписаніе, данное имъ, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1859 года, московскому ценсурному комитету, *не допускать обличительныхъ статей безъ юридическихъ доказательствъ*, условіе нелѣпое, и съ прибавленіемъ гнусной, вполнѣ азіатской фразы, *что правительство считаетъ ниже своего достоинства обращать вниманіе на содержаніе литературныхъ статей и на обличительные разсказы!*

Чтобы понять, какимъ образомъ эта *дикая* бумага могла быть подписана такимъ человѣкомъ, какъ Евграфъ Петровичъ, человѣкомъ умнымъ и въ теченіи долгаго времени имѣвшимъ направленіе либеральное, неизбѣжно придешь къ заключенію, что атмосфера высшаго правительственнаго круга, въ Россіи, тлетворна и для ума и для сердца. Въ этой петербургской высшей сферѣ, въ непродолжительный срокъ времени умъ дурѣетъ, взоръ тупѣетъ, мысль облекается туманомъ, нравственныя понятія перепутываются, чувство личнаго достоинства

исчезаетъ и здравый смыслъ затемняется: таковы послѣдствія сближенія и ежедневнаго общенія съ царскою дворнею и съ главными мурзами орды чиновной! Вѣдь читая эту бумагу Евграфа Петровича, о коей мы теперь говоримъ, невольно спросишь самаго себя, не сочинилъ-ли ее какій-нибудь горскій наибъ на Кавказѣ или какій-нибудь кацикъ краснокожихъ индѣйцевъ въ сѣвероамериканскихъ лѣсахъ?....

Въ Декабрѣ 1858 года, правительство, не желая подать прямаго вида что намѣрено давить гласность, потому-что выше всего дорожитъ похвалами, которыя разные европейскіе журналы воспѣваютъ его мнимому либерализму, и для продолженія коихъ русскіе высшіе сановники и даже коноводы тайной полиціи, въ путешествіяхъ своихъ по Европѣ, выражаютъ идеи либеральныя-русское правительство выдумало опутать сѣтями книгопечатаніе и журналистику, и уменьшить гласность, и безъ того уже столь незначительную въ Россіи. Оно вздумало возобновить, въ другомъ видѣ, верховный ценсурно-полицейскій комитетъ, существовавшій въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія и упраздненный въ 1857 году. Новый комитетъ составили изъ оберъ-форъ-шнейдера Муханова, изъ

генерала Тимашева и графа Александра Адлерберга (литературныя и письменныя занятія сего послѣдняго ограничиваются, какъ извѣстно, подписомъ безчисленныхъ векселей). Но чтобы имѣть вліяніе на литераторовъ, необходимо пользоваться ихъ уваженіемъ, коимъ конечно не пользовалась ни одна изъ этихъ трехъ личностей. Комитету предоставлено было распоряженіе значительными суммами денегъ, для основанія правительственнаго журнала, тоесть, выражаясь на-прямикъ, для подкупа литераторовъ! Но къ незыблемой и вѣчной чести русской словесности, русскаго пишущаго братства, не нашлось ни однаго литератора, который-бы согласился себя продать! Предложенія самыя блистательныя были отвергнуты лицами, перомъ своимъ добывающими себѣ хлѣбъ насущный, но добывающими его честно, не такъ, какъ русскіе чиновники. Новый комитетъ, составленный изъ трехъ лицъ, столь сильныхъ при Дворѣ, не могъ даже добиться того, чтобы основать журналъ! Тутъ явно оказался отрадный и счастливый фактъ, что въ Россіи уже образовалось общественное мнѣніе, и что имъ брезгать нельзя! Послѣ отвратительнаго зрѣлища грабежа, составляющаго постоянное и безнаказанное упражненіе царской дворни и чиновной

орды, отрадно, сладко душѣ отдохнуть при видѣ честности, благонамѣренности и высокаго безкорыстія русскихъ писателей, русскихъ журналистовъ, русскихъ людей мысли и слова: послѣ этаго можно гордиться быть русскимъ!

Е. П. Ковалевскій, какъ намъ неоднократно случалось слышать отъ него самаго, видитъ въ цензурѣ подводный камень своего министерскаго поприща, и очень желалъ-бы передать цензуру въ руки другаго лица. Въ 1859 году онъ убѣдилъ Государя составить изъ цензуры особое управленіе, нѣчто въ родѣ особаго министерства и ввѣрить оное барону Модесту Андреевичу Корфу, который, какъ всѣмъ извѣстно, гоняется за званіемъ министра по какой-бы то ни было части, гоняется безъ отдыха, какъ богатырь Алёша Поповичь за волшебниками, (только съ гораздо меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ Алёша Поповичь). Но баронъ Корфъ началъ съ того, что потребовалъ *двѣсти тысячъ рублей серебромъ* на покупку дома для помѣщенія своей особы и благовѣрнаго семейства своего, да еще денегъ для найма квартеръ для цензоровъ и чиновниковъ, и хотѣлъ еще чтобы суммы эти были отпускаемы не кредитными билетами а звонкою монетою. Подобныя требованія, въ виду финансовъ совершенно-

разстроенныхъ и государственной казны опустѣлой, удивили и поразили даже петербургское правительство, привыкшее ничему не удивляться. Устройство новаго управленія было отмѣнено; портфель министерства цензуры, подобно прочимъ министерскимъ портфелямъ, обратился въ призракъ для барона Корфа, коему пришлось, въ нынѣшнемъ году, лѣчить свое горе на висбаденскихъ водахъ, и цензура осталась за Е. П. Ковалевскимъ, не взирая на его оханья и жалобы. Учрежденный въ Декабрѣ 1858 года высшій комитетъ былъ упраздненъ, и графъ Адлербергъ назначенъ членомъ главнаго правленія цензуры, въ коемъ товарищи его уже засѣдали: Тимашевъ съ 1856 года, а Мухановъ съ 1858 года. Попечители университетовъ, между коими иногда встрѣчались люди умные и достойные, были устранены отъ всякаго вліянія на цензуру, и конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ перемѣнъ было окончательное преданіе русской литературы во власть тайной полиціи и подъ гнетъ генерала Тимашева, этаго татарина переодѣтаго въ европейское платье.

Цензура иностранныхъ книгъ и журналовъ, при Николаѣ Павловичѣ, доходила до крайнихъ предѣловъ смѣшнаго и до апоѳеоза человѣческой глупости. Въ

настоящее время, она подвержена перемежающейся лихорадкѣ, перемежающимся припадкамъ разсудка и безумія. Въ Европѣ конечно не повѣрятъ, что министръ юстиціи, Ханъ-Панинъ, выпросилъ запрещеніе, въ Россіи, французской *Судебной Газеты* (la Gazette des Tribunaux)? Ханъ-Панинъ полу-помѣшанъ, и потому не хочетъ, чтобы русскіе могли имѣть тѣнь сомнѣнія, что наши законы и наше судопроизводство превосходнѣйшія въ мірѣ. Одному лишь главноуправляющему II отдѣленіемъ собственной канцеляріи, графу Блудову разрѣшено, и то по его просьбѣ, получать французскую *Судебную Газету!* Не шутъ-ли полосатый этотъ Панинъ?....

Россія нынѣ единственная страна въ Европѣ, гдѣ иностранные журналы нельзя получать иначе, какъ черезъ подписку въ почтовыхъ конторахъ. Вездѣ, въ Европѣ, журналы и книги посылаемые по почтѣ подъ бандеролью, платятъ таксу незначительную: въ Россіи съ нихъ взимаютъ таксу, какъ съ почтоваго письма! А что сказать о глупомъ обычаѣ заставлять иностранцевъ, въ Петербургъ пріѣзжающихъ, являться въ III отдѣленіе, гдѣ у нихъ распрашиваютъ о цѣли ихъ пріѣзда и о знакомствахъ, какія они имѣютъ въ Россіи? Извѣстно, что одинъ англичанинъ, на вопросъ Дубельта: „ка-

кая цѣль его пріѣзда?“ отвѣчалъ: „лечиться отъ золотухи!“

Въ слѣдствіе договора, заключеннаго на долгій срокъ почтовымъ департаментомъ съ прусскимъ правительствомъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ стародуровъ: тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельрода, тогдашняго главнаго начальника почтъ графа Адлерберга и тогдашняго главнаго директора почтъ (нынѣшняго главнаго начальника ихъ) Прянишникова, иностранные журналы не могутъ быть получаемы въ Россіи иначе, какъ черезъ Прусскій почтамтъ, взимающій огромныя деньги, и все это сдѣлано стародурами съ цѣлію уменьшить распространеніе иностранныхъ журналовъ въ Россіи.

Всѣ эти глупыя строгости, всѣ эти смѣшныя формальности, ни подъ какимъ видомъ и никогда не могли ни остановить, ни сократить значительнаго ввоза и быстраго распространенія по Россіи всѣхъ запрещенныхъ книгъ и изданій, и чѣмъ строже запрещены книга или изданіе, тѣмъ обширнѣе ихъ сбытъ и выгоднѣе ихъ провозъ. При обширныхъ русскихъ границахъ, остановить контрабанду невозможно, а чѣмъ болѣе русское правительство будетъ увеличивать строгость цензуры, чѣмъ сильнѣе оно будетъ давить

литературу, тѣмъ болѣе оно будетъ способствовать развитію русскаго книгопечатанія за границею. Въ настоящее время уже существуетъ нѣсколько русскихъ типографій за границею: въ Лондонѣ, Г. Чарнецкаго; въ Лейпцигѣ, Г. г. Бера и Германа; въ Наумбургѣ, Г. Пеца; также въ Брауншвейгѣ и въ Карлсруэ. Число это еще можетъ увеличиться. Мы знаемъ по нашему личному опыту, что въ самые крутые и самые тяжкіе дни николаевской эпохи, когда ужасъ парилъ надъ Россіею, всегда можно было получать и распространять у насъ всѣ запрещенныя книги: чиновники брали взятки, и смѣясь надъ Правительствомъ, допускали провозъ и распространеніе запрещенныхъ книгъ: такимъ-то образомъ деспотизмъ поражается своими собственными орудіями! Мы говоримъ по нашему личному опыту.*)

Изъ всѣхъ русскихъ изданій за границею, наибольшую извѣстность и вполнѣ заслуженную, европейскую знаменитость пріобрѣли лондонскія изданія Александра Ивановича Герцена и Николая Платоновича Огарева. Всѣмъ извѣстны

*) Всѣ русскія книги, за границею напечатанныя, и всѣ иностранныя книги о Россіи получать можно въ Парижѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Франка, издателя многихъ книгъ о Россіи, на улицѣ Ришелье, въ домѣ подъ No. 67.

высокій умъ Александра Ивановича Герцена, его блистательное остроуміе, его краснорѣчіе своеобразное, колкое и мѣткое, и замѣчательныя способности Николая Платоновича Огарева, являющаго въ себѣ весьма рѣдкое сочетаніе поэтическаго дара съ познаніями по части политической экономіи и съ даромъ обсужденія вопросовъ финансовыхъ и политическихъ. Мы нераздѣляемъ политическихъ мнѣній Гг. Герцена и Огарева: они принадлежатъ къ партіи соціялистовъ, а мы принадлежимъ къ партіи приверженцевъ монархіи конституціонной, но мы душевно-любимъ и глубоко уважаемъ Александра Ивановича и Николая Платоновича за ихъ благородный характеръ, за ихъ отмѣнную благонамѣренность, за ихъ высокое безкорыстіе, столь рѣдкое въ нашъ корыстолюбивый вѣкъ. Намъ хорошо извѣстно, что царская дворня дорого-бы дала, если-бы Александръ Ивановичь и Николай Платоновичь обрекли себя молчанію, и уничтожили-бы свой *Колоколъ* . . . . .

Въ томъ варварскомъ, дикомъ, азіатскомъ состояніи, въ которое погружены у насъ присутственныя мѣста и администрація, *Колоколъ* содѣлался верховнымъ кассаціоннымъ судомъ для всѣхъ мерзостей, для всѣхъ притѣсненій, для всѣхъ злоупотребленій; онъ караетъ мошенни-

ковъ, въ какихъ-бы они чинахъ несостояли; лица, неправильно-осужденныя или безвинно-страдающія, обращаются къ *Колоколу* съ просьбою о перенесеніи ихъ дѣла на судъ общественнаго мнѣнія, и безпристрастные, благородные издатели *Колокола*, помѣщая обвинительныя статьи, разумѣется никогда не отказываются отъ помѣщенія оправданій и объясненій.*)

*) На Г. Герцена напечатанъ былъ, недавно, за границею, русскій пасквиль, составленный, по заказу тайной полиціи, бывшимъ цензоромъ Н. В. Елагинымъ, о глупости коего мы говорили въ началѣ этой главы. Въ этомъ пасквилѣ сочинитель сознается, что множество экземпляровъ изданій Г. Герцена ходитъ по Россіи, но не рѣшаясь признаться въ провозѣ ихъ контрабандою, онъ имѣлъ великолѣпно-глупую мысль утверждать, что изданія эти привезены были англійскими и американскими кораблями въ Амурскую область, гдѣ еще не успѣли учредить таможенъ! Мы можемъ удостовѣрить Г. Елагина, что заграничныя русскія изданія идутъ вовсе нечерезъ Амурскую область, и что они продаются въ самомъ Петербургѣ, подъ носомъ самихъ начальниковъ тайной полиціи.

Впрочемъ, пасквиль Г. Елагина не былъ единственною полемикою русскаго правительства за границею. Оно подкупало нѣкоторые нѣмецкіе журналы писать противъ нашей книги: *Правда о Россіи;* и невозможно себѣ представить, какую ахинею несли подкупленные журналы! Въ Минхенѣ выходитъ бѣшенокатолическій журналъ *историко-политическіе листы для католической Германіи*, издаваемый Эдмундомъ Іоргомъ и Францомъ Биндеромъ,

Нынѣ книжный магазинъ А. Франка приступилъ къ изданію, въ Германіи, новаго русскаго журнала въ направленіи

двумя извѣстными австрійскими агентами. Тамъ упрекаютъ намъ, что мы описали Николаевскую тайную полицію какъ будто *дикихъ звѣрей*. Гг. Іоргъ и Биндеръ ошибаются: звѣрь, причиняя зло и вредъ, непонимаетъ, что онъ дѣлаетъ, а полицейскіе Николаевскіе агенты понимали. что творятъ, слѣдовательно они хуже дикихъ звѣрей, и мы никогда не клеветали на звѣрей, сравнивая съ ними подобныхъ людей. Берлинскій журналъ: *магазинъ иностранной литтературы*, помѣстилъ о нашей книгѣ нѣсколько статей довольно-безпристрастныхъ, какъ вдругъ, подкупленный петербургскамъ правительствомъ, напечаталъ, въ видѣ дополнительной статьи, пасквиль (встрѣченный нами, разумѣется, съ глубочайшимъ презрѣніемъ), и вошелъ въ такій азартъ, что упрекаетъ насъ въ невѣрности цифръ винно-откупнаго дохода, и въ подтвержденіе истины своихъ сказокъ приводитъ цифру этаго дохода съ 1851 на 1858 годъ. Наемный писака, взявшійся разбирать книгу о Россіи, русскимъ написанную, не зналъ даже, что съ послѣднихъ торговъ 1858 года винный откупъ сталъ приносить дохода въ полтора раза болѣе прежняго! И въ томъ и въ другомъ журналѣ въ особенности бѣсновались за высказанную нами истину, что въ Россіи царствуетъ домъ Голштейнъ-Готторпскій, а не Романовы, угасшіе въ мужскомъ колѣнѣ въ 1730 году, а въ женскомъ колѣнѣ въ 1761 году (видно правда заживо задѣла — иначе бы такъ бѣситься не стали!) Забавно было видѣть два *нѣмецкихъ* журнала, изъ кожи вылѣзающихъ чтобы доказать, что въ Россіи цар-

монархическомъ-конституціонномъ. Журналъ этотъ, называемый *Будущность*, выходитъ въ неопредѣленные сроки; каж-

---

ствуютъ не Нѣмцы, а Русскіе! Велика сила денегъ! Чтобы русскому правительству употреблять, внутри Россіи, на дѣла общеполезныя, на увеличеніе окладовъ жалованья бѣднымъ чиновникамъ, или на улучшеніе путей сообщенія, огромныя деньги, расходуемыя имъ на безчисленное множество шпіоновъ и на оффиціальныхъ баснописцевъ? . . . . .

Упоминая о русскихъ изданіяхъ за границею, мы не будемъ говорить о сочиненіяхъ Ивана Гавриловича Головина, которыя, равно какъ и характеръ ихъ автора, оцѣнены публикою по достоинству, но не можемъ не упомянуть о покойномъ, весьма пустомъ журнальчикѣ Gazette du Nord, въ назиданіе людямъ бездарнымъ не браться за то, чего не въсостояніи сдѣлать. Журнальчикъ этотъ выходилъ въ Парижѣ еженедѣльно по-субботамъ, съ Октября прошлаго 1859 года, и послѣ девятимѣсячнаго, чахоточнаго существованія, скончался 30 Іюня нынѣшняго 1860 года, отъ недостатка подписчиковъ. Издавали его Гавріилъ Ивановичъ Рюминъ, помѣщавшій въ немъ статьи наивно-пустыя, и Г. Сазоновъ, наполнявшій его статьями, изъявлявшими огромныя притязанія на глубокомысліе, но въ сущности пустозвонными до-нельзя. Журнальчикъ воспѣвалъ неумолкные хвалебные гимны редакціонной коммиссіи и всѣмъ ея нелѣпостямъ, и отличался своимъ благоговѣніемъ передъ геніемъ и передъ высокими гражданскими доблестями генерала Ростовцова, смерть коего журнальчикъ пережилъ лишь четырьмя мѣсяцами. Лебединою пѣснію журнальчика былъ разборъ французской книги Николая Ар-

дый No. его поступаетъ въ продажу отдѣльно, а статьи и письма, назначенныя къ помѣщенію въ этомъ журналѣ, можно ему пересылать черезъ книжный магазинъ А. Франка, (въ Парижѣ, на улицѣ Ришелье, въ домѣ подъ No. 67).

Какъ петербургское правительство ни стародурствуй, какъ оно ни усиливай цензуру, но русскимъ уже теперь оно рта не зажметъ. Тѣ времена уже прошли, когда можно было куралесить и гудодѣть подъ покровомъ мрака. Единственнымъ (и весьма впрочемъ полезнымъ) результатомъ этаго стародурнаго направленія выйдетъ то, что чѣмъ цензура въ Россіи будетъ строже, тѣмъ болѣе будутъ

сеньевича Жеребцова: *исторія просвѣщенія въ Россіи*, книги самой бездарной, самой пустой и наполненной похвалами Николаю Павловичу. Рецензентъ, по имени Бертранъ Бопъ, имѣлъ наглость написать, что Г. Жеребцовъ сочетаетъ въ себѣ качества Тацита съ качествами Г. Гизо, и что онъ принадлежитъ къ числу величайшихъ историческихъ писателей. Намъ любопытно знать, чтобы сказалъ покойный Александръ Анфимовичъ Орловъ, если-бы ему вдругъ объявили, что онъ сочетаетъ въ себѣ качества Пушкина и Лермонтова?

Усопшій журнальчикъ Gazette du Nord не должно смѣшивать съ ежедневнымъ журналомъ Le Nord, выходящемъ въ Брюсселѣ, коего издатели Николай Петровичъ Поггенполь и двоюродный братъ его Егоръ Николаевичъ Поггенполь.

печатать по-русски — за границею, а всѣмъ извѣстно, что помѣшать ввозу книгъ въ Россію невозможно. Вмѣсто того, чтобы напрягать и истощать всѣ силы свои въ борьбѣ съ просвѣщеніемъ и съ духомъ вѣка, борьбѣ, въ коей успѣхъ невозможенъ, которая смѣшна и слѣдовательно неприлична для правительства, имѣющаго притязанія на образованность, не въ тысячу-ли разъ лучше было-бы разрѣшить русскимъ печатать, въ Россіи-же, о предметахъ относящихся до пользы Государства и до блага частныхъ лицъ; отмѣнить предварительную ценсуру, и замѣнить ее закономъ о печатаніи, закономъ строгимъ, но опредѣлительнымъ? Проступки противъ этаго закона слѣдовало-бы судить судомъ гласнымъ и публичнымъ. Тогда Государь будетъ знать, по-крайней мѣрѣ, что дѣлается у него въ государствѣ, и не будетъ отвѣчать, передъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ своею собственною совѣстію, за гнусности, безъ его вѣдома, но его именемъ совершаемыя чиновною ордою, власть коей нынѣ далеко превосходитъ власть царскую.

Глава XIV.

О русскомъ духовенствѣ.*)

Много и часто нападаютъ на русское духовенство; много и часто бранятъ его и осыпаютъ упреками. Эта брань, эти

*) Мы получаемъ отъ многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ письма, съ изъявленіемъ сочувствія занзданіе нами книги: *Правда о Россіи;* отвѣчать на эти письма намъ невозможно, чтобы не компрометтировать передъ Петербургскимъ правительствомъ тѣхъ лицъ, которыя ихъ писали, но мы просимъ этихъ благородныхъ и уважаемыхъ нами лицъ принять изъявленіе нашей глубочайшей, душевной благодарности и вѣрить, что мы высоко цѣнимъ ихъ сочувствіе и вмѣняемъ себѣ оное въ большую честь.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ намъ изъявляютъ сожалѣніе, что о духовенствѣ помѣщена нами только одна глава въ нашей книгѣ, и прибавляютъ, что о такомъ важномъ предметѣ можно-бы написать тома два или три. Мы совершенно согласны съ почтеннымъ . . . .,

упреки въ высшей степени несправедливы и незаслужены. Честно-ли нападать на жертву, вмѣсто того, чтобы нападать на виновника, на преступника? Преступникъ и виновникъ — это русское правительство. Хотя русскій Царь не есть глава церкви, (какъ весьма ошибочно думаютъ въ Европѣ), хотя онъ только мірскій покровитель ея, главою же церкви Іисусъ Христосъ, а власть разъяснять догматы вѣры принадлежитъ, на землѣ, исключительно вселенскимъ соборамъ, но поступки нашихъ царей съ духовенствомъ, иго, ими на него наложенное, деспотизмъ ихъ надъ духовными лицами, безъ всякаго различія сана, заставляютъ насъ сказать, что цари наши распоряжаются, точно будто-бы они были законными главами и

что о духовенствѣ можно написать нѣсколько томовъ, но много-ли найдется имъ читателей? Во первыхъ, мы писали не объ одномъ только духовенствѣ, а вообще о Россіи, и во вторыхъ, въ нашъ вѣкъ, столь-обильный и политическими событіями и частными занятіями, много-ли найдется людей, имѣющихъ продолжительные досуги для чтенія? Писать весьма легко, но умѣть нужно писать такимъ образомъ, чтобы книга нашла читателей! Еще разъ благодаримъ почтеннаго ..... за его замѣчаніе: оно доказываетъ, что онъ живо принимаетъ къ сердцу успѣхъ нашихъ изданій, единственная цѣль коихъ: принести и нашу посильную, малую лепту на пользу Россіи.

начальниками церкви, и тѣмъ посягаютъ на права божескія. Куда дѣвался старинный обычай первобытной церкви, еще до семнадцатаго вѣка сохранявшійся въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ областей, которыя, въ старину, входили въ составъ земли новогородской, и въ силу коего іереи избираемы были прихожанами, а земство имѣло участіе въ избраніи епископовъ? Куда дѣвался обычай избранія патріарха, въ семнадцатомъ вѣкѣ существовавшій? Извѣстно, что по кончинѣ каждаго патріарха, въ Москву съѣзжались митрополиты, архіепископы, епископы, игумены ставропигіяльныхъ монастырей; избирали трехъ кандидатовъ, писали имя каждаго на бумагѣ, и клали эти бумаги на олтарь Успенскаго Собора, въ Кремлѣ. Послѣ торжественной обѣдни и молебствія, старѣйшій изъ митрополитовъ, блюститель патріаршаго престола, бралъ съ олтаря одну изъ трехъ бумагъ, и тотъ, чье имя было написано на этой бумагѣ, объявляемъ былъ патріархомъ всероссійскимъ.

Не мѣшаетъ припомнить здѣсь нѣсколько случаевъ въ доказательство, какимъ образомъ русскіе цари и царицы обходились съ духовенствомъ.

Въ царствованіе Анны, одинъ изъ самыхъ знаменитѣйшихъ Іерарховъ Россійской церкви, Ѳеофилактъ Лопатинскій,

архіепископъ Тверскій, написалъ книгу въ защиту православной церкви отъ пререканій лютеранъ. Въ то время, какъ извѣстно, вся власть находилась въ рукахъ лютеранина — Бирена. Архіепископъ былъ схваченъ, подъ мірскимъ именемъ *Ѳедора* переданъ въ тайную канцелярію, пытанъ, битъ кнутомъ и заключенъ въ темницу, въ коей сидѣлъ до паденія Бирена.

Петръ III, какъ извѣстно, отнялъ у духовенства вотчины; Екатерина воспользовалась злобою духовенства на Петра, и злоба эта много ей содѣйствовала низвергнуть мужа и вступить на престолъ. Немедленно по воцареніи своемъ, она возвратила духовенству его вотчины, но два года спустя подкупила митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ; они представили ей прошеніе, въ коемъ объясняли, что управленіе вотчинами, занятія мірскими дѣлами и дрязгами, съ управленіемъ этимъ неразлучныя, мѣшаютъ имъ заботиться о спасеніи душъ ихъ, и просили отобрать вотчины въ казну, что было немедленно исполнено. Одинъ только голосъ возсталъ противъ этой мѣры: голосъ Арсенія Мацѣевича, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, мужа ума замѣчательнаго, характера крутаго и желѣзной энергіи. Онъ обвинилъ товарищей своихъ въ про-

дажности: они воскипѣли гнѣвомъ; объявили его бунтовщикомъ противъ царской власти, разстригли въ простые монахи, и сослали въ монастырь. Тамъ, находясь подъ присмотромъ, онъ имѣлъ неосторожность сказать истину впрочемъ несомнѣнную, а именно, что принцы Брауншвейгскіе (братья Императора Іоанна Антоновича), въ то время заключенные въ Холмогорахъ, имѣютъ еще нѣкоторое право на россійскій престолъ, въ качествѣ *законныхъ* правнуковъ старшаго брата Петра I, Царя Іоанна V, но что Екатерина и Павелъ, вдова и сынъ Петра III, который самъ былъ сыномъ незаконнорожденной дочери Петра I, Анны Петровны — уже рѣшительно никакаго права на россійскій престолъ не имѣютъ! Арсеній былъ схваченъ, исключенъ изъ монашескаго сословія, и подъ именемъ *Андрея Враля* заключенъ въ Ревельскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ около пятнадцати лѣтъ, до самой смерти своей, въ сыромъ и холодномъ казематѣ, на единственномъ, маломъ окнѣ коего постоянно лежалъ желѣзный замокъ, который ему обѣщали всунуть въ ротъ, если онъ будетъ продолжать говорить противъ Екатерины!

Императоръ Павелъ, въ одномъ изъ частыхъ своихъ припадковъ полу-сумас-

шествія, вообразилъ, что онъ глава церкви, и что имѣя право, въ качествѣ царя миропомазаннаго, принимать святое Причастіе по обряду іереевъ и епископовъ, онъ можетъ, подобно имъ, служить обѣдню. Всѣ пришли въ ужасъ, но какимъ образомъ помѣшать сумасшедшему самодержцу исполнять свои затѣи? Къ счастію, нашелся человѣкъ умный и душевно-преданный Павлу за полученныя отъ него благодѣянія: графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ. Онъ сказалъ Павлу: *у насъ, въ православной вѣрѣ, священникъ можетъ быть женатъ лишь одинъ разъ. Ваше Величество состоите во второмъ бракѣ, и потому Вамъ священническихъ требъ исполнять невозможно.* Павелъ отвѣчалъ: *ты правъ, мой милый*, и раздумалъ служить обѣдню.

При Николаѣ Павловичѣ, архіепископъ Иркутскій Иринеи, человѣкъ характера крутаго, поссорился съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Александромъ Степановичемъ Лавинскимъ. Государь послалъ, для разбора дѣла, флигельадъютанта Ивана Ивановича Гогеля, и жандармскаго полковника (въ послѣдствіи бывшаго полиціймейстеромъ въ Москвѣ), Брянчанинова. Гогель велѣлъ схватить архіепископа, посадилъ его въ четвероместную карету, *объ дверцы коей запер-*

ты были на ключь, и приказалъ Брянчанинову вести его, такимъ образомъ, изъ Иркутска въ Вологодскую губернію, гдѣ Ириней былъ заключенъ въ монастырь на весь остатокъ дней своихъ!

Ни одно духовное лицо въ Россіи, какимъ бы высокимъ саномъ оно ни было облечено, какимъ бы умомъ и какими-бы добродѣтелями оно ни отличалось, ни въ чемъ и никогда не изъято изъ подъ желѣзныхъ когтей самодержавнаго своеволія и августѣйшаго беззаконія. Ни одинъ архіепископъ, ни одинъ митрополитъ не смѣютъ сдѣлать ни однаго шага, не смѣютъ вымолвить ни единаго слова иначе, какъ убѣдившись напередъ, что этотъ шагъ, что это слово не будутъ непріятными правительству. Лишь только одинъ изъ пастырей церкви навлекаетъ на себя неудовольствіе правительства, онъ беззащитно-подвергается всевозможнымъ непріятностямъ, а подъ часъ и бѣдствіямъ. По этому большая часть изъ числа нашихъ церковныхъ іерарховъ являются самыми низкопоклонными льстецами, самыми затѣйливыми угодниками временщиковъ и царской дворни. За то, наползавшись передъ царскою дворнею, они съ лихвою вымѣщаютъ свое униженіе, свою досаду на подвѣдомственномъ имъ духовенствѣ, обходясь съ своими подчиненны-

ми, не какъ отцы съ дѣтьми, но какъ всемогущіе деспоты съ безотвѣтными рабами. Никакія слова не смогутъ изобразить ихъ надменности, ихъ дерзости, ихъ грубости къ духовенству, особенно къ сельскому, еще болѣе городскаго беззащитному. Отсутствіе независимости порождаетъ множество пороковъ! Принужденные ползать передъ дворцею царскою, большая часть русскихъ іерарховъ ищутъ уврачеванія ранъ самолюбія своего въ комфортѣ и въ наслажденіяхъ жизни, и дѣлаются взяточниками.*) Чиновная орда, въ Россіи умѣвшая всѣмъ завладѣть, забрала къ себѣ въ руки и епархіальныя консисторіи, которыя содѣлались вертепами грабежа самаго необузданнаго: въ нихъ все продается и все покупается. Въ ееархіальныхъ консисторіяхъ русскій бюрократическій грабежъ возведенъ въ систему самуюполную и самую совершенную.

*) Изънынѣшнихъ іерарховъ особенно-прославились взятками: архіепископъ полоцкій Василій, архіепископъ курскій Иліодоръ, архіепископъ подольскій Иринархъ, епископъ владимірскій Іустинъ, епископъ полтавскій Наеанаилъ, но болѣе всего архіепископъ рязанскій Смарагдъ, тройный экстрактъ разбойника. Подвиги Смарагда, вмѣстѣ съ подвигами покойнаго тульскаго епископа Дамаскина, мы со временемъ предадимъ гласности и на русскомъ и на французскомъ языкахъ.

Сколько въ Россіи іерарховъ, объѣзды коихъ по епархіи составляютъ истинное раззореніе для бѣднаго духовенства!....

Положеніе низшаго духовенства ужасно! Въ городахъ, сколь оно ни тяжко, но еще не такъ горестно и не такъ унизительно, какъ въ селахъ. Сельскій священникъ, бѣдный, лишенный всѣхъ средствъ къ жизни образованной; часто подвергнутый невѣжливому, а иногда и презрительному обхожденію мѣстныхъ помѣщиковъ, влачитъ жизнь, по-истинѣ преисполненную страданіями. Безотвѣтноподчиненный всѣмъ прихотямъ и полному своеволію начальства своего, которое обходится съ нимъ, какъ съ рабомъ, священникъ, человѣкъ семейный и мѣсту своему обязанный хлѣбомъ насущнымъ, можетъ, при первой прихоти своего архіерея, лишиться этаго мѣста, а слѣдовательно и пропитанія; можетъ быть разжалованъ архіереемъ въ дьячки, и можетъ видѣть семейство свое принужденнымъ итти по міру. Позволительно-ли, послѣ всего этого, обращаться съ упреками къ этимъ несчастнымъ? Конечно нѣтъ. Надобно сожалѣть о нихъ и молить Бога, чтобы онъ просвѣтилъ петербургское правительство, которое понять не можетъ, что презрительное его обхожденіе съ духовенствомъ повергло это сословіе въ состояніе самое

униженное, и черезъ то потрясаетъ одну изъ важнѣйшихъ подпоръ порядка общественнаго. Совѣтуемъ, кто не читалъ изданную за границею книжку *Описаніе сельскаго духовенства*, прочесть это сочиненіе умнаго священника. Чтеніе ея заставляетъ содрогаться .....

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ взаимной вражды (да, *вражды*, къ несчастію оно такъ), епископовъ и священниковъ — выборъ епископовъ изъ монаховъ, сословія безбрачнаго, между тѣмъ какъ священники, за исключеніемъ однихъ іеромонаховъ, не только женаты, но должны быть женатыми. Можетъ-ли монахъ, (рѣдкіе изъ нихъ были въ бракѣ до своего постриженія) понять и оцѣнить всѣ необходимыя условія и потребности жизни семейной, жизни людей, часто обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ? Притомъ, священникъ не можетъ достичь епископскаго сана иначе, какъ въ случаѣ, если овдовѣетъ и пострижется въ монахи, и потому епископъ, его всемогущій властелинъ, взираетъ на него, какъ на существо низшее, которое никогда не можетъ съ нимъ сравняться, и обходится съ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ.

Въ первобытныя времена христіанской церкви, епископы были избираемы безъ всякаго различія, между священниками

какъ и между монахами; безбрачіе вовсе не было необходимымъ условіемъ, и неоднократно люди женатые хиротонисаны были въ епископы. Къ чемуже, въ Россіи, преграждать женатымъ священникамъ доступъ къ епископскому званію? Это тѣмъ болѣе непостижимо, что всякій епископъ неизбѣжно состоитъ, по дѣламъ своей епархіи, въ общеніи и часто въ столкновеніи съ интересами мірскими. Монахъ, при своемъ постриженіи, отрѣшается клятвою отъ ветхаго Адама, умираетъ духовно, и обѣщаетъ быть чуждымъ всему мірскому: какъ же ему пещись и заботиться о дѣлахъ мірскихъ? Для него это неприлично. Священникъ, поступая въ санъ іерейскій, вовсе не отрѣшается отъ дѣлъ и заботъ мірскихъ; онъ женатъ, онъ можетъ владѣть собственностію: для него нѣтъ никакаго неприличія пещись и заботиться о дѣлахъ мірскихъ. Поставлять епископовъ изъ священниковъ, не только вполнѣ соотвѣтствовало-бы всѣмъ требованіямъ религіознымъ и всѣмъ приличіямъ общественнымъ, но еще было-бы вѣрнѣйшимъ средствомъ уменьшить число лицъ сословія монашескаго, сословія празднаго, развратнаго, и послѣ чиновниковъ самаго вреднаго сословія въ Россіи.

Намъ кажется также, что прилично и полезно было-бы возвратиться къ обы-

чаямъ первобытной христіанской церкви, и нетребовать болѣе отъ священниковъ, чтобы они были женатыми. Почему-бы недозволять имъ оставаться въ безбрачіи, если они того пожелаютъ?*)

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ униженнаго состоянія, въ коемъ находится русское духовенство, въ образованіи, должно къ сожалѣнію признаться, далеко уступающее духовенствамъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій — это дурное, чтобы не сказать скверное, устройство семинарій. Перемѣнить и преобразовать вдругъ семинаріи — невозможно, а между тѣмъ это дѣло важности неотложной. Гораздо лучше было-бы семинаріи вовсе упразднить; учредить курсы богословскіе при университетахъ, и открыть доступъ къ епископству всѣмъ лицамъ, прошедшимъ полный университетскій курсъ. Духовныя академіи слѣдуетъ не только сохранить, но еще улучшить, и поставить ихъ въ уровень съ современными тре-

*) Митрополитъ Московскій, какъ мы слышали, въ нынѣшнемъ году посвятилъ въ священники человѣка безбрачнаго. Это прекрасно, но вмѣстѣ съ этимъ необходимо хиротонисать въ Епископы женатыхъ священниковъ. Если ограничиться только послѣдованіемъ примѣру, поданному митрополитомъ Филаретомъ, то это будетъ лишь новымъ захватомъ монашескаго сословія надъ сословіемъ бѣлаго духовенства.

бованіями, въ чемъ онѣ имѣютъ большую нужду.

Правительству русскому непремѣнно слѣдовало-бы, и для блага православной церкви, и для собственныхъ, разумныхъ выгодъ своихъ, вывести православное духовенство изъ его состоянія униженнаго и унизительнаго, и поставить его въ положеніе приличное, которое внушалобы къ нему подобающее уваженіе. Этаго невозможно совершить не поставивъ духовенство на ту степень независимости, на коей оно могло-бы, безъ всякаго впрочемъ вмѣшательства въ дѣла политическія и мірскія, управлять дѣлами церковными прилично, благородно и согласно потребностямъ времени. Оставлять духовенство въ его настоящемъ положеніи, въ положеніи баталіона, который безмолвно повинуется своимъ офицерамъ-іерархамъ, въ свою очередь безмолвно принимающимъ и подобострастно исполняющимъ всѣ повелѣнія правительства, какаго-бы рода они ни были, и неразумно, и неблагородно, и опасно. Неразумно и неблагородно потому, что этимъ унижается вѣра; опасно потому, что унижать вѣру — значитъ развращать народъ, и черезъ то подкапывать прочность зданія общественнаго. Совѣтуемъ петербургскому правительству наконецъ образумиться и подумать объ этомъ!

Намъ кажется, что вѣрнѣйшимъ средствомъ возстановить духовенство русское на степень достаточной независимости по дѣламъ духовнымъ, было-бы возвращеніе, отчасти, къ выборному началу, принятому церковію христіанскою въ первые вѣка своего бытія, а именно:

1. чтобы духовенство каждой эпархіи представляло правительству трехъ кандидатовъ, между коими Правительство выбирало-бы епископа въ ту эпархію;

2. чтобы епископъ ни въ какомъ случаѣ (кромѣ самовольнаго отреченія отъ должности), немогъ быть удаленъ изъ своей епархіи иначе, какъ по суду Св. Синода, и чтобы перемѣщеніе епископовъ не могло происходить иначе, какъ съ ихъ согласія, и съ согласія духовенства той епархіи, въ которую они перемѣщаются;

3. чтобы Св. Синодъ состоялъ изъ митрополитовъ новгородскаго, кіевскаго и московскаго, (которые и нынѣ въ немъ засѣдаютъ), и сверхъ того, изъ шести или семи архіереевъ или епископовъ, по избранію ихъ товарищей. Эти шесть или семь лицъ, однажды избранные, должны были-бы оставить свои эпархіи, получили-бы титулъ митрополитовъ, и становились-бы членами Св. Синода на всю жизнь свою, съ содержаніемъ, соотвѣтственнымъ ихъ высокому сану;

4. Синодальному оберъ-прокурору слѣдовало-бы наблюдать лишь за тѣмъ, чтобы синодъ не вмѣшивался ни въ дѣла политическія, ни въ дѣла мірскія, но вовсе не слѣдуетъ оберъ-прокурору вмѣшиваться въ дѣла духовныя, и являться начальникомъ духовенства, какъ было доселѣ;

5. Каждые пять, или шесть, или семь лѣтъ, слѣдовало-бы собираться въ Москвѣ Всероссійскому Собору, изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ, архимандритовъ, и изъ депутатовъ духовенства городскаго и сельскаго. Синодъ отдавалъ-бы этому Собору отчетъ въ своемъ управленіи церковію;

6. Семинаріи слѣдовало-бы упразднить, и учредить богословскіе курсы при университетахъ;

7. Къ епископскому званію слѣдовало-бы открыть доступъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ дипломъ университетскаго магистра.

Само собою разумѣется, что свобода вѣроисповѣданія должна быть полною и безграничною; совѣсть человѣческая должна отъ всѣхъ быть почитаема святилищемъ, недоступнымъ никакой власти на землѣ; единъ Богъ имѣетъ ключь къ этому святилищу и зритъ происходящее въ немъ. Преслѣдованія, пытки, казни никогда не обратили никого на путь истины; напротивъ, всегда ожесточали

преслѣдуемыхъ въ ихъ упорствѣ; всегда имѣли конечнымъ результатомъ превращать заблужденныхъ и неразумныхъ въ мучениковъ; черезъ то возвышать ихъ въ глазахъ міра, придавать новую силу заблужденіямъ и новую жизнь ересямъ. Мы преданы и сердцемъ и душою нашей Матери Святой Православной, Восточной, Апостольской Церкви, и потому полагали-бы ее оскорбить и опозорить мыслію, чтобы она, когда-либо и гдѣ-либо, для своего поддержанія, для своего благосостоянія, для своего распространенія могла имѣть нужду въ жандармахъ, въ тюремщикахъ и въ палачахъ. Она не нуждается ни въ чемъ, кромѣ благословенія Всевышняго и свободы гражданской, этой свободы, для коей Евангеліе служитъ, въ одно и тоже время, и священнымъ источникомъ, и самымъ величественнымъ глаголомъ.

Мы умоляемъ русское правительство обратить, и какъ можно поспѣшнѣе, особенное вниманіе свое на плачевное состояніе духовенства православнаго. За это состояніе отвѣчать будетъ, передъ престоломъ Всевышняго, уже конечно не это несчастное духовенство, а правительство, доведшее его до того. Умоляемъ русское правительство возвести наконецъ православное духовенство въ положеніе, достойное служителей алтаря Божьяго.

Глава XV.

О вѣротерпимости.

Въ отношеніи къ вѣротерпимости, правительство наше распоряжается точно также, какъ и по всѣмъ прочимъ вѣтвямъ государственнаго управленія, тоесть безъ всякой опредѣленной системы, по произволу безграничному, къ тому же урывками и порывами, прыжками и скачками. Свобода вѣроисповѣданія включена въ число основныхъ россійскихъ государственныхъ законовъ, но всѣмъ извѣстно, что изъ всѣхъ россійскихъ законовъ, основныхъ и неосновныхъ, ненарушимо всегда соблюдался только лишь одинъ — законъ, дозволяющій Государю дѣлать все, что ему угодно, и творить всякія прихоти свои, мимо всѣхъ законовъ! Правительство наше, вмѣсто того, чтобы принять соблюденіе вѣротерпимости за непреложное правило политики своей, какъ подобаетъ

всякому правительству образованному, всякому правительству разумному и честному, распоряжается по-совершенному произволу: для однихъ допускаетъ полную вѣротерпимость; для другихъ допускаетъ ее въ половину, а третьимъ вовсе въ ней отказываетъ. Такимъ образомъ спокойно пользуются полною свободою вѣроисповѣданія лютеране, англикане, мусульмане и язычники. Римско-католики пользуются свободою вѣроисповѣданія, но по-временамъ подвергаются гоненіямъ; евреи пользуются свободою вѣроисповѣданія, но лишены многихъ гражданскихъ правъ, въ коихъ правительство неотказываетъ и самимъ язычникамъ; наконецъ, раскольники не пользуются законною свободою вѣроисповѣданія, но въ сущности пользуются ею вполнѣ, подъ покровительствомъ полиціи, городской и земской, состоящей у нихъ на жалованьѣ. Иногда самые іерархи нашей церкви берутъ взятки и покровительствуютъ раскольникамъ; всѣмъ извѣстно, что архіепископъ Смарагдъ, бывши на Орловской епархіи, хотѣлъ объявить сумасшедшимъ и посадить въ домъ ума — лишенныхъ однаго честнаго и почтеннаго сельскаго іерея, не хотѣвшаго брать взятокъ съ раскольниковъ для записки ихъ именъ въ книгу православныхъ исповѣдниковъ. Іерей успѣлъ

бѣжать въ Петербургъ; будучи лично извѣстнымъ оберъ-прокурору синода, графу Александру Петровичу Толстому, онъ получилъ аудіенцію у Императрицы Маріи Александровны въ личномъ присутствіи Государя, разсказалъ все Ихъ Величествамъ, и что же вышло? Высокопреосвященный разбойникъ, вмѣсто того, чтобы быть судимымъ и сосланнымъ въ Сибирь, былъ переведенъ въ Рязань, тоесть ему, ограбившему епархію Орловскую, предоставили грабить епархію Рязанскую, чѣмъ онъ нынѣ и занимается съ полнымъ успѣхомъ.*) По настоящему, свобода вѣроисповѣданія, въ Россіи, существуетъ подъ покровомъ чиновной орды, и взятки составляютъ крѣпкій оплотъ ея. Подъ часъ случится какій-нибудь набѣгъ административный; ревизія, слѣдствіе, или что нибудь тому подобное, пронесется подобно бури и грому, все разрушающимъ на ихъ пути; а послѣ все стихнетъ, придетъ въ прежній порядокъ, и взятки взимаются по-прежнему. Подобное государственное устройство исключаетъ всякую мысль о правительствѣ

*) Въ бытность Смарагда на Орловской епархіи, одинъ изъ его подчиненныхъ, сильно имъ ограбленный, сочинилъ ему акаѳистъ съ припѣвомъ: *радуйся, Смарагде, великій и прославный сребролюбче!*

образованномъ и честномъ. Каждый человѣкъ имѣетъ священное и неотъемлемое право на свободу вѣроисповѣданія, и никто, кромѣ единаго Бога, не имѣетъ нималѣйшаго права требовать у него отчета въ его вѣрѣ и религіозныхъ обрядахъ его, доколѣ оные не нарушаютъ спокойствія или приличій общественныхъ.

Мы не будемъ здѣсь упоминать о мрачномъ царствованіи Николая Павловича, о его религіозной нетерпимости, о его жестокости и его сумасбродствѣ: мы будемъ говорить лишь о томъ, что происходитъ нынѣ. Вотъ уже шесть лѣтъ, что Александръ Николаевичъ на престолѣ, и во все это время два направленія, совсѣмъ противоположныя между собою, не только существуютъ, но еще находятся въ постоянномъ бореніи въ средѣ сферы правительственной; бореніе это проявляется во всѣхъ вѣтвяхъ правленія государственнаго, а между прочимъ и въ вопросѣ о вѣротерпимости. Государь желаетъ добра, слѣдовательно и реформъ; онъ не можетъ не желать добра, потому что всѣ его выгоды, й личныя и семейныя, тѣсно связаны съ выгодами Россіи. Дворня царская, напротивъ, желаетъ зла и не можетъ не желать его, потому-что при хорошемъ порядкѣ управленія, ей былобы невозможно вертѣть Государемъ и

грабить Россію. Произвести реформы значитъ преобразовать Россію, значитъ измѣнить нынѣшній порядокъ вещей, для царской дворни составляющій обильный золотый пріискъ: можетъ-ли она на это согласиться? Конечно никогда и ни въ какомъ случаѣ. А между тѣмъ, оба начала, старое и новое, ведутъ нынѣ борьбу на смерть. Государь не можетъ иначе произвести реформъ дѣльныхъ и прочныхъ, какъ напередъ разогнавъ свою гнусную дворню, а на это необходимы и геній и энергія, коихъ Александръ Николаевичь вовсе не-имѣетъ; если же онъ этого несъумѣетъ учинить, то грядущія событія произведутъ реформы путемъ насильственнымъ, и тогда Правительство подвергается опасности разлетѣться въ дребезги! Увидимъ что будетъ, но вовсе не смѣемъ надѣяться, чтобы Александръ Николаевичь съумѣлъ освободиться изъподъ ига дворни своей и разогнать ее.

Въ то самое время, когда Правительство прикидывается просвѣщеннымъ и гуманнымъ, въ то самое время, когда нѣкоторые иностранные журналы поютъ хвалебные гимны его либерализму, въ Россіи совершаются подъ-часъ такія событія, которыя живо напоминаютъ самые мрачные дни тяжелой николаевской эпохи. Кто не читалъ No. *Колокола* за 15 Фе-

враля 1860 года, тѣмъ совѣтуемъ прочесть тамъ описаніе, какимъ образомъ, въ 1858 году, въ Витебской губерніи, насиліемъ обращали римско-католиковъ въ православіе; какимъ образомъ ихъ били, сѣкли, мучили, толпами вгоняли въ православную церковь; хватали за головы, насильно растворяли рты и (страшно вымолвить!) вливали въ ротъ св. причастіе! Тамъ увидятъ, какимъ образомъ прибылъ въ Витебскую губернію по Высочайшей волѣ присланный сенаторъ Михаилъ Павловичъ Щербининъ; отправился на мѣсто совершенія этихъ ужасовъ, село Дзѣрновицы; собралъ мірскую сходку; крестьянамъ велѣно было подходить къ сенатору и цѣловать его руку: всякаго, сенаторскую десницу облобызавшаго, шутъ сенаторъ осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ, и каждаго, надъ коимъ сенаторъ творилъ крестное знаменіе, объявляли православнымъ! Щербининъ громогласно сказалъ крестьянамъ слѣдующую чушь: *воля царя — свята; царь — на землѣ, что Богъ на небѣ (!!!) Противиться царю — значитъ противиться Богу! Царь хочетъ, чтобы вы были православными — значитъ и Богъ того хочетъ (!!!).*

Будучи вѣрующимъ и душевно-преданнымъ сыномъ Святой Православной Восточной Апостольской Церкви, мы счи-

таемъ священнымъ долгомъ нашимъ дать всевозможную огласку подобнымъ гнусностямъ, и выставить ихъ у позорнаго столба общественнаго мнѣнія, на видъ всему образованному міру. Полагать, что православная церковь нуждается въ жандармахъ, въ тюремщикахъ, въ палачахъ, значитъ ее оскорблять и позорить. Подлый катихизмъ сенатора Щербинина — катихизмъ русской чиновной орды, но вовсе не святой Православной Церкви, все ученіе коей основано исключительно на чувствахъ милосердія и любви къ ближнему.

Одинъ изъ вопросовъ, въ коемъ Правительство наше являетъ наименѣе здраваго разсудка, и гдѣ безразсудство его можетъ повлечь къ послѣдствіямъ наиболѣе гибельнымъ для Россіи — это вопросъ обхожденія съ раскольниками.

У насъ, какъ извѣстно, нѣсколько расколовъ. Есть *старообрядцы*, есть *духоборцы*, есть *малаканы*, вѣрованіе коихъ основано на началахъ чисто-коммунистскихъ; *скопцы*, сумасбродное ученіе коихъ, искажая человѣка, потрясаетъ всѣ основы общественнаго быта; наконецъ *бѣгуны*, расколъ возникшій въ Россіи въ нынѣшнемъ девятнадцатомъ вѣкѣ, и по ученію своему подходящій къ ученію секты американскихъ мормоновъ; бѣгуны не при-

знаютъ ни брака, ни собственности, ни правительства, и всякій, кто поступаетъ въ ихъ расколъ, долженъ немедленно предать огню свои акты и всѣ бумаги о своемъ гражданскомъ положеніи въ свѣтѣ.

Въ числѣ этихъ расколовъ есть такіе, существованіе коихъ не можетъ быть допущено никакимъ правительствомъ разумнымъ и благоустроеннымъ, напримѣръ *скопцы и бѣгуны*, ученіе коихъ открыто и явно стремится разрушить всѣ основы быта государственнаго и быта общественнаго. Между этими двумя расколами и благоустроеннымъ гражданскимъ обществомъ борьба непримиримая, и никакая сдѣлка невозможна. Законное существованіе *малакановъ* не можетъ быть допущено иначе, какъ съ нѣкоторыми ограниченіями.

Что же касается до *старообрядцевъ*, то ученіе ихъ ни мало не нарушаетъ основныхъ началъ быта общественнаго. Расколъ ихъ возникъ при исправленіи патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ, въ которыя, по ошибкѣ переписчиковъ, въ теченіи вѣковъ вкралось множество искаженій, чего старообрядцы признать не хотятъ, равно какъ и того, что трехперстное крестное знаменіе, возстановленное Никономъ въ замѣнъ вкоренившагося въ средніе вѣка, въ Россіи, двухъ-пер-

стнаго — было утверждено Вселенскими Соборами. Старообрядцы, раздѣленные на двѣ секты: *поповщину*, признающую необходимость іерейскаго сана, и *безпоповщину*, отвергающую необходимость этаго сана, называютъ насъ, православныхъ, *никонианцами*, и злобясь на Правительство за его желаніе гнать ихъ, отказываются молиться за Императорскую Фамилію. Число старообрядцевъ значительно умножилось въ царствованіе Николая и продолжаетъ умножаться ежегодно. Причины тому весьма важны, и нужна вся недальновидность правительства русскаго чтобы не умѣть постичь этой важности, и не положить предѣла размноженію раскольниковъ; конечно не гоненіями: Боже упаси! Гоненія лишь содѣйствуютъ преуспѣянію и развитію расколовъ. Но дарованіемъ Россіи политической свободы и открытой гласности, правительство употребило-бы единственныя вѣрныя средства въ успѣшной борьбѣ со врагами, дѣйствующими подъ покровомъ тайны и подъ защитою злоупотребленій! Сильно-преданные своимъ вѣрованіямъ, какъ и всѣ секты, подъ гоненіемъ находящіяся и принужденныя облекаться тайною, старообрядцы ведутъ жизнь уединенную, тихую, скромную, воздержную, и черезъ то получаютъ возможность накоплять огро-

мныя состоянія. Изувѣры, подобно всѣмъ людямъ, обыденно-обреченнымъ на тайную борьбу для защиты своихъ мнѣній, расчетливы на расходы, даже скупы въ домашней жизни своей, но становятся щедрыми до изумленія тамъ, гдѣ идетъ дѣло о защитѣ и распространеніи ихъ вѣрованій. Крѣпостные люди, бѣжавшіе отъ своихъ господъ; мѣщане, вошедшіе въ неоплатные долги и ускользнувшіе отъ своихъ заимодавцевъ; бѣглые солдаты, безпашпортные бродяги, преступники, даже убійцы, находятъ у старообрядцевъ и пріютъ, и пищу, и одежду, подъ однимъ условіемъ принятія ихъ вѣроисповѣданія. Такимъ-то образомъ возросло число старообрядцевъ, нынѣ достигшее слишкомъ до девяти милліоновъ, то есть *до седьмой части всего народонаселенія Имперіи* (страшно сказать!). Число это, къ великой опасности Россіи, возрастаетъ ежегодно, и будетъ продолжать возрастать доколѣ въ Россіи не будетъ введено, какимъ-бы то ни было путемъ, правленія свободнаго, правленія представительнаго, конституціоннаго, и открытой гласности. Мѣстопребываніе и мѣсто убѣжищъ старообрядцевъ, какъ и всѣхъ прочихъ раскольниковъ, очень хорошо извѣстны полиціи и городской и земской, которая у нихъ на постоянномъ жалованьи. Раскольники, для

чиновной орды, составляютъ богатѣйшій изъ золотыхъ прiисковъ; подъ покровомъ этой орды они живутъ и распространяютъ свое ученіе, а чиновники, между собою, завидуютъ тѣмъ изъ товарищей своихъ, въ кругу вѣдомства коего находится поболѣе раскольниковъ.*) Во все время, какъ Дубельтъ управлялъ тайною полиціею, раскольники составляли, для него и для клевретовъ его, одну изъ самыхъ прибыльныхъ статей дохода.

Въ 1844 или 1845 году, австрійское правительство, всегдашній и постоянный врагъ Россіи — сыграло новую штуку. Старообрядцы издавна желали имѣть архіепископа, который-бы имъ поставлялъ епи-

---

*) Иногда раскольники мстятъ земской полиціи за ея поборы. Въ сороковыхъ годахъ, въ курской губерніи, одинъ изъ становыхъ приставовъ, наѣхавъ на сборище скопцевъ, потребовалъ отъ нихъ немедленно тысячу рублей ассигнаціями, сверхъ ежегодно-получаемой отъ нихъ суммы. Скопцы заплатили, но вслѣдъ за тѣмъ напоили станового пристава чаемъ съ дурманомъ, и когда онъ заснулъ, связали его, отвезли въ лѣсъ, тамъ.... и скрылись. Очнувшись, становый приставъ почувствовалъ себя скопцемъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Однажды крестьянскій мальчикъ спрашивалъ у дѣда своего: *дѣдушка, ты говоришь, что чортъ очень золъ и очень страшенъ: да что такое чортъ?* — Старикъ отвѣчалъ: *чортъ? это старшій изъ всѣхъ чиновниковъ!*

скоповъ, а эти послѣдніе поставляли-бы имъ іереевъ. Если-бы петербургское правительство имѣло довольно ума чтобы понять свои собственныя выгоды, то оно давно исполнило-бы ихъ желаніе. Даровавъ имъ дозволеніе имѣть духовенство, правительство, посредствомъ ихъ духовенства, пріобрѣло-бы возможность имѣть вліяніе на нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, даровавъ имъ право открыто исповѣдывать свою вѣру, могло-бы гораздо удобнѣе наблюдать за ихъ поступками, чѣмъ нынѣ, когда они принуждены дѣйствовать въ тайнѣ, подъ покровомъ взятокъ и чиновнаго подкупа. Дарованіе старообрядцамъ права открытаго вѣроисповѣданія было мыслію знаменитаго князя Потемкина, однаго изъ самыхъ умныхъ и самыхъ дальновидныхъ людей своего времени; было также мыслію однаго изъ умнѣйшихъ іерарховъ, однаго изъ самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ православной церкви, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Иннокентія: намъ случалось слышать о томъ изъ самыхъ устъ знаменитаго Пастыря, дружбою коего мы имѣли счастіе быть удостоены.

Старообрядцы, видя, что русское правительство не соглашается исполнить желанія ихъ, отыскали грека Амвросія, бывшаго архіепископомъ въ Босніи, и Царе-

градскимъ патріархомъ лишеннаго эпархіи. Этотъ Амвросій перешелъ въ старообрядчество; возложилъ на самаго себя санъ митрополита всѣхъ старообрядцевъ, и поселился въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ Галиціи, въ мѣстечкѣ Бѣлокриницѣ, которое нынѣ обратилось въ митрополію старообрядцевъ. Онъ раздѣлилъ всю Россію, тайнымъ образомъ, на двѣ эпархіи: 1. Владимірскую и Московскую, съ архіепископомъ, и 2. Симбирскую, съ двумя епископами. Іерархи эти посвящаютъ іереевъ, и все, благодаря взяткамъ, совершается съ вѣдома чиновной орды и тайной полиціи (конечно, князь Василій Андреевичь Долгоруковъ и генералъ Тимашевъ взятокъ не берутъ; но къ чему служитъ ихъ личное безкорыстіе, когда вокругъ нихъ все воруетъ, да иначе и быть не можетъ въ тайной полиціи, составленной изъ квинтъ-эссенціи мерзавцевъ всей Россіи.) Одинъ Государь остается въ совершенномъ, невинномъ невѣденіи о томъ, что творится по всей Россіи. Зимній Дворецъ точно какъ-будто на островѣ, отдѣленномъ отъ остальной имперіи проливомъ, наполненнымъ волнами грязи, именуемою царскою дворнею. Между тѣмъ, митрополитъ Кириллъ, преемникъ Амвросія, главный духовный іерархъ седьмой части народонаселенія Имперіи, живетъ на чужой землѣ,

подъ покровительствомъ правительства чужаго, правительства враждебнаго, и посредствомъ своихъ сношеній тайныхъ, но непрерывныхъ, съ многочисленными духовными дѣтьми своими, знаетъ все, что происходитъ въ Россіи, не взирая на то, что правительство русское, основанное на началѣ лжи оффиціальной, наивно мнитъ содержать свои дѣйствія подъ покровомъ тайны. Такимъ образомъ, во время послѣдней войны, все, что совершалось или предпринималось въ Россіи, было извѣстно врагамъ нашимъ посредствомъ митрополита бѣлокриницкаго, который узнавалъ все черезъ старообрядцевъ, своихъ усердныхъ духовныхъ дѣтей!

Во время нашествія Закревскаго на Москву, въ одиннадцатилѣтнюю эпоху грабежа первопрестольной столицы этимъ Чурбаномъ-Пашею, старообрядческій архіепископъ владимірско-московской епархіи, по имени Софроній, преспокойно проживалъ въ Москвѣ, совершалъ свои требы и поставлялъ іереевъ. По временамъ, полиція, съ шумомъ и громомъ, для вящщей огласки, совершала обыскъ въ домахъ извѣстныхъ старообрядцевъ, заблаговременно предваривъ Софронія, чтобы его въ такій-то день въ такихъ-то домахъ не было!

Подобный порядокъ вещей представляетъ многочисленныя опасности для

Россіи. Чиновная орда ни подъ какимъ видомъ не хочетъ допустить вѣротерпимости для раскольниковъ; ей хорошо извѣстно, что если имъ даровать свободу вѣроисповѣданія, то имъ не будетъ болѣе нималѣйшей надобности пресыщать чиновниковъ взятками, и орда чиновная лишится значительнаго дохода. Но, (въ сотый разъ повторяемъ въ этой книгѣ, — потому-что не повторять — невозможно), неужели рѣшительно допустятъ чиновную орду вести отечество наше къ переворотамъ, къ революціи? Неужели необходимо такъ много ума, чтобы увидѣть ясно, до какой степени вѣротерпимость была-бы выгодною не для однихъ раскольниковъ, но еще болѣе для самаго правительства? Исторгнуть седьмую часть народонаселенія Имперіи изъ подъ-вліянія (и изъ-подъ вліянія почти-безграничнаго) человѣка, живущаго въ землѣ австрійской, въ землѣ правительства чужеземнаго, правительства намъ враждебнаго и постоянно-предательскаго; дарованіемъ открытой свободы вѣроисповѣданія пресѣчь и съ корнемъ вырвать тайные ковы религіозной пропаганды, нынѣ опасной лишь потому только, что она дѣйствуетъ подъ покровомъ мрака и взяточничества, не было-ли бы это проявленіемъ политики самой разумной и самой искусной, не говоря уже о неотъ-

емлемыхъ, священныхъ передъ Богомъ правахъ совѣсти человѣческой, подлежащей лишь суду Единаго Всевышняго? Этимъ искуснымъ оборотомъ русской политики, нѣсколько милліоновъ враговъ внутреннихъ, враговъ заклятыхъ и тѣмъ болѣе опасныхъ, что они дѣйствуютъ и ведутъ подкопы свои подъ покровомъ тайны, превращены были-бы въ гражданъ мирныхъ, спокойныхъ и вѣрноподданныхъ. Намъ кажется, что вѣрнѣйшимъ средствомъ къ уменьшенію числа раскольниковъ вообще, безъ исключенія, и даже, въ будущемъ, къ *мирному* искорененію всѣхъ расколовъ — было-бы дарованіе имъ полной гласности и полной свободы книгопечатанія. Тогда, между ними и православнымъ духовенствомъ завязалась бы борьба упорная, посредствомъ гласности и печати, чего многіе расколы боятся выше всего: скопцы, напримѣръ, не дозволяютъ клевретамъ своимъ чтенія книгъ. Главная причина существованія всѣхъ расколовъ заключается именно въ гоненіи, преслѣдованіяхъ, наказаніяхъ, коимъ ихъ подвергаютъ, и которыя имѣютъ неминуемымъ послѣдствіемъ превращать жалкихъ заблужденныхъ въ жертвы, возводить ихъ на степень страдальцевъ, въ санъ мучениковъ. Если-бы правительство не принуждало расколы скрываться подъ

покровомъ тайны, всегда заманчивой для ума человѣческаго, если-бы оно позволило имъ выйти на свѣтъ Божій, на поприще гласности, на поприще состязанія и обсужденія словеснаго и письменнаго, то при помощи свободнаго книгопечатанія, заблужденія и ереси не могли-бы выдержать борьбы съ разсудкомъ, борьбы слишкомъ для нихъ неравной. Мало-помалу стали-бы они исчезать сами-собою, и наконецъ исчезли-бы совершенно. Типографскій станокъ — оружіе непобѣдимое противъ заблужденій и ересей, точно также какъ и противъ злоупотребленій.

Если правительство вздумаетъ упорствовать въ своей, столь вредной политической системѣ въ отношеніи къ раскольникамъ, если у него и въ будущемъ не хватитъ ни ума, ни твердости на перемѣну направленія, какъ не хватало доселѣ, знаетъ-ли оно, чему подвергается? Тому, что при первой войнѣ, непріятель, вступившій съ нами въ борьбу, провозгласитъ свободу вѣроисповѣданія для раскольниковъ, и черезъ это привлечетъ ихъ на свою сторону! Де не забываетъ также наше близорукое правительство, что раскольники много содѣйствовали возстаніямъ Разина и Пугачева!....

Правительство петербургское стоитъ нынѣ на перепутьѣ двухъ дорогъ; на

одной — при условіи разогнать царскую дворню и ввести новый образъ правленія — реформы мирныя, полезныя, благополучіе русскихъ и царской фамиліи, величіе Россіи. На другой дорогѣ — вліяніе царской дворни, чиновной орды, царство тайной полиціи, отсутствіе гласности, своеволіе, казнокрадство, государственное безсиліе въ дѣлахъ политики внѣшней, безурядица въ дѣлахъ внутреннихъ, безденежье, всеобщее неудовольствіе — и на концѣ пути — революція! Россія не погибнетъ: она крѣпка, преисполнена силъ, и вынесетъ всякую горячку. Но что будетъ тогда съ царскою фамиліею и съ ея приближенными — угадать трудно!

Глава XVI.

Заключеніе.

Англичане, народъ практическій по-преимуществу, и конечно никогда не заслужившій упрека въ недостаткѣ отчизнолюбія, имѣютъ привычку обличать громогласно — и сколь можно громогласнѣе, всякое злоупотребленіе, которое только-что заведется у нихъ. Лишь только проявится какій-нибудь фактъ вредный, или неумѣстный, тотчасъ раздается вовсеуслышаніе обличительная, звонкая рѣчь гласности великобританской, самой обширной гласности во вселенной. Общественное вниманіе призывается на обличаемый фактъ, и тотчасъ все, что есть въ Англіи силъ умственныхъ, силъ живыхъ (а ихъ тамъ весьма много), обращается на искорененіе зла, гласностію указуемаго. За то Англія и пользуется обширнымъ могу-

ществомъ, наслаждается благосостояніемъ и свободою . . . .

Мы, русскіе, долго держались системы совершенно-противоположной. Вмѣсто того, чтобы обличать и потомъ искоренять все, что у насъ худаго и вреднаго, мы скрывали все это отъ гласности, чтобы утаить отъ взоровъ Европы. Мы ласкали наши пороки, мы холили ихъ, и съ любовію неразумною воспитывали въ теплицѣ и въ парникахъ оффиціальной тайны существующія у насъ злоупотребленія. Тамъ, въ этой теплицѣ и въ парникахъ этихъ, зло укрѣплялось, развивалось, разросталось на вящщій вредъ родинѣ. Правительство русское не только присвоило себѣ ложь, но пропиталось ею насквозь, устроило ей организацію оффиціальную, и возвело ложь на степень государственнаго учрежденія. Въ ослѣпленіи, почти всеобщемъ, *мы смѣшали любовь къ отчизнѣ съ любовію къ холопству;* ползая передъ Царями въ видѣ холоповъ, мы воображали себѣ, что служимъ отечеству, и забыли великую истину, что отчизнолюбіе и холопобѣсіе, — два чувства, не только совершенно-противоположныя между собою, но еще взаимно-исключающія другъ-друга.

У насъ, въ Россіи, собственность, личная безопасность, жизнь, и даже самая

честь русскихъ совершенно и беззащитно предана безграничному произволу правительства. Самодержавіе однаго человѣка возможно только на словахъ и на бумагѣ: на дѣлѣ оно рѣшительно невозможно; власть самодержавная превышаетъ силы человѣческія; и выходитъ въ сущности, что властію этою обладаютъ и распоряжаются сановники подлые и гнусные, употребляя самодержавіе на всякія мерзости. И тутъ еще встрѣчаются глупцы, идіоты, которые хлопочутъ лишь объ одномъ: чтобы все это оставалось тайною! Эти глупцы, эти идіоты согласны на то, чтобы ихъ били и топтали, но умоляютъ лишь объ одномъ: чтобы Европа о томъ не знала; чтобы Европѣ о томъ не разсказывать!

Фу! Нуженъ же конецъ всему этому; надобно же однако разорвать всякую связь съ этими преданіями дикими, азіатскими, съ этою системою тайны, которая недопускаетъ насъ выйти изъ болота, въ коемъ мы вязнемъ! Надобно же однако рѣшиться войти въ Европу, но войти въ сущности, сёрьозно, на дѣлѣ а не на словахъ; пора намъ перестать быть болѣе, чѣмъ полу-азіатцами; пора намъ содѣлаться людьми вполнѣ-образованными, и перестроить нашъ образъ правленія на образованный ладъ.

Взглянемъ и осмотримся вокругъ себя: куда привели и до чего довели насъ эта любовь къ тайнѣ, эта боязнь гласности, эта ложь оффиціальная и систематически-организованная? Прослѣдимъ безпристрастнымъ и не-холопскимъ взоромъ нынѣшнее состояніе Россіи, нынѣшнее состояніе этого обширнаго края, въ коемъ испорчены и заражены лишь чиновная орда и царская дворня; остальная же часть народонаселенія, во всѣхъ сословіяхъ, въ большинствѣ своемъ исполнена ума, смѣтливости, добродушія, и отличается отмѣнными, разнообразными качествами.

По-закону, на словахъ, и какъ утверждаетъ намъ оффиціальная государственная ложь, власть самодержавная находится въ рукахъ Императора. Это чистѣйшая ложь. Власть самодержавная находится въ рукахъ чиновной орды и царской дворни. Орда чиновная покрыла всю Россію желѣзною сѣтію своей власти; она терзаетъ всѣ сословія точно такъ, какъ терзала Россію орда монгольская въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкахъ; всѣ потребности жизни административной и жизни гражданской, и даже многія изъ числа потребностей жизни частной обращены чиновною ордою въ вѣтви личнаго ея дохода; жадная и подлая, эта всево-

рующая орда тѣснитъ почти всѣхъ русскихъ и грабитъ Россію.

Дворня царская, окруживъ Государя стѣною неприступною, совершенно его отдалила отъ его подданныхъ, и главнѣйшая забота ея состоитъ въ томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускать до Государя людей умныхъ, способныхъ и честныхъ; потому-что во всякомъ человѣкѣ честномъ, способномъ и умномъ дворня царская видитъ личнаго себѣ врага. Чиновная орда и царская дворня крѣпко-на-крѣпко поддерживаютъ одна другую: имъ хорошо извѣстно, что паденіе одной изъ нихъ неминуемо повлечетъ за собою, въ скоромъ времени, паденіе и другой, и потому между ними чортовъ союзъ противъ блага Россіи.

Окинувъ взоромъ эту обширную всероссійскую имперію, границы коей облегаютъ слишкомъ девятую часть земнаго шара, что увидимъ мы, на этомъ огромномъ пространствѣ? Правосудія нѣтъ, его вовсе не существуетъ; проходишь десять инстанцій съ кредитными билетами или съ серіями въ рукѣ, и что же? въ одиннадцатой инстанціи натыкаешься на прихоть Царскую, а мы еще на своемъ вѣку помнимъ, какъ прихоть Царская была проявленіемъ произвола тирана сумасброднаго. Администрація и полиція —

вертепы грабежа и разбоя: все у нихъ продается и все покупается. Взглянемъ-ли на духовенство православное? Увидимъ іерарховъ, ползающихъ передъ дворнею царскою, и въ тоже время надменно и грубо попирающихъ ногами низшее духовенство. Многіе изъ этихъ іерарховъ — извѣстные сребролюбцы, и берутъ взятки безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Низшее духовенство, въ особенности сельское, погруженное въ нищету, уничиженное, тѣснимое, угнетенное, проливаетъ слезы въ тайнѣ, и молитъ Бога объ избавленіи его отъ тяготѣющаго надъ нимъ ига, ига тяжкаго, беззаконнаго и противохристіанскаго. Вѣротерпимости не существуетъ: правительство попираетъ, по воли прихотей своихъ, свободу вѣроисповѣданія, пользоваться коею русскіе подданные могутъ не иначе, какъ посредствомъ обильныхъ взятокъ, даваемыхъ чиновной ордѣ и тайной полиціи. Книгопечатаніе оковано предварительною цензурою, которая дѣйствуетъ перемежающимися припадками, то спокойствія, то бѣсованія, и единственнымъ полезнымъ (впрочемъ весьма полезнымъ) послѣдствіемъ коей, было учрежденіе нѣсколькихъ русскихъ типографій за границею. Большинство дворянскаго сословія проникнуто негодованіемъ: всѣ

тѣ изъ числа дворянъ (а ихъ весьма много), которые не ослѣплены ложнымъ призракомъ мнимыхъ дворянскихъ правъ, и въ груди коихъ бьется сердце человѣческое, а не рабское, хорошо понимаютъ, что русскіе дворяне ничто иное, какъ привилегированные холопы правительства; они хотятъ возвыситься до степени людей свободныхъ, и государственными учрежденіями, прочными и разумными, замѣнить мнимыя права дворянскія, которыя правительство топчетъ и попираетъ по произволу своей прихоти. Среднее сословіе, постоянно унижаемое и грабимое чиновною ордою, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новаго порядка вещей, основаннаго на законности и на уваженіи правъ человѣческихъ. Крѣпостные люди и вообще все сельское сословіе ожидаютъ своего освобожденія, и въ какое-бы заблужденіе стародуры ни впадали, но *крѣпостные люди не допустятъ, чтобы обѣщанія Императора Всероссійскаго уподобились гатти-гумаюнамъ Турецкаго Султана*, тоесть превратились въ пуфъ! Казенные крестьяне точно также желаютъ освобожденія своего изъ подъ ига чиновничьяго, какъ желаютъ крѣпостные изъ подъ ига помѣщичьяго. Солдаты, дурносодержимые, иногда полу-голодные, подверженные тѣлеснымъ наказаніямъ, жела-

ютъ перемѣны печальнаго быта своего. Финансы, благодаря неспособности петербургскихъ сановниковъ и тайнѣ, коею облеченъ бюджетъ, дошли до такаго разстройства, что правительство весьма можетъ, въ неотдаленномъ будущемъ, подвергнуться банкрутству, между тѣмъ какъ Россія изобилуетъ богатствами непочатыми. Съ финансовымъ кризисомъ и съ безурядицею административною, въ какія Россія погружена, правительство петербургское, въ настоящее время, не въ силахъ содержать за границею, хотябы въ теченіи однаго года, полутораста тысячь войска! За границею нельзя, какъ у себя дома, платить за все кредитными билетами, которые печатаются безъ всякаго контроля, и потому цифра кредитныхъ билетовъ, объявляемая Правительствомъ ежегодно, оказывается весьма невѣрною: правительство, возведшее оффиціальную ложь на степень государственнаго учрежденія, вовсе не стыдится обманывать публику и на счетъ суммы кредитныхъ билетовъ! За границею кредитныхъ билетовъ не возмутъ: тамъ или плати монетою, или не ходи туда; правительство русское, сидящее на кредитныхъ билетахъ и на серіяхъ, лишено всякой возможности вести внѣшнюю войну, тѣмъ болѣе что военная администрація у

насъ ничто иное, какъ организованный грабежъ, а *всякая первостепенная держава, лишенная возможности вести войну внѣшнюю, ниспадаетъ, на все время своего безсилія, на чреду державъ второстепенныхъ. Вотъ плоды тридцатилѣтней николаевской войны противъ просвѣщенія и противъ здраваго смысла!* Петербургскіе чиновные идіоты, во мнѣніи коихъ тайна и оффиціальная ложь составляютъ единственные способы къ управленію государствомъ; идіоты, которые глядя — ничего не видятъ, и слушая — ничего не понимаютъ, находятся въ полномъ заблужденіи, и воображаютъ себѣ, что всѣ эти подробности, нами разсказанныя, доселѣ были неизвѣстными европейскимъ государственнымъ людямъ. Жестоко ошибаются они: подробности эти извѣстны, и равно извѣстно то, что ложью не выпутаешься изъ омута, подобнаго тому, въ коемъ Россія находится. Единственный возможный выходъ изъ этаго омута заключается въ томъ, чтобы удалить, по возможности, наибольшее число глупцовъ и воровъ, коими администрація переполнена, царскую дворню разогнать; посадить на высокія служебныя мѣста людей способныхъ; ценсуру уничтожить; установить гласность, огражденную строгими законами противъ злоупотребленій книгопечатанія; произвести

реформы дѣльныя, увѣнчанныя государственными учрежденіями, разумными и прочными, которыя, дозволяя всему земству, всей землѣ русской принимать участіе въ государственномъ управленіи посредствомъ своихъ представителей, законнымъ порядкомъ избираемыхъ, черезъ то перенесли-бы зданіе власти Царской, нынѣ стоящее на шаткой почвѣ произвола, своеволія и насилія, на твердую почву всенароднаго сочувствія и соучастія, и уничтожили бы двѣ язвы, двѣ проказы поѣдающія Россію — чиновную орду и въ особенности царскую дворню.

Десять вѣковъ тому назадъ, въ 862 году, сѣверные славяне отправили къ Рюрику и къ братьямъ его пословъ, которые сказали: „земля наша велика и обильна, но порядки въ ней нѣтъ.“ Нынѣ, по истеченіи цѣлаго тысячелѣтія, Россія, переиспытавъ деспотизмъ во всѣхъ его видахъ и свойствахъ, снова находится на краю бездны, и мы, обращаясь къ Императору Александру Николаевичу, говоримъ ему: „Государь! Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; она терзаема самовластьемъ и взяточничествомъ: даруйте намъ порядокъ правленія, основанный на законахъ и сообразный съ потребностями современными!“

Мы повторимъ здѣсь вкратцѣ, какія

реформы полагаемъ необходимыми въ настоящее время:

1. Уничтоженіе всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, безъ исключенія.

2. Равенство всѣхъ русскихъ передъ закономъ.

3. Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, съ предоставленіемъ крестьянамъ въ полное владѣніе, не только усадьбъ ихъ, но еще и нѣкотораго количества земли; немедленное уничтоженіе всѣхъ правъ помѣщичьихъ надъ крестьянами, всякаго оброка и всякихъ повинностей крестьянина къ помѣщику.

Примѣчаніе. Въ имѣніяхъ, состоящихъ на пашнѣ, безопаснѣе было-бы предоставить крестьянамъ всю землю, которою они пользуются въ настоящее время. Въ имѣніяхъ оброчныхъ слѣдуетъ отдѣлить имъ количество земли, особенно-опредѣленное для каждой губерніи, и чѣмъ въ какой губерніи земля дешевле, тѣмъ бо̀льшее количество ея можно отдѣлить крестьянамъ.

4. Каждый крѣпостный человѣкъ могъ-бы платить правительству по пяти рублей серебромъ въ годъ, въ теченіи тридцати-трехъ лѣтъ, съ правомъ заплатить, если пожелаетъ, всю сумму разомъ. Однажды расплатившись съ правительствомъ, онъ дѣлается потомственнымъ владѣтелемъ

своей усадьбы и нарѣзаннаго ему участка земли.

5. За каждаго крѣпостнаго человѣка правительство должно заплатить помѣщику сто рублей серебромъ.

Примѣчаніе. Жены, вдовы и дочери крѣпостныхъ людей должны быть освобождены немедленно и безплатно.

6. Въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ кредитныя установленія, цифра долга вычитается изъ суммы платежа помѣщикамъ, и вся земля, за помѣщикомъ оставленная, объявляется свободною отъ казеннаго долга. Помѣщичьихъ имѣній находится въ залогѣ, въ кредитныхъ установленіяхъ, на сумму около 500,000,000 рублей серебромъ. Сверхъ того правительство могло-бы учинить заемъ въ 200,000,000 рублей серебромъ, и могло-бы выпустить на 385,000,000 рублей серебромъ *земскихъ билетовъ*, приносящихъ 3 процента: билеты эти были-бы принимаемы правительствомъ, во всѣхъ платежахъ, за ихъ нарицательную цѣну, а между частными лицами пріемъ билетовъ предоставленъ былъ-бы совершенно на-произволъ взаимнаго соглашенія (какъ то нынѣ происходятъ съ билетами серій).

7. Правительство, въ теченіи шести или семи лѣтъ, продавало-бы съ публичнаго торга: оброчныя статьи министер-

ства государственныхъ имуществъ; казенныя фабрики, казенные заводы, казенныя рыбныя ловли, соляные промыслы и часть лѣсовъ казенныхъ, доколѣ вырученныя деньги не достигли-бы до суммы 350,000,000 рублей серебромъ. Продажу эту слѣдовало-бы производить подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имущества, съ публичнаго торга казною продаваемыя, не могли-бы быть покупаемы на монету, и ни на какіе бумажные знаки иные, какъ на вышеупомянутые *земскіе билеты*, и чтобы права покупки этихъ имуществъ и владѣнія ими предоставлены были-бы, и всѣмъ русскимъ подданнымъ и всѣмъ иностранцамъ, безъ всякаго исключенія.

8. Казенные крестьяне могли-бы продолжать платить казнѣ, въ теченіи тридцати-трехъ лѣтъ, то же самое что платятъ нынѣ за земли, состоящія въ ихъ пользованіи, а по истеченіи тридцати-трехъ лѣтъ они содѣлались-бы потомственными владѣтелями этихъ земель.

9. Необходимо уничтожить министерство государственныхъ имуществъ, столь безполезное государству, столь отягительное и столь вредное для казенныхъ крестьянъ. Слѣдуетъ даровать всему населенію сельскому, и крестьянамъ помѣщичьимъ и крестьянамъ казеннымъ, упра-

вленіе основанное на выборномъ началѣ, но основанное дѣльнымъ и настоящимъ образомъ, а не на словахъ и не на бумагѣ лишь (какъ нынѣшнее устройство государственныхъ имуществъ).

10. Всѣ общинные начальники должны подлежать выбору, и въ выборахъ этихъ должны принимать участіе всѣ лица, живущія въ округѣ той общины.

11. Городовое управленіе, подобно сельскому, должно быть основано на выборѣ и на началѣ всеобщаго равенства. Всѣ городскіе жители, владѣющіе имуществомъ извѣстной цѣны, должны имѣть право голоса и право выбора въ собраніяхъ городскихъ, безъ всякаго различія происхожденія.

12. Въ каждомъ уѣздѣ слѣдовало-бы созывать, каждое трехлѣтіе, *уѣздное собраніе* изъ: 1. всѣхъ лицъ, безъ различія происхожденія, владѣющихъ опредѣленнымъ количествомъ земли или имуществомъ опредѣленной цѣны въ городѣ или въ уѣздѣ, и 2. опредѣленнаго числа депутатовъ, избранныхъ сельскими общинами.

13. Уѣздное собраніе избирало-бы всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ. Оно избирало-бы уѣзднаго предводителя, уѣзднаго исправника и *уѣздный совѣтъ*, изъ десяти или двѣнадцати членовъ, коимъ порученъ былъ-бы постоянный надзоръ за дѣйстві-

ями предводителя, исправника и прочихъ властей уѣздныхъ.

14. Въ каждой губерніи слѣдовало-бы созывать, каждое трехлѣтіе, *губернское собраніе*, составленное изъ: 1. всѣхъ лицъ, имѣющихъ лично право голоса на уѣздныхъ собраніяхъ той губерніи; 2. одной трети депутатовъ сельскихъ общинъ въ уѣздныхъ собраніяхъ (треть эта моглабы быть избрана, въ каждомъ уѣздѣ, депутатами сельскихъ общинъ изъ среды своей); 3. всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ городскихъ собраніяхъ той губерніи.

15. Губернское собраніе избирало-бы членовъ губернскаго правленія, которые, въ числѣ 25, или 30, или 35 человѣкъ, имѣли-бы постоянный надзоръ за управленіемъ губерніею и за дѣйствіями губернскихъ властей. Губернаторъ и вице-губернаторъ были-бы назначаемы отъ правительства, какъ и нынѣ.

16. Централизацію дѣлъ слѣдуетъ значительно уменьшить, и не требовать, какъ нынѣ, всѣ дѣла въ Петербургъ для рѣшенія. Всѣ дѣла, не относящіяся до Россіи вообще, и касающіяся лишь одной губерніи, могли-бы быть рѣшаемы губернскимъ правленіемъ той губерніи, и всякому губернскому собранію предоставлено было-бы право предлагать правительству

проэкты законовъ и постановленій по части законодательной равно какъ и по части административной. Всѣ дѣла не относящіяся до цѣлой губерніи, но касающіяся однаго изъ уѣздовъ, могли-бы быть рѣшаемы уѣзднымъ совѣтомъ того уѣзда, и каждому уѣздному собранію слѣдовало-бы предоставить право обращать вниманіе губернскаго собранія на нужды и потребности уѣзда. Губернскому собранію слѣдовало-бы предоставить право рѣшать, слѣдуетъ-ли передать или нѣтъ просьбу уѣзднаго собранія на разсмотрѣніе правительства.

17. Казенныя палаты, комитетъ земскихъ повинностей, коммиссіи строительныя и дорожныя, слѣдуетъ упразднить, и управленіе всѣми дѣлами, подлежащими кругу ихъ вѣдомства, сосредоточить въ губернскомъ правленіи. Тогда значительно уменьшилось-бы число чиновниковъ: это было-бы весьма выгоднымъ для дѣлъ и для губерніи, и составило-бы значительную экономію для казны.

18. Судопроизводство должно перестать быть письменнымъ и тайнымъ, каково оно еще донынѣ, къ сраму русскаго правительства. Оно должно быть открытымъ и гласнымъ, съ адвокатами и съ присяжными.

19. Инстанцій должно быть не болѣе

трехъ: а. уѣздный судъ; б. палата гражданская или уголовная (смотря по тому, какаго рода дѣло), и в. департаментъ сената. Аппелляцію изъ уѣзднаго суда въ гражданскую палату слѣдовало-бы даровать лишь въ дѣлахъ, въ коихъ искъ оцѣненъ не менѣе трехъ ста рублей, а изъ гражданской палаты въ сенатъ въ искѣ не менѣе двухъ тысячь рублей.

20. Въ Москвѣ слѣдуетъ учредить верховный кассаціонный судъ для всей Россіи (на подобіе французскаго кассаціоннаго суда), составивъ его изъ пожизненныхъ членовъ, сенаторовъ, выбранныхъ товарищами своими, сенаторами.

21. Званіе сенатора слѣдуетъ объявить пожизненнымъ; предоставить каждому сенатору, ежегодно, выборъ города и департамента, въ коемъ онъ желаетъ присутствовать, и чтобы не увеличивать черезъмѣру число сенаторовъ, имѣть въ сенатѣ (какъ нынѣ въ Варшавѣ), совѣтниковъ съ титломъ: „членовъ сената.“ А чтобы избавить тяжущихся жителей дальнихъ губерній отъ убыточныхъ поѣздокъ въ столицы, слѣдуетъ учредить департаменты сената въ Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ и Иркутскѣ.

22. Число чиновниковъ, во всѣхъ министерствахъ, слѣдуетъ уменьшить на

основаніи мѣръ, нынѣ принятыхъ въ морскомъ министерствѣ.*)

23. Чины гражданскіе и табель о рангахъ слѣдуетъ уничтожить, къ вящщему огорченію всѣхъ проидохъ, всѣхъ глущовъ и всѣхъ плутовъ, коими запружена русская администрація.

24. Третіе отдѣленіе Собственной Канцеляріи, эту государственную помойную яму, выкопанную Незабвеннымъ Николаемъ, слѣдуетъ уничтожить, и тайную полицію подчинить министерству внутреннихъ дѣлъ. Пора уже русскому правительству не возводить на степень государственнаго учрежденія то, что есть подлѣйшаго въ мірѣ — шпіонство!

25. Число министровъ слѣдовало-бы ограничить десятью, а именно:

министры: юстиціи;
внутреннихъ дѣлъ;
народнаго просвѣщенія;
иностранныхъ дѣлъ;
военный;
морскій;
финансовъ;
земледѣлія и торговли;

*) Эта превосходная мѣра въ морскомъ министерствѣ нынѣ допущена *еще лишь въ видѣ опыта* государственнымъ совѣтомъ — всероссійскою богадѣльнею неизлечимыхъ старедуровъ.

путей сообщенія и публичныхъ зданій;
императорскаго двора.

Почтовое вѣдомство можно-бы обратить въ главную дирекцію, какъ оно и было до 1823 года, а что касается до государственнаго контроля, то полу-вѣковый опытъ ясно доказалъ всю безполезность его существованія въ настоящемъ его видѣ. Необходимо учредить въ Россіи *Счетную Палату* (cour des comptes), на подобіе французской.

26. Бюджетъ долженъ быть опубликованъ ежегодно, а на расходы императорскаго двора слѣдуетъ опредѣлить сумму, выше коей расходъ простираться-бы не могъ.

27. Православныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ слѣдуетъ правительству назначать по выбору между тремя кандидатами, представленными духовенствомъ той эпархіи, и съ тѣмъ, что однажды поступивъ на эпархію, іерархъ не можетъ быть удаленъ изъ оной безъ суда, развѣ въ случаѣ собственнаго желанія. Перемѣщать іерарховъ изъ одной эпархіи въ другую неслѣдуетъ иначе, какъ по желанію духовенства той эпархіи, въ которую они переводятся, и съ согласія перемѣщаемаго іерарха.

28. Синодъ слѣдовало-бы составить

изъ митрополитовъ Новгородскаго, Кіевскаго и Московскаго, и сверхъ того изъ шести или семи пожизненныхъ членовъ, іерарховъ, по выбору ихъ товарищей, прочихъ іерарховъ.

29. Оберу-прокурору синода слѣдуетъ наблюдать лишь за тѣмъ только, чтобы синодъ не вмѣшивался въ дѣла политическія и въ дѣла мірскія, а вовсе не подобаетъ оберъ-прокурору вмѣшиваться въ дѣла духовныя.

30. Слѣдовало-бы, каждые пять, или шесть, или семь лѣтъ, сзывать въ Москвѣ Соборъ Всероссійской православной церкви, коему синодъ отдавалъ-бы отчетъ въ своемъ управленіи. Соборъ этотъ слѣдовало-бы составить изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ и депутатовъ духовенства, какъ городскаго, такъ и сельскаго.

31. Слѣдовало-бы упразднить семинаріи; учредить богословскіе курсы въ университетахъ и въ гимназіяхъ, и допускать къ хиротонисанію въ епископы тѣхъ, которые имѣли-бы дипломы на званіе магистра университетскаго.

32. Бѣлому духовенству слѣдовало-бы разрѣшить безбрачное состояніе для всякаго, кто пожелаетъ, и открыть доступъ въ санъ епископа бѣлому духовенству, безъ различія брака или безбрачія.

33. Въ Россіи слѣдуетъ установить полную вѣротерпимость и полную свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ вѣръ, кромѣ сектъ противо — общественныхъ, коихъ даже нельзя и считать вѣроисповѣданіями, а именно, кромѣ *скопцовъ* и *бѣгуновъ*. Чтоже касается до *малакановъ*, то имъ нельзя даровать полной свободы вѣроисповѣданія: необходимы нѣкоторыя ограниченія.

34. Раскольникамъ-старообрядцамъ слѣдуетъ разрѣшить, не только свободу открытаго вѣроисповѣданія, но и церковную іерархію, ими самими избираемую.

35. Гражданскія права и равенство передъ закономъ должны быть одинаковыми для всѣхъ русскихъ подданныхъ, безъ всякаго различія вѣроисповѣданій.

36. Предварительную цензуру слѣдуетъ отмѣнить, и даровать свободу книгопечатанія, съ установленіемъ строгаго закона противъ злоупотребленій книгопечатанія.

Но если-бы вышеупомянутыя реформы и были объявлены царскими указами, гдѣже, при нынѣшнемъ образѣ правленія, малѣйшее ручательство, что указы будутъ исполняемы? При самодержавіи, Царь печатай и публикуй что-хочетъ, повелѣнія его исполняются лишь въ томъ случаѣ, если они приносятъ выгоду его

дворнѣ или чиновной ордѣ, а если указы Царскіе наносятъ ущербъ выгодамъ этихъ двухъ разбойническихъ шаекъ, то указы эти ни подъ-какимъ видомъ не исполняются. Чиновная орда управляетъ Россіею, обираетъ и грабитъ ее; царская же дворня стоитъ на сторожѣ между Государемъ и его подданными; окружаетъ Государя на подобіе забора; недопускаетъ его ознакомиться съ Россіею, узнать ея нужды и потребности; отдаляетъ отъ Государя людей умныхъ, способныхъ, честныхъ, хорошо-знающихъ Россію, и которые могли-бы быть весьма полезными своими совѣтами и своимъ содѣйствіемъ. Русскій Царь, мнимый самодержецъ, облеченъ мнимымъ всемогуществомъ дѣлать все, что захочетъ; ему льстятъ, передъ нимъ ползаютъ, подаютъ видъ, будто его боготворятъ, а между тѣмъ, власть его, въ сущности, весьма ограничена; онъ не можетъ сдѣлать добра, какаго-бы желалъ, и не можетъ помѣшать ни своимъ приближеннымъ, ни чиновникамъ, воровать и творить всякія мерзости, о коихъ иногда даже и не знаетъ вовсе. Возможно-ли честному и благородному человѣку выносить подобное положеніе? Мы убѣждены, что если-бы Александръ Николаевичъ *когда-нибудь сѣрьозно обдумалъ и вполнѣ понялъ* свое настоящее положеніе, свое положеніе

столь оскорбительное, столь унизительное, то онъ никогда-бы не согласился, подъ именемъ *самодержца* — оставаться *пѣшкою*, и немедленно даровалъ бы Россіи грамоту государственной свободы, т. е. конституцію! Нынѣ, при мнимомъ самодержавіи Государя, царская дворня и чиновная орда захватываютъ, ежедневно, большую часть его власти, захватываютъ на сколько-хотятъ, и творятъ всякія мерзости. Государь почти безвластенъ дѣлать добро, а между тѣмъ, на совѣсть его передъ Богомъ и на память его передъ исторіею, ложится отвѣтственность за все зло и за всѣ гнусности, чинимыя дворнею его и чиновною ордою. При конституціонномъ правленіи это было-бы невозможнымъ. Если-бы Александръ Николаевичь могъ дойти до того разумнаго сознанія, чтобы понять, что власть самодержавная, нелѣпо-безграничная, невозможна для однаго человѣка, онъ бы даровалъ конституцію, опредѣлилъ и начертилъ-бы предѣлы своей власти, и на будущее время отвѣчалъ-бы передъ Богомъ, передъ совѣстію и передъ исторіею лишь за свои собственныя дѣянія, и уже не несъ-бы впредь никакой отвѣтственности за поступки мерзавцевъ, которые нынѣ, именемъ царскимъ, притѣсняютъ и грабятъ Россію, а при кон-

стиціи не могли-бы уже ни грабить, ни притѣснять.

Да, введеніе конституціоннаго образа правленія было-бы весьма выгоднымъ для Государѣ, а много потеряли-бы при этомъ образѣ правленія и дворня царская и чиновная орда. Эта орда, нынѣ почти всевластная въ Россіи, утратила-бы большую часть своего могущества, а для царской дворни вышло-бы еще хуже. Нынѣ она безпрестанно запускаетъ свои жадныя лапы въ государственную казну (почти опустѣлую), и часто, весьма часто выпрашиваетъ у Царя подарки, а тогда ей уже нельзя было-бы лазить въ казначейство; нельзя было-бы являться, какъ нынѣ, въ видѣ какаго-то особаго, промежуточнаго сословія между императорскою фамиліею и русскимъ дворянствомъ. Сословіе это въ законѣ неупомянуто, но оно тѣмъ не менѣе существуетъ, и существованіе его ощущаетъ вся Россія по причинѣ безмѣрнаго зла, имъ приносимаго. Послѣ этаго весьма понятно, что царская дворня истощитъ всевозможныя усилія, чтобы отстоять нынѣшній образъ правленія, и препятствовать введенію конституціи.

Безъ конституціи, никакія дѣльныя реформы въ Россіи не могутъ укорениться, не могутъ устоять, не могутъ принести плодовъ полезныхъ. Мы видали само-

державіе въ рукахъ сумасшедшаго Павла, сумасброднаго Николая, и многіе приписывали вредъ и зло, самодержавіемъ приносимые, несостоятельности разсудка у тѣхъ лицъ, въ рукахъ коихъ оно находилось. Теперь мы видимъ самодержавіе въ рукахъ добраго и честнаго Александра Николаевича, и чтоже? Развѣ дѣла пошли хорошо? Нимало .... Отчего же дѣла продолжаютъ итти такъ скверно? По весьма естественной причинѣ: потому что самодержавіе носитъ въ себѣ самомъ неотразимый зародышъ собственнаго упадка. При самодержавіи — гласность существовать никакъ не можетъ; безъ гласности — контроль существовать не можетъ, а безъ контроля — злоупотребленія, взяточничество, а за ними — неминуемо — и нравственное растлѣніе заводятся въ государствѣ; развиваются, разъѣдаютъ страну; ослабляютъ силы ея, наконецъ поражаютъ эти силы какъ-бы нравственнымъ параличемъ, и мало-по-малу, но неизбѣжно, разрушаютъ общественное зданіе, подобно тому, какъ изнурительная лихорадка можетъ человѣка самого здороваго низвесть въ могилу .....

Но если Александръ Николаевичъ не захочетъ даровать Россіи конституцію, что случится тогда?

Мы не будемъ, да и не можемъ ста-

раться разгадывать случайности непредвидѣнныя, какими, мимоходомъ сказать, столь обильна русская исторія; мы здѣсь изложимъ только то, что правдоподобно и ясно для всѣхъ, кромѣ неизлѣчимыхъ близорукихъ въ политикѣ. Если Александръ Николаевичъ не даруетъ конституціи, тогда разложеніе, растлѣніе нынѣшняго порядка вещей въ Россіи, разложеніе и растлѣніе ясно видимое нынѣ для всѣхъ, будутъ все увеличиваться и возрастать; неудовольствіе на правительство, нынѣ уже почти всеобщее, еще болѣе увеличится; взаимныя сношенія между различными сословіями получатъ характеръ раздраженія, и наконецъ, чего Боже упаси! вражды взаимной; государственное банкрутство болѣе или менѣе разстроитъ состоянія частныхъ лицъ; оклады чиновниковъ уменьшатся черезъ упадокъ кредитныхъ билетовъ, и значительно умалятся всѣ источники доходовъ казны, вмѣстѣ съ увеличеніемъ почти всѣхъ ея расходовъ. А если, при этомъ ужасномъ положеніи, вдругъ возникнетъ война (что весьма можетъ случиться), и враги Россіи, вторгаясь въ наши предѣлы, объявятъ крестьянамъ истинную свободу, то есть свободу съ укрѣпленіемъ за ними, въ потомственное владѣніе, нетолько ихъ усадьбъ, по иучастковъ земли; если въ

тоже время враги эти объявятъ свободу вѣроисповѣданія, объявятъ полную вѣротерпимость, и черезъ это освободятъ отъ ига, отъ притѣсненій и отъ поборовъ всѣхъ раскольниковъ, то есть шестую часть (по крайней мѣрѣ), народонаселенія Имперіи, что будетъ тогда съ Россіею, спрашиваемъ мы? Отвѣчай, царская дворня?....

Въ настоящее время, среди многихъ политическихъ вопросовъ, возникшихъ или долженствующихъ возникнуть въ весьма близкомъ будущемъ, едва-ли не на первой чредѣ стоитъ вопросъ восточный: Турція видимо распадается. Этотъ восточный вопросъ близокъ намъ и по сосѣдству съ Турціею, и по нашему единовѣрію съ многочисленнымъ православнымъ населеніемъ Турецкой Имперіи, но разсудимъ, до какой степени, въ нынѣшнемъ положеніи Россіи, мы можемъ въ немъ принять участіе? Войско у насъ храбрѣйшее, но генералы — ослы; денегъ — нѣтъ; администрація — разбойничій вертепъ. Вѣдь того и гляди, что вопросъ восточный, для насъ имѣющій важность первостепенную, рѣшенъ будетъ подъ носомъ Россіи, безъ ея согласія и — очень вѣроятно — въ ущербъ истиннымъ выгодамъ ея! Вѣдь подобное политическое положеніе, столь униженное и столь унизительное, не можетъ долго продлиться:

оно неминуемо должно привести къ ужасному взрыву! Какимъ образомъ взрывъ этотъ возникнетъ и воспослѣдуетъ; какія именно событія произведутъ его; съ какой именно точки горизонта поднимется буря, коей суждено сокрушить нынѣшній порядокъ вещей, порядокъ отжившій и гнилый, этаго нынѣ въ точности предугадать невозможно, но долго этому порядку не устоять..

Теперь, вмѣсто того, чтобы быть увлекаему событіями и собственными ошибками къ будущимъ опасностямъ, опасностямъ весьма грознымъ, не въ тысячу-ли разъ благоразумнѣе и лучше было-бы Александру Николаевичу даровать Россіи конституцію? Даруя ее, онъ могъ бы начертать и опредѣлить самъ ея основы и предѣлы власти Царской: вѣдь гораздо хуже будетъ, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, проявленіе революціи исторгнетъ у него насильно то, что нынѣ еще онъ можетъ даровать по собственной волѣ, и вѣроятно исторгнетъ въ преувеличенномъ видѣ.....

Царская дворня, чиновная орда, стародуры обыкновенно утверждаютъ, будто Россія не созрѣла для правленія конституціоннаго? Но развѣ Сербія, Молдавія, Валахія созрѣли болѣе Россіи? А у нихъ правленіе конституціонное. Развѣ нынѣшняя Россія уступаетъ, въ образованности,

Испаніи, Португаліи, или нынѣшней Греціи, а въ этихъ странахъ правленіе конституціонное? . . . .

Тѣже самые люди увѣряютъ, будто въ Россіи конституція невозможна за отсутствіемъ средняго сословія. Это чистый вздоръ. Среднее сословіе не только существуетъ въ Россіи, но даже и весьма многочисленно. Подъ именемъ средняго сословія можно разумѣть и всѣхъ почетныхъ гражданъ, потомственныхъ и личныхъ, и всѣхъ купцовъ, и всѣхъ мѣщанъ, и даже большинство изъ числа дворянъ, а именно тѣхъ, которые имѣютъ состояніе самое ограниченное, или даже вовсе никакаго состоянія не имѣютъ: такихъ множество.

Конституція, *во-время дарованная, и честно-соблюдаемая*, скрѣпляетъ неразрывно узы, соединяющія монарховъ съ ихъ подданными. Государь самодержавный, свободно и по собственной волѣ своей дарующій конституцію, пріобрѣтаетъ любовь подданныхъ, и устанавливаетъ династію свою на основахъ твердыхъ и прочныхъ. Конституціи, дарованныя: въ Баваріи въ 1818 году, въ Виртембергѣ въ 1819 году, въ Испаніи въ 1833 году, въ Португаліи въ 1834 году, въ Пруссіи въ 1847 году, и въ Піэмонтѣ въ 1848 году, конечно ничѣмъ не умалили

величія и достоинства династій, царствующихъ въ этихъ странахъ, странахъ столь различныхъ между собою во многихъ отношеніяхъ. Напротивъ, конституціи эти скрѣпили узы, соединяющія Государей съ ихъ подданными; онѣ упрочили эти династіи, имѣвшія довольно ума чтобы понять то, чего умы ограниченные постичь не могутъ, а именно: что власть самодержавная превосходитъ объемъ силъ человѣческихъ, и служитъ лишь пищею дикимъ порывамъ лицъ, ею облеченныхъ, между тѣмъ какъ власть конституціонная, объемъ и предѣлы коей опредѣлены закономъ, облекаетъ Государя властію дѣлать добро, и снимаетъ съ него отвѣтственность за зло.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, 1 января 1847 года, въ Европѣ было еще девять государей самодержавныхъ: Императоры Россійскій и Австрійскій, короли Прусскій, Неаполитанскій и Сардинскій, Римскій Первосвященникъ, Великій Герцогъ Тосканскій, Герцоги Пармскій и Моденскій (Турцію мы не считаемъ: это не правительство; это орда, стоящая лагеремъ въ Европѣ, и которую давно-бы слѣдовало прогнать въ Азію). Король Прусскій даровалъ конституцію въ 1847 году; король Сардинскій въ 1848 году, и нынѣ обѣимъ державамъ этимъ, и Пруссіи и

Сардиніи, предстоитъ блистательная будущность. Государи Тосканы, Пармы и Модены продолжали упорствовать, не хотѣли внять желаніямъ своихъ подданныхъ, не хотѣли внять голосу потребностей современныхъ, и бурный потокъ событій низвергнулъ эти три династіи въ прошломъ 1859 году. Король Неаполитанскій продолжалъ упрямиться; слишкомъ поздно открылъ глаза, да и тутъ не умѣлъ выбрать людей: его престолъ также палъ. Императоръ Австрійскій обѣщаетъ своимъ подданнымъ конституціонный образъ правленія; римскій первосвященникъ, продолжая упорствовать, лишился слишкомъ трехъ четвертей своихъ владѣній. Объ чемъ же думаетъ Александръ Николаевичъ? Чего онъ хочетъ?.... Вѣдь прошли и минули тѣ времена, когда подданные были вещами своихъ Государей; когда народы были огородами, принадлежавшими той или другой фамиліи..... Въ настоящее время, издавать законы по произволу прихоти, безпрестанно-мѣняющейся; издавъ законы, не исполнять ихъ; тратить государственную казну, кровныя деньги народа, на подарки любимцамъ, и любимцамъ своихъ любимцевъ, — все это возможно въ Турціи, въ Хивѣ и въ Бухарѣ, но невозможно въ Европѣ во второй

половинѣ девятнадцатаго вѣка.... Неужели Россія въ Азіи, а не въ Европѣ? ....

Когда, въ какой-нибудь рѣкѣ, вода станетъ сильно возвышаться, у плотинъ открываютъ спуски, и пропускаютъ воду. Никакій честный человѣкъ не желаетъ наводненія, но всякій, не лишенный здраваго разсудка, понимаетъ, что въ случаѣ возвышенія воды необходимо открыть спускъ: иначе вода разольется и прорветъ плотину .....

При установленіи въ Россіи конституціоннаго правленія, необходимо имѣть двѣ палаты, двѣ Думы, для того, чтобы не подвергать изданія законовъ тѣмъ случайпостямъ, которыя, какъ мы видимъ изъ опыта исторіи, могутъ иногда произойти при балотировкѣ. Промежутокъ времени между обсужденіемъ и балотировкою въ каждой изъ Думъ приноситъ огромную пользу, дозволяя общественному мнѣнію еще разъ обсудить вопросъ, и тѣмъ избѣгнуть вредныхъ послѣдствій слишкомъ-быстраго увлеченія .....

Изъ всѣхъ европейскихъ конституцій, самая твердая, самая прочная, пережившая наиболѣе волненій и смутъ — англійская конституція. Но въ Россіи она невозможна, по той причинѣ, что для англійской конституціи необходимо, чтобы одна изъ Думъ состояла изъ членовъ потом-

ственныхъ; необходимо наслѣдственное перство, основанное на владѣніи маіоратами.

Маіораты никогда не могли приняться въ Россіи: ихъ принципъ, ихъ начало слишкомъ противорѣчатъ характеру и стремленіямъ славянскихъ народовъ, характеру исключительно-демократическому, стремленіямъ направленнымъ ко всеобщему и безусловному равенству. Въ древней Россіи, маіоратовъ не знали и не вѣдали. Петръ I, желая ввести ихъ въ Россіи, съ крутостію и съ необузданностію свойственными его нраву, въ Мартѣ 1714 года объявилъ всѣ дворянскія состоянія маіоратами, и даже уничтожилъ всѣ раздѣлы, учиненные въ январѣ и въ февралѣ того года. Въ это время, Петръ уже мыслилъ о лишеніи наслѣдства сына своего Алек ѣя, и съ цѣлію приготовить Россію къ этому важному событію, онъ сдѣлалъ ошибку, непостижимую со стороны человѣка геніальнаго, а именно: объявилъ, что каждый родитель имѣетъ право назначать наслѣдникомъ своего маіората (т. е. всего своего состоянія) *любаго изъ сыновей своихъ*, и что старшій сынъ наслѣдуетъ по-праву лишь только въ томъ случаѣ, если отецъ не оставилъ завѣщанія по этому предмету. Этотъ дикій законъ былъ источникомъ непримиримыхъ семейныхъ враждъ;

былъ зародышемъ многихъ преступленій, и содѣлалъ маіораты ненавистными русскому дворянству. При воспріятіи Анною Іоанновною власти самодержавной, въ февралѣ 1730 года, дворянство просило и получило уничтоженіе маіоратовъ. Николай Павловичъ, въ 1845 году, послѣ путешествія своего въ Англію, (и, какъ говорятъ, по совѣтамъ знаменитаго Роберта Пиля и короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма IV), издалъ законъ о дозволеніи каждому дворянину, при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ, учреждать маіораты, подъ именемъ *заповѣдныхъ имѣній*. Всѣмъ извѣстно, до какой степени высшій слой петербургскаго народонаселенія отличается цареугодничествомъ, и не взирая на то, съ 1845 года и по нынѣшнее время не было учреждено и десяти заповѣдныхъ имѣній: столь маіораты несовмѣстны съ русскимъ духомъ и съ русскими стремленіями! А безъ маіоратовъ — невозможно прочное существованіе наслѣдственнаго перства.

Другая причина еще, не менѣе важная, не допускаетъ никакой возможности учрежденія, въ Россіи, сословія наслѣдственнаго перства. Если Правительство стало-бы учреждать это сословіе, изъ кого-бы оно его составило? Изъ членовъ государственнаго совѣта, изъ генералъ-

аншефовъ, изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, изъ сенаторовъ, наконецъ, изъ лицъ составляющихъ ближнюю дворню царскую. Весь этотъ народъ, за исключеніемъ немногихъ людей благородныхъ и умныхъ, состоитъ изъ лицъ двухъ разрядовъ: или изъ князей, графовъ и столбовыхъ дворянъ, которые, по своему рожденію и по своему состоянію, могли-бы быть вельможами, но предпочли холопствовать во всю жизнь свою, или изъ холоповъ, которые, посредствомъ подлостей и мерзостей высоко всползли по лѣствицѣ чиновъ, и наивно, простодушно принимаютъ себя за вельможей! Объявить подобныхъ тварей наслѣдственными перами, составить изъ нихъ высшее правительственное сословіе, да это значило-бы содѣлать это сословіе предметомъ смѣха и презрѣнія всей Россіи. Отечество наше обильно людьми умными и благородными; изъ числа этихъ людей многіе обладаютъ значительными состояніями (условіе необходимое чтобы быть наслѣдственнымъ перомъ); но люди эти находятся вдали отъ Двора, и не на нихъ конечно палъ-бы выборъ Правительства.

За невозможностію составленія Думы Боярской изъ членовъ потомственныхъ, многіе желали-бы составить Думу Боярскую изъ членовъ пожизненныхъ. Хотя

перы пожизненные не приносятъ странѣ огромныхъ политическихъ выгодъ, являемыхъ сословіемъ перовъ наслѣдственныхъ, сословіемъ, въ одно и тоже время служащимъ уздою прихотямъ Государя и оплотомъ противъ безпорядковъ, иногда возникающихъ изъ среды заблужденной массы народонаселенія, но все таки Дума, составленная изъ членовъ пожизненныхъ, приноситъ пользу истинную и безспорную. Но въ Россіи, если при самомъ учрежденіи конституціи стали-бы составлять Думу Боярскую изъ членовъ пожизненныхъ, кѣмъ-бы наполнили ее? Разумѣется, лицами, которыхъ мы выше перечисляли .... Но изъ подобныхъ людей невозможно составить даже и Думу пожизненную: это вышла-бы не Дума, а передняя ....

При учрежденіи конституціи въ Россіи, необходимо имѣть двѣ Думы, составленныя обѣ изъ выборныхъ лицъ всего земства, избранныхъ *губернскими собраніями*, составленными изъ лицъ всѣхъ сословій, безъ различія происхожденія, какъ мы то предлагали въ этой книгѣ (см. выше). *Думу Земскую* слѣдовало-бы составить по крайней мѣрѣ изъ пяти или шести-ста членовъ, избираемыхъ каждые три или четыре года. *Думу Боярскую* слѣдовало-бы, на первое время, составить

изъ двухъ сотъ пятидесяти или трехъ-ста членовъ, избранныхъ тѣми же *губернскими собраніями* на три или на четыре года. Членовъ Думы Земской можно бы-избирать начиная съ двадцати-пятилѣтняго возраста и не требуя отъ нихъ никакихъ вещественныхъ условій. Въ Бояре же можно было-бы избирать лишь начиная съ сорока-лѣтняго возраста, и только тѣхъ лицъ, которые владѣютъ имуществомъ, закономъ опредѣленнымъ. По истеченіи срока трехъ-лѣтняго или четырехъ-лѣтняго, можно было-бы снова приступить къ избранію бояръ на три или на четыре года. Наконецъ, въ послѣдствіи, по истеченіи шести или осьми лѣтъ послѣ введенія конституціи, когда ходъ дѣлъ и событій выставилъ-бы, въ обѣихъ Думахъ, на видъ и на уваженіе общественнаго мнѣнія значительное число личностей, тогда уже можно было-бы приступить къ составленію Думы Боярской пожизненной, отчасти по назначенію царскому, отчасти по выбору Думы Земской, облекая въ званіе боярское, на всю жизнь ихъ, всѣ тѣ личности, которыя своимъ умомъ и характеромъ своимъ заслужили-бы всеобщее уваженіе. Такимъ образомъ всѣ русскія знаменитости, по всѣмъ поприщамъ безъ исключенія, могли-бы на будущее время имѣть доступъ въ Думу

Боярскую, или по назначенію царскому, или, что гораздо болѣе лестно, по выбору Думы Земской. При введеніи конституціи въ Россіи, необходимо помѣстить въ эту конституцію статью о возможности пересмотра ея по общему желанію министровъ царскихъ и Думы Земской, окруживъ обрядъ пересмотра нѣкоторыми формальностями, которыя не допускали бы дѣйствій постѣшныхъ и на скорую руку. Напримѣръ, можно-бы постановить, что для приступленія къ пересмотру необходимо изъявленіе письменнаго о томъ желанія по крайней мѣрѣ ста членами Думы Земской, и что перемѣны приняты быть могутъ не по большинству голосовъ, какъ прочіе законы, а лишь съ согласія трехъ четвертей голосовъ изъ числа наличныхъ членовъ Думы.

Въ заключеніе скажемъ, что еще по одной *важнѣйшей* причинѣ слѣдовало-бы Александру Николаевичу даровать Россіи конституцію — добровольно, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ не исторгли ее у него насильно.

Начало владычества дома Голштейнъ-Готторпскаго надъ Россіею вовсе не теряется во мракѣ древности; владычество это не основано, ни на вѣковомъ правѣ передачи престола изъ поколѣнія въ поколѣніе въ одномъ и томъ же роду цар-

скомъ, ни на правѣ всенароднаго избранія. Домъ Романовыхъ (угасшій въ 1730 году), избранъ былъ всенародно, выборными людьми земли русской, въ 1613 году, но избранъ на условіяхъ ограниченія власти Царской, условіяхъ, добровольно принятыхъ Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. По прошествіи нѣкотораго времени, условія эти были нарушены; обѣтъ, подъ присягою данный, былъ безчестно попранъ; правительство русское содѣлалось властію, не основанною ни на какомъ правѣ, а единственно на вещественной, грубой силѣ своеволія и безправія: такимъ оно пребываетъ и донынѣ. По смерти послѣдняго изъ Романовыхъ, Петра II (19 Января 1730 года), на престолѣ десять лѣтъ сидѣла Анна Іоанновна, дочь Царя Іоанна V Алексѣевича, двоюродная тетка Петра II. Анна Іоанновна, умирая 17 Октября 1740 года, и не спрашивая у русскихъ согласія ихъ, какъ будто дѣло шло о какой-нибудь мебели или о стадѣ овецъ, передала престолъ всероссійскій своему двоюродному внуку, правнуку Іоанна V, Принцу Іоанну Антоновичу Брауншвейгъ-Беверн-скому. Тринадцать мѣсяцевъ спустя, ночью съ 24 на 25 Ноября 1741 года, солдаты Преображенскаго полка взбунтовались. Будь это возмущеніе подавлено,

оно получило-бы названіе гнуснаго мятежа, и зачинщики его подверглись-бы казни или ссылкѣ. Но возмущеніе удалось, и потому именуется въ исторіи революціею, государственнымъ переворотомъ, а зачинщики его осыпаны были чинами, титлами и богатствами. Это ночное солдатское возмущеніе низвергло со всероссійскаго престола домъ Брауншвейгскій, и возвело на него Елисавету Петровну, незаконнорожденную и прелюбодѣйную дочь Петра I и чухонской дѣвки (въ послѣдствіи бывшей Императрицею Екатериною I). Мы говоримъ: *незаконнорожденную*, потому что о бракѣ Петра съ Екатериною не существуетъ ровно никакихъ доказательствъ, но если-бы даже бракъ этотъ и послѣдовалъ въ 1711 году, какъ увѣряютъ придворные баснописцы, то Анна Петровна, рожденная въ 1708 году, и Елисавета, рожденная 18 Декабря 1709 года, все таки были-бы дочерьми, рожденными добрака, слѣдовательно *незаконнорожденными*. Сверхъ того, и Анна Петровна и Елисавета Петровна, во всякомъ случаѣ, дочери *прелюбодѣйныя*, потому-что законная жена Петра I, Евдокія Ѳедоровна Лопухина, насильно имъ постриженная, была жива и пережила мужа своего пятью годами. Елисавета, вовсе не спрашивая согласія русскихъ и какъ

будто дѣло шло о мебели или о стадѣ овецъ, завѣщала престолъ всероссійскій племяннику своему герцогу Голштейнъ-Готторпскому (мать коего, Анна Петровна, была, подобно сестрѣ своей Елисаветѣ, незаконнорожденною и прелюбодѣйною дочерію Петра I и той же самой чухонской дѣвки, которая, до поступленія своего въ объятія Петра I, прошла по-очередно черезъ объятія Баура, Шереметева и Меншикова). Герцогъ Голштейнъ-Готторпскій вступилъ на всероссійскій престолъ подъ именемъ Петра III, 25 Декабря 1761 года. Отъ правнука Петра III, Императора Александра Николаевича, зависѣло-бы соединить домъ свой съ Россіею узами неразрывными. Для этого ему необходимо освободить крестьянъ съ землею; устроить въ Россіи правосудіе, коего въ ней вовсе не существуетъ; искоренить грабежи и разбои орды чиновной; замѣнить своеволіе и безправіе правильнымъ владычествомъ законовъ, законовъ разумныхъ и соотвѣтственныхъ потребностямъ вѣка; преобразовать всероссійское стадо рабовъ въ націю гражданъ свободныхъ, и разогнать гнусную дворню, коею онъ окруженъ, которая его самаго держитъ въ опекѣ, а Россію грабитъ. Но ничего изъ этого совершить нельзя, не введя гласности и по-

рядка, *безъ конституціи совершенно-невозможныхъ*. Главное несчастіе Россіи, что въ ней не существуетъ вовсе никакихъ политическихъ учрежденій, а за отсутствіемъ ихъ всѣ русскіе законы уподобляются *гаттигумаюнамъ* турецкаго султана, тоесть остаются мертвою буквою. Если бы Александръ Николаевичъ рѣшился даровать Россіи конституцію, то онъ совершилъ-бы великій подвигъ передъ Богомъ, передъ вселенною и передъ исторіею; заслужилъ-бы благоговѣніе и подданныхъ своихъ и отдаленнѣйшаго потомства. Даруя Россію конституцію, Александръ Николаевичъ узаконилъ-бы царскую власть своей династіи, власть, источникомъ коей служитъ лишь ночный солдатскій мятежъ 24 Ноября 1741 года, и которая, въ настоящее время, не основана ровно ни на какомъ законномъ правѣ, а лишь на вещественной, грубой силѣ штыковъ, своеволія и безправія. Даруя Россіи конституцію, Александръ Николаевичъ преобразилъ-бы свою чужеземную, нѣмецкую фамилію принцевъ Голштейнъ-Готторпскихъ въ династію національную, въ династію истинно-русскую.

Исполненные любви къ отечеству нашему, мы, по долгу совѣсти, высказали правду въ этой книгѣ, но слѣпота, неизлѣчимая слѣпота правительства петер-

бургскаго намъ извѣстна, и мы, къ несчастію, остаемся въ горестномъ убѣжденіи, что отечество наше, ошибками правительства, влекомо къ большимъ переворотамъ. Еще разъ повторяемъ, что *безъ политическихъ учрежденій прочныхъ и дѣльныхъ, безъ конституціи, никакая страна въ мірѣ не можетъ, въ наше время, пользоваться благоденствіемъ, ни даже безопасностію.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Осліада.

Русское Правительство и Русскій Сенатъ.

(Статья, напечатанная въ 6мъ No. журнала Будущность.*)

Въ 52мъ No. французскаго еженедѣльнаго журнала Воскресный Вѣстникъ (Courrier du Dimanche), напечатано слѣдующее:

„Московскій Сенатъ приговорилъ князя Петра Долгорукова, сочинителя книги *Правда о Россіи*, къ лишенію правъ состоянія, дворянскаго и княжескаго достоинствъ (тоесть къ политической смерти), и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе: 1. за отказъ его возвратиться въ Россію по востребованію Правительства, и 2. за изданіе *пасквиля* о Россіи (Московскій Сенатъ именуетъ *пасквилемъ* самую прав-

*) Журналъ *Будущность* выходитъ въ Лейпцигѣ, листами, въ неопредѣленные сроки.

дивую книгу, которая когда-либо издана была о Россіи).

„Въ Россіи, по дѣламъ уголовнымъ, первая инстанція — уѣздный судъ; вторая — уголовная палата; третія — сенатъ. Впрочемъ, министры, члены государственнаго совѣта, сенаторы, губернаторы и предводители дворянства не подлежатъ ничьему суду, кромѣ сенатскаго. Русское правительство, распространяя это преимущество и на князя Долгорукова, хотѣло-ли почтить, въ лицѣ его, русское книгопечатаніе и русскую свободную рѣчь, или такъ, спроста, по азіатскому самоуправству, перескочило черезъ двѣ инстанціи? Рѣшить этаго вопроса мы не беремся . . . .

„По русскимъ законамъ, русскій, отказавшійся возвратиться въ отечество, требуется въ оное вызовомъ, троекратно напечатаннымъ въ *Сенатскихъ Объявленіяхъ*, и лишь по истеченіи годоваго срока, со времени третьяго объявленія, приступаютъ къ суду надъ эмигрантомъ. Въ отношеніи князя Долгорукова, всѣ эти обряды, закономъ предписанные, соблюдены не были. Да и по правдѣ сказать, въ Россіи, странѣ, имѣющей счастіе пользоваться сводомъ законовъ, состоящимъ изъ пятнадцати толстѣйшихъ томовъ, и заключающемъ въ себѣ слишкомъ шест-

десять тысячь законовъ, невозможно требовать, чтобы каждый законъ исполнялся! Истину сказалъ князь Долгоруковъ, въ книгѣ своей *Правда о Россіи*, что въ Россіи сводъ законовъ существуетъ лишь для благоденствія бумажныхъ фабрикъ.

„Въ департаментѣ сената, осудившемъ князя Долгорукова, засѣдаютъ шесть членовъ, шесть военныхъ, шесть генералъ-лейтенантовъ, что совершенно придаетъ этому департаменту видъ военнаго суда. Видно въ Россіи большій недостатокъ въ юристахъ, и даже въ университетскихъ кандидатахъ по юридическому факультету, что суды наполнены военными? . . .

„Въ числѣ сенаторовъ, осудившихъ князя Долгорукова, находится этотъ бывшій воронежскій губернаторъ баронъ Ховенъ, который (о чемъ разсказано и въ книгѣ *Правда о Россіи*), въ Воронежѣ, въ полномъ засѣданіи губернскаго правленія, въ отвѣтъ на слова одного изъ совѣтниковъ, что его превосходительство нарушаетъ такую-то статью такого-то тома свода законовъ, схватилъ этотъ томъ, положилъ на свое кресло, сѣлъ на него, и спросилъ: *гдѣ же теперь вашъ законъ?* Въ судѣ надъ княземъ Долгоруковымъ, баронъ Ховенъ былъ вмѣстѣ и истцемъ и судьею . . . .

„Должно прибавить къ этому, что

русское правительство, по извѣстной высокой мудрости своей и по извѣстному правосудію своему, сочло совершенно излишнимъ сообщать своимъ жалкимъ сенаторамъ книгу князя Долгорукова, книгу въ Россіи строго запрещенную, и, само собою разумѣется, всѣми съ жадностію читаемую. Одно изъ двухъ: или сенаторы, не читавъ книги, назвали ее пасквилемъ, и черезъ то нарушили долгъ судей и долгъ честныхъ людей, или они тайкомъ прочли запрещенную книгу, и черезъ то насмѣялись надъ своимъ Государемъ, отъ коего получаютъ содержаніе и во имя коего судятъ его подданныхъ . . . . .

„Чтобы узнать истинную цѣну правамъ состоянія и преимуществамъ русскаго дворянина, сенатскимъ приговоромъ отъятымъ у князя Долгорукова, слѣдуетъ прочесть книгу его *Правда о Россіи*, въ коей, между прочимъ, сказано: *въ каждой странѣ, гдѣ существуетъ конституція, всякій поденщикъ пользуется гражданскими правами, далеко превосходящими преимущества русскаго дворянина.*

„Уморительно смѣшно приговорить къ политической смерти и къ ссылкѣ въ Сибирь такого человѣка, который пользуется самымъ вожделѣннымъ здравіемъ въ Парижѣ; и тѣмъ смѣшнѣе, что у этаго человѣка, какъ всѣмъ извѣстно, состояніе

весьма-обезпеченное, заключающееся въ капиталахъ, размѣщенныхъ въ публичныхъ фондахъ различныхъ европейскихъ странъ . . . .

„Не менѣе смѣшна претензія отнять княжескій титулъ у человѣка, предки коего не пріобрѣли этаго титла низкопоклонствомъ въ царскихъ передняхъ, но владѣютъ имъ по праву происхожденія, въ прямомъ мужскомъ колѣнѣ, отъ Рюрика . . . .

„Одною изъ причинъ нелѣпаго приговора московскаго сената можетъ быть и то, что князь Долгоруковъ нынѣ издаетъ, выходящій въ Лейпцигѣ, журналъ *Будущность*“ (тутъ Воскресный Вѣстникъ дѣлаетъ извлеченіе изъ программы, напечатанной въ 1мъ No. Будущности). (Courrier du Dimanche du 23. décembre 1860).

Свѣдѣнія, напечатанныя въ Воскресномъ Вѣстникѣ, совершенно-тождественны со свѣдѣніями, мною полученными отъ моихъ друзей изъ Россіи. Разсмотримъ теперь, кто:

Наши строгіе цѣнители и судьи?

Въ первомъ отдѣленіи шестаго департамента сената, засѣдали, осенью 1860 года, генералъ-лейтенанты: баронъ Христофоръ Христофоровичъ фонъ-деръ-Ховенъ, Иванъ Семеновичъ Тимирязевъ, Павелъ Карловичъ Мердеръ, Владиміръ

Ивановичъ Пестель, Иванъ Николаевичъ Хотяинцевъ и Василій Максимовичъ Самаринъ. О двухъ послѣднихъ сказать нѣчего, кромѣ того, что по своей совершенной неспособности и по отсутствію ума, оба вполнѣ достойны засѣдать, не только во второй государственной богадѣльнѣ неизлѣчимыхъ дураковъ, то есть въ русскомъ сенатѣ, но даже въ первой, то есть въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ мы не отчаяваемся еще ихъ видѣть. (Генералъ Самаринъ неимѣетъ ничего общаго съ умнымъ и честнымъ семействомъ московскихъ Самариныхъ, одинъ изъ членовъ коего, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ русскихъ писателей).

Баронъ Ховенъ, въ бытность свою губернаторомъ въ Воронежѣ, распоряжался столь на подобіе турецкаго паши, что самъ суровый и безчеловѣчный Николай находилъ его слишкомъ *строгимъ*. Вышеупомянутый поступокъ его со сводомъ законовъ ясно доказываетъ, что его превосходительство имѣетъ полное и неоспоримое право — на безплатную квартеру въ домѣ сумасшедшихъ.

Иванъ Семеновичъ Тимирязевъ нѣсколько лѣтъ управлялъ Астраханскою губерніею, аки пашалыкомъ. Наконецъ ему пришла счастливая мысль: продавать

казенный порохъ персіянамъ и азіатскимъ ордамъ, которые, разумѣется, этимъ порохомъ стрѣляли въ русскихъ. Петербургское правительство взбѣсилось, вѣроятно потому, что завидовало столь счастливому и столь выгодному изобрѣтенію. Генерала Тимирязева отрѣшили отъ пашалыка — мы хотѣли сказать: отъ губернаторства; отдали подъ судъ, долго судили и наконецъ приговорили — къ возведенію въ званіе сенатора. Посадили его въ уголовный департаментъ, вѣроятно потому, что его превосходительство, по собственной практикѣ, хорошо знакомъ съ дѣлами, подлежащими вѣдомству уголовнаго судопроизводства . . . .

Павелъ Карловичь Мердеръ, — нуль, о коемъ можно только сказать, что онъ обязанъ своею карьерою званію роднаго брата покойнаго Карла Карловича Мердера. Сей послѣдній, съ 1825 по 1833 годъ, находился воспитателемъ Императора Александра II, и конечно содѣйствовалъ развитію той государственной мудрости, того высокаго генія, того яснаго пониманія дѣлъ и той разумной отчетливости въ своихъ предпріятіяхъ и своихъ поступкахъ, коими Александръ II удивляетъ вселенную, и которыя служатъ для Россіи залогомъ будущаго блистательнаго и мирнаго . . . .

Владиміръ Ивановичъ Пестель — родный братъ знаменитаго Павла Ивановича Пестеля, однаго изъ умнѣйшихъ людей своего времени, повѣшеннаго въ 1826 году за то, что хотѣлъ замѣнить безправіе законностію и ввести въ Россіи конституцію. Владиміръ Ивановичъ Пестель, видя брата своего повѣшеннымъ за умъ и за отчизнолюбіе, рѣшился во всю жизнь свою избѣгать этихъ двухъ, въ Россіи столь вредныхъ, качествъ, что для него было тѣмъ легче, что мудрая судьба его ими не огорчила и совершенно избавила его отъ нихъ. Въ бытность свою губернаторомъ въ Херсонѣ и въ Симферополѣ, онъ ознаменовалъ себя жестокою войною противъ дамъ извѣстнаго разряда; но это продолжалось только до 1853 года, то есть до назначенія въ государственные секретари извѣстнаго покровителя этихъ дамъ, Владиміра Петровича Буткова, Алкивіада бюрократіи и Ловеласа непотребныхъ мѣстъ. Когда, въ 1854 году, англо-французская армія высадилась въ Крыму, генералъ Пестель, тамошній губернаторъ, объятый страхомъ, бѣжалъ изъ своего губернскаго города, хотѣлъ бѣжать и изъ губерніи; главнокомандующій арміею принужденъ былъ послать въ погоню за бѣглымъ губернаторомъ, и насильно воротить его въ губернскій

городъ. Въ награду за это мужество, двери Сената разверзлись передъ Владиміромъ Ивановичемъ; онъ вступилъ въ эту богадѣльню, и нынѣ возсѣдаетъ тамъ среди достойныхъ товарищей, подобно ему всѣми уважаемыхъ.

Господа сенаторы! Вы осудили меня за *пасквиль* . . . Знаете-ли вы, что такое *пасквиль?* . . . Это собраніе клеветъ и лжей, а въ моей книгѣ нѣтъ ни однаго факта, не только ложнаго, но даже и ошибочнаго! Все, сказанное мною, истина, истина для многихъ непріятная и горькая, но святая истина! Какъ же вы могли назвать мою книгу *пасквилемъ?* Вѣдь послѣ этаго я въ полномъ правѣ сказать о васъ, какъ и говорю нынѣ, что *вы не имѣете ни ума, ни чести* . . . .

Вы осудили меня также за то, что я не явился на востребованіе петербургскаго правительства? Но явиться-было-бы явнымъ безуміемъ съ моей стороны! Если-бы я явился, то меня слѣдовало-бы считать сумасшедшимъ; слѣдовало-бы меня посадить рядомъ съ барономъ Христофоромъ Христофоровичемъ фонъ-деръ-Ховеномъ, то есть въ сумасшедшій домъ — или въ сенатъ — что почти одно и тоже.

Объ одномъ пріятели мои позабыли меня увѣдомить: въ то время, когда дѣло

обо мнѣ докладывали въ первомъ отдѣленіи шестаго департамента сената, сводъ законовъ находился-ли на столѣ, или..... подъ бароном Христофоромъ Христофоровичемъ фонъ-деръ-Ховеномъ? .... Господа сенаторы, ослы отечества, увѣдомьте меня о томъ, прошу васъ? Живу я въ Парижѣ, rue Neuve-Saint-Augustin, 44.

Мы, русскіе, имѣемъ несравненно болѣе равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, чѣмъ имѣли древніе римляне. Случилось однажды, что Калигула ввелъ въ сенатъ свою лошадь, и во всей Римской Имперіи поднялся крикъ негодованія: у насъ безпрестанно сажаютъ въ сенатъ скотовъ, и никто не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Князь Петръ Долгоруковъ.

Примѣчанія

къ двѣнадцатой главѣ.

1. Говоря о родственникахъ декабристовъ, удержавшихъ себѣ ихъ имѣніе, и слѣдовательно обокравшихъ ихъ, мы назвали лишь Анненковыхъ, обокравшихъ Ивана Александровича Анненкова. Слѣдуетъ прибавить имя Тургеневыхъ, сыновей покойнаго Бориса Петровича Тургенева, которые обокрали двоюроднаго дядю своего Николая Ивановича Тургенева, удержавъ имѣніе, слѣдующее ему по наслѣдству послѣ роднаго брата его.

2. Въ числѣ декабристовъ, вступившихъ въ бракъ въ Сибири, находится Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.